АЛЬТС ГЕЙМЕР

КОД ЛАВАКРОНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гражданин! Поступай правильно, зарабатывай баллы Добродетелей и избегай Зоны грехов. Потому что грешника ждет экскурсия в Лавакрон – синтетический ад, где ему будет предложена обширная программа из семи кругов инфернальных приключений. За тем, чтобы раскаяние пришло и было максимально искренним проследят демоны Лавакрона, особая каста лиц, которые сделают путешествие по преисподней незабываемым.

•

Линия Слика. Лидер в кубе

Когда до берега оставалось не более десяти футов, я выпустил из рук узловатый канат. Флегетон сегодня был тих, как невинная девица на медицинском осмотре. Стянув с ладоней вышарканные добела кожаные рукавицы, я бросил их на грубо сколоченный топчан в углу парома и вытер со лба обильный пот. Затем откинул ниспадающий на лицо капюшон моего темно–серого плаща, сделал пару быстрых шагов по дощатому настилу и перепрыгнул на берег. «Плюх, плюх» – сказал плот, разгоняя по реке круги волн. Моя нога едва не провалилась в ровик с горючей жидкостью, но я успел вовремя отскочить. Хватит уже ходить с ожогами. Какой садист проектировал это дурацкий уровень преисподней?! На каждом шагу если не лава, то угли, если не угли, то заботливо проложенный огненный ручей. Хорошо хоть магма не настоящая, а так, имитация. Может прижечь, но не запечь. Скорей бы вернуться в свою хибару. Там прохладно, уютно и водопровод, хотя сама хибара – всего лишь подземный грот с длинным винтовым коридором. Но сначала нужно натянуть «змеюку». Так мне вздумалось обозвать спиральную нить бритвенной колючей проволоки, которая обивается вокруг переброшенного через Флегетон каната. Да как обвивается! Попробуй переползи на другой берег по натянутому тросу, если там висит подобное украшение.

– Хэй, Велчер! – донесся раскатистый рык с другой стороны.

Велчер – это я, бывший капитан Константин Слик. Новая работа, новая личина и новое имя. Но я по-прежнему ненавижу Систему и мечтаю переломить ей хребет. Вот только найду ее слабое место и ударю.

– Велчер! Алло! Подгоняй свою телегу!

На маленькую проплешину плеса на противоположном берегу Флегетона выползла крупнокалиберная фигура Ома Набуяга – моего завзятого приятеля. Он призывно махал руками, словно пытался оторвать от земли свое грушевидное тело, причем одна из его лап цепко держала упаковку с пивом. Рядом с Набуягом, у самой воды, сидел какой–то бедолага и умывался. С неожиданной прытью Ом подскочил к грешнику и дал тому прицельный пинок под самый зад. Страдалец кубарем бултыхнулся в реку, подняв тучу масляных брызг. Набуяг громко расхохотался:

– Смирись, отступник, и будешь прощен!!!

Этот пройдоха своего не упустит. Сумел на ровном месте заработать себе на счетчик 10 УЕ за зловредность. «УЕ» – это «Utile Effectum», что означает «полезное действие». Такая вот от нас, демонов, теперь обществу полезность – раздавать пинки, оплеухи и всячески тиранить бедняг, которых угораздило загреметь в Лавакрон. Пока их поступает тонкий ручеек, но все наши твердят, что скоро ручей превратится в полноводную реку, и тогда только успевай поворачиваться. Грешник угодил прямо в чернильные прибрежные струи, от чего стал похож на оживший кусок мазута.

Э–э–эх, устал – не устал, теперь отвязывай паром и снова перехватывай канатные узлы. Тьфу на Набуяга – нечего шляться в неуставное время, но пива–то хочется!

Когда я причалил к мыску, из сухих зарослей выступили две фигуры в рубищах:

– Паромщик Велчер, покорно просим вас забрать нас на другую сторону.

Пара похожих друг на друга парней с ввалившимися щеками. Глаза испуганно блестят, на лице трехдневная щетина.

– А ну, брысь!!! – рявкнул на них Набуяг. – Сколько раз говорено – переправа до захода прожекторов. Какой грех имеете? И что за религия?

– Христианство, грешны расточительством, – прошептала одна из теней.

– А если расточитель, то можно ходить небритым? Кто сказал такое? Никто? А вот я вам говорю, что с сегодняшнего дня в Прайде введена принудительная кастрация за небритость! Марш приводить себя в порядок. Завтра переправитесь, – важно распорядился Ом и, обернувшись к кустам, призывно крикнул. – Танцор!

Из колючих ветвей вылез эдус и приковылял к берегу. Головы нет, тело сплющенное, руки и ноги торчат – вылитый паук! Я заметил, что организм прихрамывал на одну конечность. За

спиной у эдуса болтался самодельный матерчатый рюкзак, набитый чем–то тяжелым. Набуяг бережно поставил пиво у своих ног, подхватил создание под «мышки» и перекинул ко мне на настил плота. Не ожидавший такого поворота эдус неуклюже плюхнулся набок.

– Вот – выменял у пургаторских ребят. Поврежден, хотели было списывать. А мне сгодится, – пояснил Ом.

Он примерился, сделал шаг назад и перемахнул на паром. При приземлении мой приятель умудрился наступить на полу своей рясы, споткнулся, заскользил к краю и неминуемо бы вывалился во Флегетон, если б я не удержал его за шиворот.

– Ага. Благодарю, – пропыхтел Набуяг и уселся прямо на доски. – Укачивает меня стоя, – пожаловался он. – Дают знать боевые ранения.

Старый ты мошенник! Это просто талант – так врать, ни секунды в себе ни сомневаясь. Какие ранения? Откуда у тебя, проходимец, раны?

Мы познакомились полгода назад в карантине. Я только что закончил реабилитационный курс, во время которого из моего тела извлекли массу полезных и не очень предметов, в том числе и Червяка, моего внутреннего шеф-лекаря. О нем единственном я сожалел, даже горевал. Моя возлюбленная Тиа-культуролог полностью исчезла с радаров, как и не было ее. Горевал ли я и о ней тоже? Если только очень глубоко внутри, поскольку отчаянно крутил романы с молоденькими медсестрами. Умудрился стать у них вроде местной достопримечательности. Но не по причине избытка мужской силы, скорее – наоборот, к моему стыду. После удаления имплантов и замены армейского процессора на гражданский у меня полностью исчезли навыки любовного общения. Я походил на солдата–новобранца, попавшего на передовую сразу после рекрутского пункта и неведомо как миновавшего учебку. Все до одной «нечипованные» девчонки ржали надо мной, как кобылицы, но не брезговали наставлениями неумехи.

Тогда я вновь убедился в том, что слова начальника «ПО» Гиллиса насчет реабилитации для военных были не лишены смысла. Меня призвали сразу после интерната. Потом был лагерь подготовки и заброска в первую боевую командировку. Мы понесли потери и нас отвели на переформирование в учебный центр. Тренировочные базы нынешнего образца – это гибрид военного лагеря и курсов переподготовки. Таким был и «Форекон» – мое последнее место службы. Но до него я успел вдоволь поездить по всем горячим точка континента. Это была игра в пятнашки на территории Евразии длиной в двадцать лет.

Нет, на мою долю приходилась не только стрельба. Я ездил на курорты, посещал разные приятные места матери–планеты во время отпусков. Всегда останавливался в специальных отелях для военных. Еще бы, еда там обычно была лучше, пиво – вкуснее, чем в стандартных комплексах для туристов, да и чего нам, солдатам, тереться среди штатских? Меня постоянно окружали люди из приграничных районов. Нейросеть – наше братство, единый круг посвященных. Разве могло быть иначе? А эти жители благоустроенного подбрюшья цивилизации – они были совсем другие. Девушки в госпитале смотрели на меня с плохо скрываемым страхом, но какой огонь желания зажигался у них при этом в глазах! Вот я и пользовался возможностью. В армии науку пользоваться изучают во вторую очередь после винтовки. Есть возможность поспать – спи, получил шанс поесть – набивай брюхо. Пиво и красотки прекрасно помогали мне коротать время. Я прикидывал – если вся новая служба будет проходить именно так – запишусь на сверхсрочную.

Все кончилось в один день. Со мной связался этот пухлый тип – Коэн, после чего моя жизнь превратилась в нелепый комикс с той разницей, что в комиксе не бывает сомнений «а не спятил ли ты часом?» Эти мысли стали преследовать меня постоянно, как только довелось узнать суть будущей работы. Творец Всемогущий! Играть роль демона! Додумались! Но под контрактом уже стоял мой иден–код, так что карты на партию были сданы. Извольте брать их в руки, крупье настаивает!

Дальше недотепе–Слику пришлось очутиться в подштанниках перед серьезными дядями со скорбными ликами мудрецов. Они морщили лбы, смотрели на меня и колотили по клавишам старомодных компьютеров. Затем мою персону многократно подвергли тестам разной степени унижения, и я очутился в небольшой клинике посреди старушки Европы. Точнее, перед монолитной стальной дверью, способной выдержать пару прямых попаданий из авиационной пушки. Туда меня доставила теплая компания из трех парней в форменках с эмблемой «А– Консент-Д». Очень общительные личности – за весь пятичасовой рейс на ховере не проронили ни слова. Я зашел внутрь, а они остались снаружи, такова была экскурсионная программа. В комфортабельном номере, состоящем из бетонных стен, ряда двухъярусных коек и воняющего дезинфекцией санузла уже проживали два обитателя. Милые ребята – один высохший тип с дерганым лицом, второй – ширококостная образина, достойная грифеля художника–анималиста. Первый раз я имел удовольствие наблюдать лицо, в котором череп мангустового лемура удачно сочетался с квадратным казенником подбородка.

И сверху сей портрет грубой кисти украшала редкая поросль мышиного цвета волос с лысиной, наподобие тонзуры. Эти красавцы восседали вдвоем на одном ложе и увлеченно резались в кости.

– Добрый день, – сказал я, перешагивая порог.

Под ноги мне тут же полетела какая–то грязная тряпка. Я пожал плечами и переступил через нее тоже. Завсегдатаи санатория любителей простой архитектуры обменялись многозначительными взглядами, после чего дерганый спросил:

– И чем же он добрый?

– Каждый день дарованный Творцом – добрый, – назидательно изрек я, усаживаясь на одну из кроватей.

– Поучать нас вздумал? – угрожающе пробасил лысый полуприматы. – Выкладывай, что там у тебя в карманах. Пол помоешь после.

– Учить вас, как я вижу, уже поздновато, – любезно ответил я, расстегивая молнию на куртке. – Поэтому сразу перейдем к экзаменовке.

– Чего?!

– Пол, говорю, не слишком грязный, поэтому его можно просто пропылесосить. Твой приятель возьмет тебя за жирные уши и будет водить мордой по кафелю. Тебе останется только широко открывать рот и ловить соринки. Пылесборник, я вижу, у тебя подходящий, значит, процедуру будем повторять несколько раз в день.

Дерганый подпрыгнул и рванулся ко мне. Я заметил у него в руке короткий металлический штырь, поэтому не стал рисковать и засушил его правую ударом ноги в область локтевого сустава. Бросил свое тело навстречу, и мой кулак как–то сразу нашел его острый подбородок. Мужичок вытянулся посреди камеры, задумчиво рассматривая потолок. Здоровяк даже не тронулся с места. Потом облизнул вывернутые наружу губы и тихо сказал:

– Не сердись, приятель, мы тебя испытывали.

– Угу. Ну и как?

– Нормально. Сгоняем в кости по маленькой?

Теперь этот любитель азартных ощущений перевешивал своим тяжелым крупом половину моего плота. Куда делся наш нервный сокамерник – представления не имею. Ом Набуяг – единственная ниточка, которую удалось протащить в Лавакрон из прежней жизни. Может, поэтому я еще не пристукнул его чем–нибудь тяжелым? Его водянистые глаза стали для меня хранилищем памяти о прошлом. О том, что я – капитан Константин Слик, а не демон Велчер, паромщик через подземную реку под названием Флегетон. С Набуягом, этим толстозадым

мешком плоти, все хотят дружить отнюдь не из–за его располагающей внешности. Ом по нашему табелю о рангах отвечает в Прайде за оргии. Как они будут проходить – пока никто не знает. Просто есть Набуяг и он – дежурный по разврату. Само собой, у нашего жоха всегда в достатке пиво, он знает последние новости, словом – преуспевает.

Велчеру, мне то есть, особых чинов не досталось. Я ведаю переправой и контролирую северо–западный участок Прайда. Если кто еще не понял, речь идет о третьем уровне Лавакрона, куда ссылают особо отличившихся греховодников. А Лавакрон – это наш официальный и одобренный правительством ад. Такова новая доктрина общества, которая разделила людей на добродетельных граждан и наоборот. Мы построили по всей Земле Райские парковые зоны, а потом задумались и пришли к выводу, что тут чего-то не хватает, а именно – преисподней. Ресурсов у человечества имелось в достатке, поэтому проект воплотили в жизнь. И теперь вниманию опрометчивого грешника представлены семь кругов инфернальных приключений, в которых уровень номер три именуется Прайдом, сиречь – Гордыней. А в нем, наряду с прочими демоническими личностями (служба такая), обитаю я, паромщик Велчер.

Площадь моих угодий не менее двадцати квадратных миль солончаков, гейзеров и прочих извержений. Сюда же входит знаменитая Альтамира Крови – жидкое озеро красной глины. Она, вопреки законам тяготения, выплескивается на поверхность из подземелья, течет, переливается и всячески булькает. Неподалеку от пульсирующей аорты Альтамиры я обустроил свою берлогу.

Именно туда мы сейчас направлялись с Набуягом, а сзади плелся груженый пивом эдус и шипел, когда натыкался на угли своими руконогами. Я прокладывал путь, проверял посохом сомнительные участки, а Ом свистел одышкой у меня над плечом. Через десять минут карабканья по буграм и скольжения по застывшей лаве мой приятель выклянчил передых. Он крепкими зубами перегрыз пластиковую упаковку пивного контейнера и швырнул мне одну банку. Дружно хлопнули открываемые крышки, пиво вскипело, мгновенно охлаждаясь до нужной температуры.

– Вчера на переходе с Фила случилась крупная свара, – многозначительно обронил Набуяг.

Фил – это Инфиделити, наш верхний этаж. Оттуда к нам поступают грешники, продукты и множество полезных вещей.

– Там постоянно что–то случается, – отмахнулся я.

– Тебе стоит как–нибудь побывать на границе мира. Теперь многое изменилось. Народ валит толпами.

– А кто за меня на переправе останется? Ты что ли будешь паром таскать, жирдяй? Ладно, жалуйся. По глазам все вижу.

– Набежала братва из–за центрального хребта, оттеснила наших и захапала полностью добро. Грешников помяли изрядно. Женщин угнали.

– Вот, значит, как… А что народ говорит?

– Все злые. Дело идет к войне.

– Ах–ха–ха! Жратву не поделили и тут же воевать удумали? Не смеши! Сегодня они, завтра вы. Утрясется. Ты решил поскулить, чтоб к тебе не приставали с оргиями?

– Так откуда оргии, если паломниц забирают южане? В общем, пора им немного вправить мозги. Ребята с границы просили передать, что тут не помешает Велчер с его боевым опытом. Любителей подраться у нас хватает, жаль, что сноровки маловато. И желающих командовать тоже хоть отбавляй, но из них вожди никудышные – только горлопанить могут. Нужен такой, чтобы всех расставил по местам. Ты нужен, Велчер.

– Отстань с ерундой и не тряси щеками – слюни летят в разные стороны.

– Грешники голодают, – прогнусавил Набуяг.

– Чего?!

– Люди простые, говорю, страдают. Воды во Флегетоне вдоволь, а рационов не хватает. Они ловят рыбу, конечно, жрут ее. Иногда совсем сырую. Лодок нет, чтобы на чистую стремнину выплыть, поэтому таскают снулую из прибрежных масляных потоков. Как погляжу на них – сердце прямо заходится от жалости!

Его бульдожье лицо сложилось в отвратительную двуличную гримасу – так Набуяг, видимо, представлял себе сострадание.

– Хм. Пожалуй, это полностью меняет дело, – я поднялся с места, пошарил по карманам плаща и достал свой усиленный свисток – пластиковую красную пилюлю.

Мой призыв лежал в ультразвуковом диапазоне, поэтому Набуяг ничего не услышал. Зато эдус встрепенулся, оскалил зубастую пасть и даже попытался задать стрекача, но Ом ловко сшиб его подножкой. Я стоял, задрав голову вверх, и глядел в багровые небеса. Не прошло и пару минут, как по воздуху пронесся громкий горловой звук.

– А вот и Хухлик, – сообщил я.

Обычно птицы видят не хуже оптических приборов, но мне достался близорукий питомец. Чтобы привлечь его внимание, я поднял над головой свою трещотку–кротал и принялся ее раскручивать. Разгоняя горячий воздух пышным веером крыльев, к нам сверху спикировал мой воспитанник. Стимфалийским

птицам положено выглядеть привлекательно, почти роскошно, но одновременно – хищно и угрожающе. Так оно, в принципе, и вышло, хотя я что–то перемудрил с экстерьером Хухлика, отчего он получился смесью попугая со стервятником.

– Если эту тварь поставить за твоей спиной с раскрытыми крыльями, то получится картинка точь в точь, как на твоей татуировке, – заметил Набуяг, опасливо отодвигаясь подальше.

– Хухлик! Полетишь сначала к Хормусту, потом к братьям–монголам. Скажешь, что Велчер взывает к ним. Встречаемся в Домике. Воспроизведи!

Мое стимфалийское чудо послушно проскрипело текст.

– Отправляйся немедленно! Стой! Пусть захватят с собой чего–нибудь выпить. А пожрать я найду. Уяснил? Хорошо. Лети!

Набуяг удовлетворенно хмыкнул и потер ладони:

– Вот теперь мы южанам точно копчики поломаем!

– Привал окончен, топаем дальше. Ом, ты бы взял свою козочку на привязь, а то впереди столько горюче–смазочных материалов, что она придет к финишу в тушеном виде.

Полчаса мучений спустя мы вступили в Альтамиру. Заметно посвежело – из пурпурной жижи вырывались облачка холодного пара и кондиционировали атмосферу. Еще одна скользкая горка – и вот впереди мой приют, который я по старой памяти окрестил Хибарой. Это был трехметровый курган, покрытый рубиновыми прожилками лавовых ручейков. Из–за влажного конденсата в воздухе, вся конструкция постоянно шипела, словно потревоженная гадюка. В среднюю часть холма с претензией на прихотливость была впечатана дверь в виде перевернутого треугольника. Как только мы приблизились на десяток шагов, замогильный голос возопил:

– Остановись, нечестивец! Или продолжи путь, но потом не проси о снисхождении!

Я покосился на Набуяга и вполголоса произнес:

– Черная курица все равно снесет белое яичко!

Дверь в демонское жилище распахнулась с треском, будто ее высадили изнутри. На пороге возник мертвец с окровавленной алебардой. Я прошел прямо сквозь труп, нашарил за дверным косяком переключатель и вырубил голограмму.

– Привел Творец гостя – послал хозяину пир. Заваливайтесь!

Мы протопали два витка широкой каменной лестницы и спустились в мою прихожую. На нашем пути вспыхивали тусклые лампады. Набуяг на ходу умудрился треснуться черепушкой о медную шандалу и теперь озабоченно тер лысину. Я ополоснул ладони в тазике, стоявшем на массивном железном табурете, приглашающе кивнул на него Ому, но пройдоха уже тащил к

прямоугольному низкому столу мое единственное мягкое кресло. Угнездившись на шкуре черного козла (искусственной, конечно), мой соратник вывалил на пол из рюкзака эдуса наши пивные запасы.

– Велчер, у тебя органика есть?

Я пинком пододвинул к нему пластиковый бокс с питанием для нелюдей, а сам скинул с плеч пыльный плащ. В моем подземелье царила комфортная для души и тела прохлада, особенно приятная после тяжелого рабочего дня.

Набуяг помахал перед мордой эдуса брикетом органики, но существо и не подумало распахнуть пасть для приема пищи. Его синтетические глаза тупо следили за человеческой рукой без всякого намека на ответные действия.

– Я же говорил – барахлит зверек, – вздохнул Набуяг, с силой разжал эдусу челюсти и запихнул туда порцию.

– Жутко на вас смотреть. Почини его обязательно, – посоветовал я. – Не то хватанет тебя за руку рано или поздно, точно говорю.

Ом вальяжно махнул лапой и распечатал пивную банку.

– Успеется. Ты вроде говорил, что едой богат?

– Вчера сеть выметал. С плота, на середине реки, – поделился я. – Короче, сома будешь жареного? Фунтов под сто вытащил! Еле доволок!

Набуяг довольно осклабился и причмокнул губами.

Мы прикончили первую упаковку пива как раз к моменту, когда раструб одного из воздуховодов проскрежетал ангельским голоском моей стимфалийской пташки:

– Здесь Хухлик! К Домику приближаются четыре объекта. Троих идентифицирую, как теплокровных гуманоидов, четвертый – биоорганическое существо, аналогичное мне. Применить превентивное обгаживание?

– Отставить. Подтверждаю дружеский статус объектов и право доступа гуманоидов внутрь Хибары.

– Они что, знают пароль? – заинтересованно спросил Набуяг. – Ты и впрямь радушный хозяин!

– Нет.

– Тогда как демоны попадут вниз?

– Им неизвестен код, но его знает Хухлик. И Хухлик умеет говорить.

– А–а–а, – разочарованно протянул Ом.

– Да и смысла в знании немного – пароль я меняю каждый день.

– М–м–м, – совсем приуныл мой приятель и, помычав несколько секунд, словно жевал подошву, добавил. – Ловко. Надо

Танцору тоже раздобыть речевой блок. Нет. Передумал. Еще скажет чего–нибудь такого, что я сам не обрадуюсь.

Нас, армейцев, в Лавакроне немного, я думал, что будет куда больше. Само собой разумеется, мы стараемся поддерживать связь и вообще помогать друг другу. Трое бывших вояк, которых я сейчас ждал в гости, даже поселились поближе ко мне, чтобы в случае чего сообща противостоять неприятностям. Которые, как мы и предполагали, ждать себя не заставили.

Хормуст – крепкий парень, китаец по национальности. Он признался, что ему стукнуло двадцать пять как раз накануне прайдовской ссылки, хотя для своего здешнего образа он избрал внешность древнего старца. Проявил фантазию, тут такое приветствуется. Не то, что я, который просто взял и скопировал свою татуировку с груди. У Хормуста развевающиеся седые патлы, лицо без единой кровинки, ярко–красные глаза без зрачков и такие же красные губы. Причем, это не силиконовая маска, а натуральная пластика. Парню пришлось пережить несколько операций, чтобы приобрести нынешнее состояние. Красавец получился отменный. Ему даже не нужны в руках устрашающие атрибуты власти, потому что когда эта страхолюдина верхом на верном персекуторе по кличке Лин Ту возникает в зоне видимости, у любого грешника появляется лишь одно единственное страстное желание – бежать!

Своего Лин Ту он выменял с нижнего уровня, с самого ночного Сарвария. Что отдал взамен – не говорит. Когда животину везли через Стимоний, она вырубилась начисто. Саламандрины, что доставляли заказ, признались: были мысли пустить персекутора на корм крокодилам, но стоило им перечесть границу Прайда, как чудище внезапно ожило и с тех пор не зависало. Лин Ту или «Лунный Заяц» с китайского – жутковатая четырехногая скотина величиной с осла. У нее высохшая до состояния пергамента шкура и лицо задушенного праведника. Сначала Лунный Заяц все время падал, поскальзывался на нашей магме, но потом Хормуст раздобыл для него специальные подковы, и теперь боевой загробный иноходец имеет ровный аллюр и без труда берет небольшие препятствия. Я сначала расспрашивал Хормуста за что он сюда загремел, но парень отмалчивался и повторял только одно: «Поимели меня, Велчер. Просто поимели». Видимо, попал в историю, аналогичную моей. Я не стал допытываться – раз человек не хочет откровенничать, значит, лучше оставить его в покое.

Другое дело братья Тенгир и Гэгэн – никаких секретов. Бывшие десантники, оба – мастера–сержанты. Вляпались из–за девчонки Тенгира. Старший брат не поделил какую–то особо

знойную красотку с конкурентом из соседнего взвода, младший поддержал родственника, и дело дошло до применения оружия. Обоим светил трибунал, но на горизонте возник всесильный пухлячок Коэн, мой знакомец, так что проблему удалось замять ценой десятилетнего контракта в Лавакрон. Что, в общем, неудивительно – альтернатива была бы намного печальнее. Братья по происхождению – этнические монголы и воспринимают жизнь с похвальной философией спокойствия. Внешне оба крепкие, приземистые, пара настоящих карманных дредноутов, старший чуть массивнее, младший более верткий и поджарый. Когда дело дошло до определения статуса, они выбрали псевдонимами имена каких–то своих национальных страшилок, после чего застолбили пограничную с моими угодьями область. Перед грешниками они появлялись в обличии прямоходящих рыб. И картинка эта не содержала ни унции комизма – во все стороны топорщились иглы плавников, из зубастой пасти торчали острые конические клыки, широкий кожаный пояс оттягивала пара тяжелых клинков в чешуйчатых ножнах. Шмотки, конечно, бутафорские, но внешне смотрелись вполне грозно. Тенгир и Гэгэн твердо намеревались в самое ближайшее время обзавестись приличным гаремом и зажить в свое удовольствие. Десять лет – срок немалый, так что понять их можно. И вот нежданная помеха – на носу война, костлявая старуха пробралась в Лавакрон и взяла нашу маленькую общину на прицел дулами своих пустых глазниц. Что скажут парни? Пошлют подальше – нет сомнений. Зачем им чужие проблемы?

На широком пластиковом подносе громоздилась куча обглоданных рыбьих костей. Набуяг сыто хрюкал, довольно потирая живот. Лжемонах распутал на своей черной рясе вервие пояса и теперь безмятежно крутил его в масляных пальцах. Я в общих словах доложил народу обстановку: южане мутят воду на перевале, начинают открыто хамить, словом, проверяют нас на прочность и выдержку. Не пресечем сразу – обнаглеют и перейдут к более решительным действиям. Грешники тут являются разменной монетой, средством побудить нас к ответным шагам. По сути, мы имеем две возможности – либо молчать и ждать, пока не случится чего похуже, либо чувствительно врезать захребетным демонам по гнилым зубам. Дать понять, что не любим, когда нам, северянам, плюют на ботинки. Я мыслил так: сидеть как белка на дереве и смотреть сверху на пилу дровосека скучно и бесперспективно. Можно слезть и кого–нибудь тяпнуть за палец, например. Ребята ответили сразу, без раздумий. Я ожидал какой угодно реакции, но совсем не той, что последовала.

Троица отставных военных переглянулась, потом взоры скрестились на китайце, предоставляя ему право ответного слова. Двадцатипятилетний старик улыбнулся вампирскими губами и произнес:

– Мы ждали, Велчер, когда ты начнешь скликать свою армию. И были готовы. Когда выступаем?

Армию! С ума можно сойти. Творец, это твои штуки?

– Нам всем являлся Покровитель Баалхи, – пояснил Тенгир. – Он так и сказал – будет сбор на грядущую битву. По ее итогам окончательно установится иерархия Лавакрона.

Кряжистый молодец безмятежно почесал ладонью круглый подбородок. На кисти мелькнула синяя татуировка – пара солдатских жетонов на одной цепочке.

– То есть, кому под кем быть, – уточнил его младший брат. – Вот мы с ребятами и решили, что не хотим упустить шанс выбиться в высокие дэвы. Не век же нам тянуть лямку заштатных ракшасов. Ты ведь тоже говорил с Прорицателем? – осторожно поинтересовался он.

Бойцы замерли в ожидании моего ответа. Глаза Набуяга тоже заблестели жадным любопытством.

Баалхи почтил мою персону своим посещением, а то как же! Дело было уже давно. В моем домике высветилась голографическая проекция трона из черепов, на котором восседало разукрашенное чучело. Такие картинки обычно являются малышам из детских интернатов под Рождество, только там к карапузам приходит добрый Санта–Клаус, благодарит за послушание и обещает замечательные подарки. Их потом наутро достают из–под елки воспитательницы. Мой сказочный персонаж, к сожалению, возник без намека на приближение праздника, борода тоже отсутствовала. Я тогда грыз пищевой рацион и чуть не подавился от неожиданности. Покровитель демонов был наряжен в пестрый халат, из коего вываливалось темное брюхо, его босые ступни попирали земной шар, между оскаленных клыков змеился раздвоенный язык. Тварь получилась первостатейная, изо рта даже капала голографическая слюна и истончалась в воздух тонкими струйками дыма. Он дождался, пока я утру слезы от смеха, и начал мне увлеченно втирать о предстоящей войне за влияние, о возможности выдвинуться на первые роли среди всех демонов Лавакрона. Я ответил, что спасибо, дескать, за предложение, но мне довольно отслужить положенные по контракту годы и смотаться из этого балагана куда подальше. А они там, наверху, могут по–прежнему развлекаться новыми игрушками или снимать свое непонятное шоу, я ничего против не имею. Баллхи возвысил голос. Он стал

грозить какими–то карами за уклонение от обязанностей демона. «Ты не избегнешь своей участи!» – даже заявил он под конец речи. Я же посоветовал ему захлопнуть хлебало и впредь держаться от меня подальше.

Но люди, которые сейчас сидели напротив, напряженно ждали ответа.

– Был Прорицатель, был, – вздохнул я. – Он сказал, что хорошим парням давно пора объединяться, чтобы сделать плохим парням очень больно.

– Хх–ху–у–у! – заорал свой боевой клич бывший «морской котик» Хормуст.

– Джеронимо! – взревели оба монгольских отставных десантника.

– Хоах! – присоединился я рейнджерской стандартной аббревиатурой: «слышал, понял, действую».

Растроганный паромщик Велчер мгновенно превратился в капитана Слика и на радостях выставил на стол объемистую бутылку мутного пойла, что сменял на две связки вяленой рыбы у проезжего демона. Часто бывавший у меня ранее Набуяг подсуетился со стаканами. Мы торжественно выпили.

– Что это было? – просипел Хормуст.

– Не знаю, – ответил я, проталкивая по пищеводу огненную жидкость.

– Хотим этот сорт виски на постоянной основе, – попросил Гэгэн, когда восстановил способность говорить.

Набуяг невозмутимо хрустел жареным плавником. Этот тертый малый в своей жизни пробовал и не такое. Убедившись, что все пришли в полное здравие, Ом проворковал нарочито елейным голоском:

– Не хочу нарушать трогательную атмосферу фронтового братства, но осмелюсь полюбопытствовать – а чем вы, ребята, собрались воевать?

Тенгир сжал свой изрядный, увесистый кулак, поднес к самому носу Набуяга, повертел так и эдак, чтобы можно было лучше рассмотреть, потом внушительно спросил:

– Мало?

Будучи сам приличных габаритов, Ом, тем не менее, весь съежился и втянул голову в плечи. Неудивительно, от монгола сейчас шла явственная аура грубой первобытной силы, жестокой, беспощадной.

– Можно понаделать луков. Я знаю, где взять древки, тетиву тоже найду, – предложил Хормуст.

– Доспехи соорудим из многослойных кожаных ремней! – подхватил Гэгэн.

Я встретился глазами с Набуягом. Тот отрицательно покачал головой:

– Нет, это не годится.

– Тогда, милейший Набуяг, можешь просветить нас, какие орудия убийства нынче котируются в Лавакроне, – снисходительно разрешил я.

Линия Слика. Война по правилам демонов-джентльменов

Набуяг не стал жеманиться и быстренько обрисовал нам текущую ситуацию. Оказалось, что кулаки, дрючки и стрелы нынче не в моде, а неведомыми умными людьми уже придуманы оригинальные приспособы для подземного выяснения отношений. При начале официальных военных действий нам поступали на вооружение две специальные краги – одна белая, вторая желтая. Их надевали на руки. Белая или «шоквокер» генерировала ударные импульсы, желтая или «драммер» выставляла небольшой силовой щит для их поглощения. Когда одна сторона понимала, что в сражении ей больше ничего не светит, белые перчатки предполагалось сбрасывать, типа «не стреляйте, мы сдаемся». По действию разряды «шоквокера» походили на хороший удар под дых, причем наличие плотной одежды мало влияло на силу поражения. Получив один такой гостинец, человек еще мог как–то устоять на ногах, пара попаданий валила с ног гарантировано. А если зевнуть пяток или больше импульсов, то можно было не планировать на завтрашний день ничего важного, поскольку ты непременно проведешь следующие сутки в горизонтальном положении, тихонько поскуливая. Лицо надлежало блокировать «драммером» особенно тщательно – эффект от «шоквокера» при прицельном попадании в голову был аналогичен удару промеж глаз полицейской дубинкой. Само собой, с не меньшим вниманием следовало подходить и к защите промежности.

– А если словить сразу десяток поражающих элементов? – поинтересовался Хормуст.

Набуяг ответил, что такого пока не случалось, да и вообще, штука новая – никто о них ничего толком не знает. Субкультура. Так, наверное, моя экс–девушка обозначила бы то, что сейчас формируется у нас в Лавакроне. Демоны начинают обзаводиться собственными игрушками и придумывать сложные нормы поведения.

Еще через час бутыль опустела, я достал из кладовой несколько скатанных в рулоны шерстяных одеял, и мы завалились спать, кто где смог устроиться. Воняло жареной рыбой, но нам это не помешало. Через полчаса мой подземный чертог наполнили

разнотоновые рулады храпа.

Поутру я с трудом перебрался через тела моих товарищей и первым делом выпил подряд три стакана воды. Несчастное кряхтение Ома внизу подсказало мне, что я стою у него на каком–то жизненно важном органе. При рефлекторном отпрыге в сторону, я перевернул табурет, опрокинул умывальный таз и учинил тем самым всеобщую побудку. Мы быстренько устранили последствия вчерашней попойки: помыли посуду, собрали в мешок рыбьи кости и собрались завтракать. Я достал пять пищевых рационов, а скромному эдусу, что за ночь слился с предметами моей нехитрой обстановки, перепала куча наших объедков. Выдвигаться к центру событий решили сразу после завтрака. Выбор сделан, так чего же мешкать?

Грешников, кому сегодня приспичило перебраться через Флегетон, ждал на переправе сюрприз: намертво закрепленный паром и сидящий на берегу Хухлик, который встречал паломников словами:

– Сегодня сообщение между берегами не работает. У Велчера официальный выходной день, в связи с Первой демонской войной. Приходите завтра, пожалуйста.

Поверх каната я предусмотрительно натянул «змеюку», а для особо ретивых было приготовлено еще одно препятствие – поперек плота лежал мумифицированный Лунный заяц и злобно скалил зубы.

За половину дня мы совершили марш–бросок к нужной точке. По равнинам Прайда уже бродило немало кающихся, которые разбегались и прятались при нашем приближении. При подходе к Джабелю Мести мы отловили группу женщин в десяток человек и отправили Набуяга вести с ними переговоры по поводу организации оргии в самое ближайшее время. Ом сначала свалял дурака, заведя с дрожащими от страха отступницами непринужденную беседу об обмене контактными данными, но потом прибавил строгости и обязал их через три дня явиться на переправу к паромщику Велчеру для дальнейшего прохождения службы. Как выяснилось, пройдошливый Набуяг совершенно не умеет общаться с дамами. Что–нибудь добыть, украсть – это раз плюнуть, а обхождения никакого. Напуганные до немоты барышни обещали непременно быть, но всем сразу стало ясно – обманут, точно обманут.

Мы бодро продвигались вперед по дорожке, что испуганно петляла среди мертвенного оскала гранитных валунов. Кое–где попадались огненные протоки и дыры в земле, пыхавшие жирным черным дымом. Впереди маячил глянцевыми от застывшей магмы боками Джабель Мести – хребет, который разделял нашу

демонскую братию на две популяции – северную и южную. Тропа снова вывела нас на берег Флегетона или один из его притоков. Я еще не поднаторел в прайдовской географии. Четверка бывших военных немедленно увалилась на гранитные плиты отдыхать, а Набуяг рванул куда–то вверх по течению разнюхать обстановку.

Через полчаса на наш бивуак набежало штук двадцать разномастных демонов, все в радостном возбуждении и предвкушении схватки. Оказалось, что как раз сегодня из Инфиделити подвалит очередной караван с товарами, южане заявят на него, по обыкновению, полновластные права, и у нас появится шанс сквитаться с ними за старое и установить новые порядки. Выяснилось также, что всем у нас заправляет колоритная дамочка по имени Азриза – чрезвычайно демоническая особа в блестящей черной шкурке из латекса и кокетливым хвостиком, что эротично хлестал по ее стройным ножкам. У нее были огромные синие глаза, аналогичного колера губы, а кожу на лице будто покрыли слоем стекла. Смотрелось, между прочим, очень впечатляюще. Я постарался свести с Азризой короткое знакомство, и мне даже было обещано, что если дело выгорит, то мы потом двигаем к ней в логово и совместно расслабляемся. Я осведомился, не мешает ли в любовных утехах хвост, на что демонесса ответила – ничего, мол, он отстегивается. Остальная братия орала кто во что горазд, возмущенно трясла руками и не представляла практического интереса для дознания. По итогам полученных от Азризы сведений мне удалось прояснить для себя обстановку:

Первое – демоны из–за Джабеля Мести вконец охамели (сей тезис был прочный и сомнению не подлежал).

Второе – когда очередной караван из Инфиделити причаливает к нашей общей гавани (в полумиле от нынешней стоянки), по подвесному мосту на землю северян придрейфовывает целая толпа пылких южных сородичей. Гости из хребта ведут себя по–хозяйски: хватают все, что могут утащить, по ходу движения раздают пинки и оплеухи. Заграбастанное добро силами отряда вьючных грешников немедленно исчезает из виду, а нам достаются остатки и насмешки от тех же демонов и стражи.

Третье – стража саламандринов никак на произвол не реагирует. Наоборот, четырехглазые рептилии наслаждаются творимым беспределом и всячески подначивают народ на потасовку.

Четвертое – грешники, понимая продуктовую бесперспективность региона, уже предпочитают сваливать через хребет в земли южан. А значит, у нас будет мало подопечных, на

которых зарабатываются очки злокозненности – пресловутые «УЕ» – «Utile Effectum». Это, в свою очередь, приведет к иссыхающему ручейку всяких бонусов от администрации в виде спиртного, одежды и прочего удовольствия. Караванов в наш адрес станет меньше, да и те продолжат безжалостно обираться соседями. И цветущая серными выбросами северная оконечность Прайда впадет в неминуемое запустение. В частности, жрать придется исключительно рыбу из Флегетона, что хотя и полезно, но очень однообразно.

Вывод – надо немедленно положить конец разбою и показать южанам, из какого мы мяса сделаны. Для этой цели обе стороны уже с запасом обеспечили себя боевыми крагами и теперь горели желанием применить их в деле. Оружие доставили прямо к месту общего собрания на вертлявой пироге, сшитой из разноцветных шкур. Мы разобрали перчатки, примерили к рукам. Штуковина работала просто – в момент активации нужно было сжать кулак и чуть надавить большим пальцем на специальную мембрану внутри. Про емкость магазина, естественно, никто понятия не имел. Гэгэн сразу же попробовал «шоквокер» на своем старшем брате. Тенгир несколько секунд заикался, а потом попросил своего младшего больше так не делать. Рукавица нападения издавала при стрельбе чавкающий звук, и движение импульса сопровождалось видимыми тепловыми волнами. Выглядело это, как будто в тебя летит кусок кирпича в прозрачной трубе расходящейся воздушной зыби. Скорость заряда была, конечно, не сверхзвуковая, но увернуться от него оказалось нелегкой задачей. Для этой цели лучше походил «драммер», который раскрывал перед рукой бойца сверкающий радужный круг диаметром двадцать дюймов. Причем защитная штуковина имела неприятное свойство через несколько секунд отключаться на перезарядку. «Драммер» то работал, то пропускал импульсы, поэтому активировать его нужно было строго в ответ на выстрел противника.

Убедившись, что весь народ успокоился и облачился в краги, я взял слово:

– Собратья – демоны! Наша экипировка имеет ряд особенностей. Первое – гарантированный снос противника вызывает пара или больше попаданий. Поэтому – всем разбиться на тройки! Мы создаем фокус–группы во главе с командиром. Именно он говорит, куда стрелять, и его распоряжения выполняются беспрекословно. Возражения есть? Построиться в шеренгу и рассчитаться на первый–третий!

Я ждал, пока они выполнят приказание, и купался во взглядах, которые на меня бросала блестящая Азриза. Ждать

пришлось минут пять, не меньше.

– Вторые номера назначаются командирами. Гэгэн и Хормуст, поменяйтесь местами с соседями, Тенгир, стой, где стоишь. Так, командиры, вперед! Условные сигналы своим подчиненным назначите самостоятельно. Они должны быть короткими, простыми и понятными. Вторая особенность боя на импульсах – толпа неминуемо дает густой, но бестолковый огонь и служит отличной мишенью для ответной стрельбы. «Драммеры» перекроют фронтальные угрозы, но фланги и тыл подразделения сильно уязвимы. Поэтому двадцать четыре человека личного состава мы разбиваем на три отряда. Задача правого и левого крыльев – обходные маневры. Не вступая в плотный контакт с неприятелем, они заходят с боков и начинают вышибать его фланги. Центру тем временем придется сдерживать атаку всей массы противника. Это значит, минимум атакующих действий и особое внимание обороне. Второй ряд со щитами страхует авангард. Берегите головы, а те, кто не владеет школой каменной промежности, ее берегите тоже. Вопросы есть?

– Нет!!! – взревели мои инферналы.

– Сколько у нас осталось времени до прибытия каравана?

– Два часа, – крикнула Азриза.

– Отлично. Разбиваемся на группы и проводим боевое слаживание. Хормуст, ты моя левая рука. Тенгир, твое место справа. Я возьму на себя центр. Шевелитесь, задохлики! Работаем в темпе!

После отработки взаимодействия, мы вдоль берега двинулись на исходную. На скальном пейзаже вокруг росла высохшая плесень бурого мха. От реки поднимались плотные клубы пара, которые закручивались в вихри и исчезали вверху, под потолком. Влажная духота давила и заставляла жадно хватать воздух раскрытым ртом.

– Велчер, я слышала, что ты сам напросился в паромщики. Почему, если не секрет?

Это Азриза, шедшая впереди, остановилась отдышаться и обернулась ко мне с вопросом.

– Хотел отвечать за что–то конкретное, а не слоняться без дела по Прайду, как многие из нас. Теперь есть, какой–никакой дом, работа с твердой ставкой УЕ. Дело помогает не спятить с ума от этого всего, – я обвел рукой окрестности. – И не нужно измываться над беднягами, которые и без наших притеснений уже попали в самый жуткий переплет в своей жизни.

– Ха. Крамольные вещи говоришь. Для демона.

– Азриза, я всегда говорю то, что думаю. За исключением случаев, когда не думаю вовсе.

– Понятно. А будущее? О будущем ты тоже думаешь?

Сзади образовался небольшой затор, поэтому мы с Азризой были вынуждены пойти быстрее.

– Предпочитаю заменять его настоящим, чтобы потом не жалеть о прошлом.

– Я расспрашивала о тебе Набуяга, – призналась Азриза. – У меня сложилось впечатление, что ты не такой отъявленный, каким хочешь казаться внешне.

– Отъявленный?! Да нежнее меня человека не сыщешь, детка!

Тропа расширилась, и теперь мы шли бок обок, касаясь при ходьбе плечами. Демонесса, хоть и покривилась на «детку», но шага не прибавила:

– Джабель Мести пролегает через весь Прайд не случайно. Это значит, что Архитектор задумал здесь две зоны влияния. Два демонских дома. Уже несколько месяцев мы меняем свои УЕ на строительные материалы, вербуем грешников в подручные. Мы хотим отстроить себе нормальный демонский чертог. Я назову его Пурпурный дом. Уже заброшены удочки южанам по поводу переговоров. Все образуется. Постепенно сложится уклад. Тебе найдется место под сводами Пурпурного дома, Велчер.

Я фыркнул, едва сдержав смех. Нормальный демонский чертог! Если бы я услышал этот разговор пару лет назад и узнал, что сам принимаю в нем участие – решил бы, что старина Слик окончательно слетел с катушек. Как меняет нас окружающий мир. Вокруг персонажи из детских страшилок, мне предлагают тепленькое место в инфернальном пантеоне, а я солидно морщу лоб и киваю в такт словам хвостатой девицы. Моя тяжелая ладонь опустилась на ее изящное плечо. На ощупь глянцевая шкурка Азризы оказалась прохладной, несмотря на прайдовский зной.

– Я понял тебя, прекрасная правительница будущего Пурпурного дома. Сначала мы зададим трепку врагам, а потом будем делить каюты на твоем круизном лайнере. Идет?

– Договорились, – шепнула Азриза и на ходу пожала мне руку.

Через полчаса я уже проводил рекогносцировку около пристани, куда караван из Инфиделити по обыкновению выгружал барахло. Водная протока здесь сужалась до расстояния профессионального плевка. Через речную гладь со стороны Джабеля Мести южане перекинули высокий канатный мост. Именно по нему вся их банда должна была нагрянуть к нам в гости. Вокруг грузовой площадки терлось десяток грешников в надежде подсобить караванщикам и получить за это пару рационов. От пристани вглубь Прайда отходила натоптанная дорога. Ее с боков стиснуло парочкой крутых холмов из дикого

камня. За ними мы устроили засады обоих фланговых отрядов, а Центр оседлал транспортную артерию. В целом затея походила на выездную сессию бойскаутов. Возбужденные демоны вели себя так тихо, что, наверное, распугали всю рыбу во Флегетоне. Наконец, из–за ближайшего поворота показался первый катамаран снабжения. Посередине посудины громоздилась куча мешков и коробок, по бортам грозно стояли саламандрины в темно–зеленых доспехах.

– А как эти молодцы насчет наших пушек? – спросил я у Азризы. – Если нормально, то можем разгрузить баржу и до поворота. Мы же демоны, мы же злые и двуличные.

Девчонка с похвальной предусмотрительностью старалась держаться у меня за спиной и, похоже, полностью признала во мне нового военного лидера.

– Никак. Видишь фиолетовую кайму на мундирах стражи? Присмотрись!

– Угу.

– Это поле. От «шоквокеров» оно только светит ярче.

– Проверили? Успели шарахнуть разок? – хмыкнул я.

– Нет. Саламандрины сами показали, когда раздавали пушки. С этими ребятами вообще лучше не связываться.

Когда до пристани оставалось не более пятидесяти футов, окрестности огласились веселым гамом из нескольких десятков обоеполых глоток, и холмы на противоположном берегу зашевелились и ожили кучей демонов южной масти. Эти разбойники со всех ног бежали к мосту.

– Приготовиться! – рявкнул я центральному отряду. – Огонь строго по моей команде!

Перед протокой южане тормознули движение, сгрудились на манер плотной кучки и пропустили перед собой нестройную толпу в грязно–серых рубищах.

– Внимание! Противник использовал тактику живого заслона! Задача – отрезать основную группу! Смещаемся вправо.

– Они сейчас все растащат! – истерически завопил Набуяг и выстрелил.

Все тут же начали палить, как ненормальные. Грешников сметало, словно кегли на дорожке для боулинга. Вот кому я командовал, спрашивается?

– Отставить тратить заряды!!!

Куда там! Мы беспорядочно лупили «шоквокерами» в гущу серых фигур, те валились, как подкошенные, а южане подкрались за нестройной толпой и принялись выцеливать нас поодиночке. Первым срубили самую крупную мишень – Набуяга. Здоровяк и не подумал защититься «драммером». Он безропотно схватил в

грудь три серебристых протуберанца, пискнул что–то неразборчивое и так резво ушел в астрал, что сшиб с ног еще пару соратников.

– Активировать щиты! – заорал я, отбивая сразу несколько импульсов.

Южане, надо отдать им должное, быстро сообразили, кто во вражеской банде самый опасный, и перенесли фокус на меня. Азриза сумела вовремя подставить свой «драммер» и прикрыла мне правое колено. Зато левая конечность получила заряд и превратилась в искусственный протез. Я тут же свалился на бок, не прекращая вести огонь. С пятой попытки мой «шоквокер» выплюнул трассу прямо в клюв какого–то красавца с ветвистыми оленьими рогами, и южное пернатое чучело неловко ткнулось головой в мокрый прибрежный песок. Трое наших к тому моменту уже лежали в расслабленных позах морских звезд. Из центра на ногах оставалось только пятеро, включая демонессу. Почему медлят фланги?

С дикими криками из обоих холмов вылетели мои ребята. Третью часть нападающих срезало, как бритвой. Наша берет! Мне удалось встать на колено, и я принялся руководить действиями своей группы.

– Фокус на моржа! На моржа, того, с бивнями! По команде!

Несмотря на подобие слаженных совместных действий, толку от наших выстрелов было немного. Противник применил нестандартную тактику – у них в первом ряду сплошняком стояли защитники в двух желтых перчатках и щитами ловили почти все импульсы. А где же агрессоры? Куда южане дели белые рукавицы?

Белоперчаточники проявились неожиданно и в высшей степени неприятно для нашей братии. Они всплыли в трех шагах от берега, выплюнули изо ртов трубочки для дыхания и принялись косить правый фланг. Вот бестии! Совсем как антропоморфы в бирманских болотах! Дюжина против семи с обеих рук! Группа Тенгира пыталась отвечать, но когда свалили монгола, обратилась в беспорядочное бегство. Их достреляли в спину. До холма не добрался никто. Хормуст повел свое крыло на выручку, но сам попал под плотный огонь и потерял половину состава.

– Капитан! Отходим на перегруппировку! – крикнул он мне, прикрываясь «драммером».

Юркий китаец вертелся, словно волчок, его никак не могли зацепить, хотя пыталось зафокусить человека три южан. Я прикрыл своего парня залпами центра, нам даже удалось погасить пару их стрелков, но тут на нас навалилась мокрая банда их белых краг. Попадания посыпались одно за другим. Вот

Азриза смирно улеглась у моих ног, пара бойцов скорчилась почти сразу же вслед за ней. Я остался в одиночестве, стараясь укрыться за телами павших. Получил импульс в левое плечо – ощущение было, будто по мне треснули черенком от лопаты. Но меня не добивали. Почему?

Из плотной группы атакующих вперед вышел коренастый демон в камзоле с серебряными позументами. На его массивной, как башня, голове громоздились два толстых бычьих рога. Он небрежно уклонился от моего неверного выстрела и гаркнул:

– Этого взять в кольцо! Будешь сдаваться, северянин?

– Привет, рогоносец! А они у тебя на башке такие большие, потому что внизу все маленькое? – любезно ответил я.

– Твое имя Велчер? – вожак южан, казалось, полностью проигнорировал мой сарказм.

– Да, буренка. И твоя шкура редкой масти вполне сгодится на половик для моей прихожей.

– Узри свою боль, Велчер.

– Эй, люди, дайте скорее человеку лекарство. Не видите – бедняга бредит!

– Первой шестерке гасителей приготовиться.

Гасителей. Вот, значит, как они называют тех, у кого на руках две белых варежки. Поэтично. Шестерке?! Они что, меня намертво пристукнуть решили?! Э–э–х, Слик–Велчер, не держится твой длинный язык за зубами!

Над пристанью разнесся усиленный какой–то электронной примочкой голос начальника саламандринов:

– Шакс!!! Заканчивай веселье, забирай коробки и уводи свою орду восвояси!

Рогатый повернулся к катамарану:

– Сейчас, у меня тут вышла маленькая размолвка с приятелем. Пара минут.

– Немедленно!!! Зачехлить «шоквокеры»!!! Битва официально закончена!

Тявкая, как стая недовольных гиен, южане надели на белые краги прозрачные колпаки. Шакс помахал мне на прощанье рукой:

– Мы еще увидимся, паромщик. Не скучай!

Паромщик?! Откуда он меня знает? В мою грудь стукнуло предчувствие грядущих проблем. Знаете, это как в бар заходит незнакомая компания, все улыбаются, а ты уже заранее знаешь, что будет драка. Иногда, чтобы не губить в себе пророка, приходится начинать ее самому, не дождавшись активных действий от оппонентов.

Южане нарочито вальяжно разгрузили оба катамарана. Зато

их грешники суетились, как заведенные. За этими торопливыми движениями наверняка стояло насилие в воспитательных целях. Я отдыхал на одном колене и кусал губы от злости, глядя, как уходит по мостику через Флегетон цепочка груженых коробками людей. Хотел помочь своим. Вызвался. Помог так, что все валяются в отключке.

– Хэй, Велчер! Ты в порядке? – Хормуст оказался у нас единственным «выжившим», а остальные едва шевелили конечностями.

Еще когда я только надел нашу боевую амуницию, помню, мелькнула мысль – а как тут обстоят дела с послематчевыми разборками? Ну, поднимутся вояки на ноги, стряхнут паралитическое оцепенение и тут же пойдут решать на кулаках то, что не удалось прояснить в перчатках. Демоны – люди горячие. Оказалось все просто и даже элегантно: от пары пропущенных импульсов тело немеет, будто затекло, и двигаться в таком состоянии хотя и можно, но неприятно. Как сквозь вату идешь. Азриза, когда оклемалась и отряхнула от грунта свой модный наряд, криво усмехнулась мне:

– Извини, Велчер. Я сегодня не в лучшем состоянии для утех.

– Понимаю, Азриза. То же самое, – чужими, отекшими губами ответил я.

– С трех «шариков» до завтрашнего дня будет «клинить», – грустно подытожил Набуяг, баюкая вывихнутую при падении кисть. – Не повезло.

– Стрелять надо было по команде! Куда ты вылез, олух? – сорвал я злобу на приятеле.

– Поперли из воды, как глисты, – пробурчал Тенгир – большой знаток животного мира. – И как только они не подмочили снарягу в реке?

– У них на перчатках были защитные герметичные чехлы, – пояснил я. – Неплохо подготовились ребята.

Пока мы приходили в себя, грешники с нашего берега уже растащили последние остатки провизии и товаров. Все демоны выглядели обескураженно. Я понял, что нужно приободрить компанию:

– Унывать – значит, проиграть заранее. Мы столкнулись с тренированным противником, поэтому закономерно уступили. Теперь задача усложнилась – нам нужно превзойти спаянных в бою южан, придумать свои штуки, покруче их разделения на оборону и нападение. Пока хорошенько не подготовимся к драке – придется жить на диете. Без рационов. Через пару дней мы дадим им адекватный ответ. Все знают, где моя переправа? Завтра в полдень жду несломленных поражением бойцов на

первое тактическое занятие. Заодно подкину рыбы, разнообразим ваш ланч. Что скажете? Или у нас, на севере, собрались только нытики?

Народ ответил гулом, который мог быть и поазартнее. А так получилось нечто, вроде писка группы гипертрофированных мышей. Мы простились с сородичами и двинулись в обратный путь, но через каждую милю останавливались на вынужденные привалы. Набуяг увязался следом, хотя никаких особых дел у него в нашем районе быть не должно. Решил проводить до половины дороги.

– Через пару дней придет настоящий караван, – задыхаясь от ходьбы, прошептал он мне в плечо. – Не то, что этот. Сегодня были припасы, вещи кое–какие. А через два дня в Прайд спустят бонусы. Кровно заработанные УЕ. Вот из–за такого добра стоит побиться, как следует.

Ага. Стало быть, на носу расчет с демонами за зловредность. Мы копим эти единицы, чтобы в конце месяца обменять их на разные привилегии – новые вещи, какие–то недоступные в Лавакроне лакомства или технические гаджеты. Азриза все складывает на алтарь Пурпурного дворца. Мне самому ничего не светило – я еще висел в кредите по Хухлику и увяз там достаточно прочно. Как–то не складывались у меня показатели по угнетению грешников. За пятимесячное пребывание на третьем круге я отметился парой звонких подзатыльников какому–то наглому отступнику, что вздумал справить нужду в гавани, куда я привязываю плот, да показательной экзекуцией одному мелкому демону. Я застукал отродье, когда оно пыталось соблазнить одну миловидную кающуюся, причем, как мне показалось, делало свои ужимки в слишком навязчивой манере. Пришлось немного наказать приставалу тростью. Я даже материально пострадал от процесса, потому что трость в результате была сломана о костлявый демонский хребет. Не скрою, у меня имелись надежды на благосклонность спасенной девицы к нежданному герою, но юная грешница оказалась больше склонна к истерике, чем к развлечениям. Она все причитала и корила себя за то, что изменила какому–то Филиппу с каким–то Яном. Да–да, именно изменила. Для приграничья слово смешное, почти скандальное. Ох уж мне эти моральные условности внутренних «арриалов»! Снабдив безутешную барышню парой пищевых рационов, я отпустил ее на покаяние в прайдовскую пустыню. С тех пор у меня образовался небольшой пунктик относительно демонских забав – они положительно не шли мне во благо. А обменные УЕ копились у паромщика Велчера исключительно благодаря древней игре в перетягивание каната. Не то, чтобы я страдал от

излишней доброты или сердечности – не было такого, просто не везло. Скорее, оказалась задета внутренняя шкала справедливости. Из–за нее обстановка вокруг действовала на меня угнетающе. С одной стороны, по ощущениям, все до нереальности напоминало детскую игру с маскарадными костюмами, но с другой стороны были люди, множество людей, для которых наши забавы игрой совсем не являлись. Они реально страдали. И я должен был эти страдания усугублять. В какую гадость меня угораздило ввязаться! Внутри постоянно свербило желание взбунтоваться. Но я понимал, что своей эскападой могу окончательно сломать себе жизнь, так ничего и не изменив в Системе. «Играть по правилам, Константин, играть по правилам! Ждать своего часа» – эту мантру мне приходилось повторять непрерывно.

– И много там будет? – я встал на месте и задал Набуягу не совсем понятный мне самому вопрос.

Ом сделал страшные глаза и прошептал в благоговейном восторге:

– Не просто много, а охренительно много.

Будем считать, что мы объяснились друг с другом. Наша парочка слегка отстала от ребят, и когда мы дошли до следующей привальной лежки, тройка моих отставников уже валялась на земле и передавала по кругу самодельную сигару.

– Парни, в нашем распоряжении сорок восемь часов, чтобы придумать способ морального уничтожения южан, – торжественно провозгласил я.

Хормуст протянул мне «трубку мира»:

– Справимся, капитан. Но как они нас сегодня разложили, а? Неплохо для штатских?

– Мы вот с братом думаем, что даже слишком хорошо, – добавил Гэгэн.

Следующим утром я застал на своей пристани серую толпу грешников, которые непременно хотели сменить один берег Флегетона на другой. Ничего не поделаешь – работа. Я запустил на плот первых пять человек и распорядился:

– А ну, взялись! Разомнем косточки! Раз! Раз! Пошла кибитка… Не расслабляемся!

Уселся на топчан в углу, вытянул ноги. Фигуры в серых балахонах послушно тянули канат.

– Куда вы стремитесь, безумцы? На том берегу – пустыня. Нет даже пунктов раздач.

– Там водопад. Спуск в Стим, – робко возразила одна из теней.

Я присмотрелся – обычный паренек, лет двадцати на вид. Изможденное лицо, лихорадочный блеск глаз, но те, кто добирался до моих владений, все так и выглядели. Жара, недостаток питания, обезвоживание в разной степени не способствует здоровому виду.

– А что ты забыл в Стимонии?

– Ну как… Там вода, целое море пресной воды, – юноша мечтательно закрыл глаза. – Там можно нормально прожить.

Нормально. Что–то я постоянно слышу это слово. Такова наша людская натура – мы больше всего хотим, чтобы было нормально.

– Кретин! Тебе не приходила мысль, что в Лавакроне тяжесть грехов тащит человека все глубже и глубже?!

– Но там же вода, прохлада, – неуверенно возразил кающийся.

– Я знаю кое–что о Стимонии. В Лавакроне совсем немного бывших солдат работает демонами. А почему? Где они, как ты считаешь? Не знаешь, так я тебе скажу! Большинство демонов из тех, кто понимает толк в воинской службе, находятся на четвертом круге. Это огромный полигон для выживания под надзором самых жутких военных инструкторов, которых ты мог бы себе представить. Из Стима нет возврата. Искупившие грехи попадают или в армию, или в дальний космос. Какой грех ты отмаливаешь?

– Лень…

– Лень?! В Стимонии?! Самое место для упражнений в трудолюбии. Достойное ты избрал покаяние, нечего сказать. Кто подсказал тебе эту глупость? Если будешь хорошо себя вести в Прайде – выйдешь на поверхность через три месяца. Всего на всего. Стимоний же – это навсегда. Вы все направляетесь вниз? Верно? Если я найду вашего вербовщика, то удушу его собственными руками! Как вы собираетесь спускаться? Половина свернет себе шеи на водопаде!

– У нас есть веревка, – признался один из грешников, не обращая внимания на возмущенное шипение остальных.

Правильно, с демонами не стоит откровенничать – могут отнять последнее.

– Творец Всемогущий! Веревка! Короче, до тех, кто сам себе враг, мне дела нет. Валите к водопаду, ломайте шеи и получайте по заслугам, раз сами выбрали такой путь. Кто хочет остаться возле переправы – может остаться. У меня есть сети – будете ловить рыбу. Половина улова – моя. На нее мы будем обменивать разные вещи. Курорта не обещаю, но подохнуть не дам. И вот еще что – я заставлю всех отрабатывать военные приемы. Участие в

этих затеях обязательное! Иногда придется получать синяки, но от них еще никто не умирал. Сделаем из вас, дохляки, силы самообороны. Решайте. Набор в грешную гвардию Велчера ограниченный. Больше взвода я квартировать не собираюсь.

Из полутора десятков человек осталось восемь добровольцев. Между мужиков затесалось несколько женщин. Жаль, что среди них не было симпатичных. Ничего, кашевары и прачки нам тоже пригодятся.

Когда к полудню подтянулись мои парни и прибыли демоны Азризы, они увидели несколько горящих по берегу костерков, в которых булькало варево из свежепойманной рыбы. У переправы торчал дневальный, а я муштровал первое отделение вольнонаемных. Половина участников вчерашней заварушки снялась с пробега, зато появилось несколько свежих демонских морд. Азриза также отсутствовала, ее латексное высочество представлял козлоногий тип по кличке Ансури. Его отличала сморщенная личина, заросшая диким волосом до самых желтых глаз. Из–под густого слоя усов вылетали деформированные звуки. Молодец Азриза – заместитель что надо, такой никогда не столкнет с трона. За строем военнообязанных инферналов следовала группа грешников, которые по очереди толкали перед собой тележку с боевыми перчатками. Последним шагал Набуяг и подбадривал отступников громкими окриками и пинками.

Первым делом я провел для отряда небольшое теоретическое занятие. Усадил демонические личности на берегу полукругом и с третьей попытки начертал на песке подобие карты:

– Вот пристань. Тут – перекидной мостик южан. Это – два холма и дорога между ними. Противник вчера переиграл нас по всем статьям – тактически и стратегически. Подобное не должно повториться. Начнем с диспозиции боя. В прошлый раз они применили заслон из простых смертных и тактику боевых пловцов. Что южане могут предложить нам послезавтра? – я оглядел вопрошающим взглядом народ.

– Мы с братом прикинули, что они обязательно постараются обойти нас с тыла! – выкрикнул Тенгир. – Мост – их слабое место, узкое горлышко. А лезть в воду под нашим огнем – дело гиблое. Даже щиты не спасут.

– Могут затеять перестрелку издалека, – предположил Набуяг. – Они завяжут нас боем, а грешники под шумок сопрут поклажу.

Я кивнул. У старого мошенника, оказывается, тоже бывают светлые мысли!

– А я бы устроил засаду, – заявил Хормуст. – Перехватил бы наши силы на подходе к площадке разгрузки и перещелкал всех,

используя фактор внезапности.

– Как на это посмотрят стражники в смысле регламента сражений? – спросил я волосатика Ансури.

Тот развел руками – понятия, дескать, не имею.

– Подведем итоги: мы имеем изобретательного врага, который поставил нас в положение жертвы. Пакгауз приемки дает нам преимущество родной земли и одновременно вяжет руки – мы вынуждены его оборонять. Придется предусмотреть все варианты. Фактора внезапности южане больше не получат – у нас будет разведка с воздуха. Переход через Флегетон придется заблокировать. Хормуст! Ты посадишь посреди моста Лунного Зайца. Он ругаться умеет?

– Нет речевого блока. Только шипит и рычит.

– Пусть шипит изо всех сил. И лягается, как дикий мустанг. Не пожалеем топливных капсул – разожжем по берегу костры. Ансури, ты сможешь науськать своих грешников, чтобы они прорыли пару канав? Отлично. Туда нужно натаскать горючих жидкостей из огненных ручьев. Поджарим пятки особенно нетерпеливым. Расставим вольнонаемных на каждом холме в округе. Как противник покажется – пусть подают сигналы. Теперь о боевой подготовке. У них разделение на щиты и гасителей. Толково придумано. Один стрелок с двух рук гарантировано сшибет своего противника, а нескольким бойцам нужно координироваться и терять время. Мы берем эту методику на вооружение. Только не станем дробить отряды. Работаем двойками – первый номер стреляет, второй защищает. Сейчас проведем соревнования на меткость и быстроту реакции, разделимся. У нас новые живые мишени, очень подвижные и специально натасканные на увертливость. Потом отработка парных действий. И в конце устроим небольшую двухсторонку. Неженок нет? Кто боится получить импульс – пусть валит домой, к мамочке. Подходим ближе, записываемся на бесплатную подзарядку демонских аккумуляторов злобы! Я вас натаскаю до такой степени, что импульсы станут наподобие щекотки. Хормуст! Раздай оружие новобранцам.

Линия Моллоя. Рискованное дело

Многочисленные изображения Лавакрона заполнили сеть. Этому немало способствовала социальная реклама. Масштабность сооружения воспевали проплаченные эксперты, а убеленные сединами научные головы подчеркивали стократные пропорции объекта по сравнению с египетскими пирамидами и на ток-шоу, вместе с заранее подготовленной аудиторией, приходили к

единственно возможному выводу – да, это самое глобальное сооружение человечества за всю его историю. Несравненное, немыслимое и неповторимое. Лавакрон пугал, но и манил одновременно. Считалось модным иметь в качестве заставки на мониторе или коммуникаторе картинку одного из кругов ада. Взаимоотношения демонов и грешников стали темой номер один для анекдотов и притчей.

Но главным символом Лавакрона по-прежнему оставались его врата. Массивные медные фрамуги, оплетенные бесчисленным количеством змей, внушали страх всему населению Метрополии. Но, несмотря на это, их сувенирные копии являлись самым востребованным среди коллекционеров атрибутом синтетической преисподней. Главный Архитектор Лавакрона в третий раз понижал количество баллов Добродетелей, которые начислялись за приобретение врат, но без толку. Символ – есть символ, тем более, что он сам так и задумывал.

Резиденция Архитектора располагалась всего лишь в пятидесяти милях от дела всей его жизни. Многоэтажный комплекс на морском берегу вполне мог бы сойти за корпуса какого-нибудь пляжного отеля, но служил совсем другим целям, более важным для Метрополии. Тут постоянно обитало свыше десяти тысяч рабочих душ – многочисленная обслуга самого грандиозного объекта Земли. Ее адской резервации. Или – Лавакрона, поскольку имя собственное постепенно заменяло в языковом общении слова «ад» и «преисподняя». Так тоже было предусмотрено изначально. Кем? Не Моллоем, который был для всех известен, как Архитектор, а его таинственным предшественником, не пожелавшим оставить свое имя для истории. Он являлся Моллою лишь в письмах электронной почты, но последний считал неведомого Проектировщика Лавакрона своим учителем. Впрочем, и сам Архитектор привнес в объект немало. От дизайна всех его семи кругов, системы жизнеобеспечения до внешности грозных стражников – саламандринов. И врата, конечно, тоже были целиком и полностью плодом его творчества. Поэтому Моллой по праву носил звание Архитектора и с достоинством принимал собственную популярность, которая стала следствием этого.

Почти шесть месяцев прошло с момента официального открытия Лавакрона для грешников. А «Кодекс» Метрополии функционировал гораздо дольше. Система баллов теперь управляла жизнью простого человека. Добродетели ее улучшали, а шкала Грехов, наоборот, понимала уровень благосостояния и социальных гарантий. Каждое действие гражданина, почти каждое сказанное им слово теперь оценивалось в плюс или в

минус. Если они, конечно, имели значение для Метрополии. Тем, кто занулял баланс Добродетелей, грозила ссылка на перевоспитание в Лавакрон. Там, в аду человека подвергали всевозможным испытаниям и унижениям с одной единственной целью – чтобы он пересмотрел свое поведение и больше не вступал в конфликт с общеземной системой ценностей. Обычно хватало первого круга – Пургатора (или Чистилища с латыни), но отъявленных грешников приходилось отправлять еще дальше под землю. Для них были уготованы Инфиделити (Неверие) и Прайд (Гордыня). Три верхних уровня служили воспитательным функциям, а четыре нижних – репрессивно-карательным. Стимоний, Атернум, Сарварий и Эпрон стали новой пенитенциарной службой Земли. Туда грешники попадали надолго и шансы на возвращение в нормальную жизнь таяли пропорционально их погружению в глубину Лавакрона.

Архитектор наслаждался морским видом с балкона, он любил этого соленое неистовство волн, каменную непреклонность прибрежных скал. Он чувствовал энергетический потенциал природы, восхищался им и ставил себе целью повторить великолепную работу создателя Земли. Кто знает, может быть когда-то некий разум, при работе над нашей планетой, так же черпал свое вдохновение при виде межзвездных пейзажей?

Внизу, по ступеням главного входа к линии магнитопланов спускалась группа саламандринов. Уже обряженные в четырехглазые силиконовые маски, с трехгранными жезлами в руках (атрибутами власти), они представляли собой устрашающее зрелище. Несомненно, грешники трепещут, когда им заступает дорогу один из охранников-рептилоидов. Но саламандрины являлись лишь пассивными наблюдателями за угнетением граждан. Ибо роль подавляющего фактора в Лавакроне была уготована его демонским отродьям. Постоянным обитателям преисподней, изгоям человеческого общества. Их обида на несправедливость закономерно выливалась в злобность и жажду мести. Такова была задумка Архитектора и она постепенно начинала работать.

На балкон к Моллою выпорхнула его очаровательная подруга. Лори зябко поежилась от свежего бриза, но все равно встала рядом с любимым и взглянула туда, в безграничье морской стихии. Она нежно провела кончиками пальцев по его шее. Всего лишь легкое прикосновение, обычно служившее для этой пары прелюдией к любовным играм, сегодня было использовано, как способ обратить на себя внимание. Моллой повернулся к своей половинке и ласково привлек девушку к себе.

– Я сегодня работаю дома, – немного смущенно объявил он.

– Милый, эта работа скоро превратит тебя в аутиста, – Лори звонко чмокнула его в щеку перед тем, как умчалась на назначения.

Полди сумел добыть ей место в системе размещения кадров. Там собрался оживленный коллектив молодых профессионалов – амбициозных, подающих надежды сотрудников. Они регулярно закатывали совместные вечеринки, куда для Моллоя вход был закрыт – его собственный высочайший статус приподнимал Архитектора над всеми, ставил в положение избранного. Для неслужебного общения оставалась чета Полди, да еще несколько коллег из службы безопасности Лавакрона. Моллой остро переживал, что его подвижной и экстравертной Лори приходится довольствоваться столь скудной программой досуга, но ничего не мог с этим поделать. Еще больше Архитектора угнетала нынешняя задача под условным именем «Код Лавакрона». Ни единой душе, никому Моллой не мог рассказать, какая паутина скрывается под этим названием. Теократический монстр «Кодекса» уже потеснил дюфоровскую программу РМ, закутал все общество цифровым покрывалом подсчета грехов каждого человека, невзирая на принадлежность к классам. Оставались последние штрихи, доводка, чтобы срастить «Кодекс Метрополии» с «Кодом Лавакрона». Моллой, как мог, старался оттянуть время, но окончательные сроки подпирали и он уже чувствовал возрастающее давление сверху.

Легкий ветерок от двери, которую захлопнула за собой Лори, еще холодил его щеки, когда Моллой вывел на экран почту. Первое письмо подняло его на ноги, заставило снова выйти на балкон, чтобы унять лихорадочное сердцебиение, успокоить пульс, который застучал в висках сотней маленьких молоточков. Придя в себя, Моллой вновь вернулся к компьютеру и прочитал второе послание. Оно было от Полди. Старый товарищ уже больше месяца мотался по командировкам. Куда только не заносило его белобрысый вихор – от Гренландии до Антарктиды. Сегодня он передавал привет с островов Карибского бассейна. После обычных дружеских фраз и подборки впечатлений глаза Моллоя выхватили из текста давно ожидаемую информацию:

«… И – да, поздравляю – нашлась твоя пропажа! Конечно, ты угадал, медиум чертов, он у нас в Лавакроне, на третьем уровне. Само собой, речь идет о твоем Рими, историке из столицы. К прежней плешивости он еще отрастил себе бороду в виде мочалки. Ниже ссылка на каналы связи, пароли для входа в систему. По всем кругам разбросаны точки голо–входов. Обычно мы применяем виртуальные личности, поддерживаем реноме, так что можешь воспользоваться одной из стандартных или создать

свою. Но активных действий не совершай, дождись моего возвращения. Удачи, скоро увидимся!

P.S. Горячий привет красотке Лори!»

Моллой отвечал за обеспечение работоспособности комплекса, Полди руководил персоналом, курировал службу охраны. Эти пароли и доступы были высшим актом дружеского доверия по отношению к нему, Моллою, поскольку являлись грубейшим нарушением служебных инструкций. Затаив дыхание, Архитектор погрузил руки в нервную систему собственного детища.

А в почтовой программе меж тем мигнуло и пропало первое письмо, помеченное черным флажком самоуничтожения:

«Дорогой Архитектор!

Старт программы «Код Лавакрона» назначен на следующую неделю. Первая группа давно сформирована, она как раз заканчивает подготовку. Хочу поторопить Вас и напомнить, что мы до сих пор не утвердили персону проводника. Необходимо сделать это в самый кратчайший срок. Вы хотели внести изменения в состав первопроходцев. Не стоит тянуть с таким важным мероприятием. О дате входа в Лавакрон миссионеров сообщу дополнительно. Не теряйте концентрации.

С уважением и признательностью,

Ваш Проектировщик».

Линия Слика. Помещик

Вроде, и случались у меня в жизни обстоятельства, когда приходилось, не шутя, дрожать за свою шкуру, и по сравнению с которыми сегодняшняя разборка была так, легкой прогулкой, но меня все равно колотил мандраж. И на кону стояло совсем не процветание цивилизации, против обычных армейских мотивов. Какое там! Всего лишь куча барахла из стандартного маркета для потерявших физический и моральный облик полулюдей–полудемонов, не пойми кого, словом. Почему же я нервничал? Наверное, от того, что не привык проигрывать, и тем более, подводить тех, кто мне доверился.

Они выстроились ровной шеренгой перед нашим приемным пакгаузом и полагались на мои способности лидера. Около тридцати отборных рыл всех видов, расцветок и мастей – ожившие легенды, антигерои из детских комиксов, пародии на мифические создания. Их столь кучное собрание само по себе было на грани бреда, а уж если начать думать о месте, где все это происходило, то кто–то точно спятил: или я, или человечество, или Творец, не всуе помянутый.

Нашу военную игру сегодня почтила сама Азриза. По случаю особенного дня в истории северного народа она сменила шкурку наряда и стала темно–лиловой, как перезревшая слива. Вокруг демонессы вертел отвислым задом Набуяг – пройдоха растолковывал нашу диспозицию и план кампании. Жарко пылали огненные каналы вокруг схода с моста, а на его середине в позе сфинкса возлежал Лин Ту, и ему было на все плевать. За нашими спинами топталось человек двадцать грешников с тачками. По прибытии каравана им надлежало спешно погрузить в них товар и укатить поклажу вглубь территории. А мы, демоны, будем их прикрывать по мере сил и возможностей.

Я – командир отряда и я же – стрелок с двумя «шоквокерами» в руках. Своим щитом я назначил крупного демона, загримированного под фалангу. К прочим достоинствам он обзавелся сложнопроизносимым именем, так что я немедля перекрестил его в Таракана. Лучше бы моим телохранителем стал верткий Хормуст. С этим шустрым малым я бы чувствовал себя надежнее, но китаец, конечно же, оказался первоклассным стрелком, и разменивать такой талант на «драммеры» было бы преступлением. Братьев–монголов пришлось разделить по этому же принципу. Наши четыре ударных пары стояли на равном удалении друг от друга, поскольку сводить атакующий потенциал команды под общий фокус противника я не рискнул. Мы терпеливо ждали, а потом прилетел Хухлик с разведдонесением:

– В двух тысячах футов вверх по течению через Флегетон переправилась группа людей численностью в сорок восемь человек. Опознаны как «южные отродья», в соответствии с введенными данными. Направляются в сектор «Пляж». В воздухе отмечено присутствие трех био–органических механизмов типа «нетопырь».

– Отлично! Ребята, кто не успел оправиться – туалета поблизости нет, но оба бархана работают! Через десять минут они будут здесь. Занять позиции для отражения атаки справа! Тенгир, ты у реки, Хормуст – второй фланг. Набуяг, держись в центре, прикрывай Азризу. Кто начнет стрельбу без команды – пойдет на корм Лунному Зайцу. Руки не напрягать. Принять удобное положение сидя.

Сегодня с самого утра по Прайду гуляли пыльные сквозняки. Люди морщились, несколько демонов даже приспособили на нижнюю половину лица повязки. Мы растянулись цепочкой по склону холма. Впереди было пятьсот футов открытого пространства, а дальше – опять кочки, курганы и каменные валуны. Я отметил, что нигде не просматривается огненных ручьев или гейзеров – похоже, что южане заранее выбрали

позицию для атаки. Вот из–за ближайшей к нам сопки показались первые фигурки их рейда, а спустя минуту выполз и весь отряд. Впереди, по их сложившемуся порядку, шли демоны с желтыми «драммерами». С обоих флангов группу противника прикрывали грешники, выстроенные гуськом. Не хочется сносить бедолаг, а придется – иначе эту бронированную черепаху не вскроешь.

– Слушать меня! Открываем огонь, когда они поравняются с зеленым валуном посередине ложбины! Залпом. Всем «шоквокерам» наметить цели заранее. Таракан, передай по цепочке.

Придется их как–то замедлить. Слишком шустро бегут. А где же «гасители»? Попрятались внутри колонны? Недурно организовано. Я свистнул левофланговому стрелку и указал ему на нелепую фигуру южан в первом ряду. Не то зомби, не то оборванец. Мой боец согласно качнул головой. Расстояние дальнее, сильный боковой ветер – попробуем свалить дуплетом. Противник пересек невидимую черту, проведенную мной, и мы шарахнули по нему изо всех стволов. К южанам потянулись стеклянные протуберанцы расходящихся волн, в ответ сверкнули радужные круги «драммеров». Они отбили почти весь залп! Вот ловкачи! Не повезло только моей мишени, и еще, кажется, Хормуст зацепил одного с краю.

– Сушите им ноги! Стрельба по конечностям! – мой рев на секунду перекрыл даже завывание ветра.

Противник прекратил продвижение. В авангард выдвинулись фланговые цепочки грешников и повалились перед строем южан, будто живой брустверь. Наши стрелки били плотно, но все импульсы втыкались в серые рубища. Вдруг погасло мерцание вражеских щитов, и из–за спин авангарда к нам понеслись иглы ударных импульсов.

Моего соседа справа тут же снесло вместе с прикрытием. Ответная пальба не дала ничего – ушлые «захребетники» грамотно перекрыли сектор обстрела.

– Огонь из положения лежа! – гаркнул я и обругал себя последними словами за то, что не сообразил положить солдат раньше. Купили меня южане! Купили!

Через пять минут картина боя окончательно прояснилась. Противник плевать хотел на своих оглушенных грешников, он блокировал верхний уровень щитами и по команде отвечал залпами «шоквокеров» из–за укрытия. Баланс складывался не в нашу пользу: мы всей своей ордой сумели выключить четверых, а потеряли уже шесть бойцов. Из них пятерых стрелков. Ребята со щитами ничего не могли поделать с инстинктом самосохранения и прикрывали сначала свою шкуру и только потом соратников.

Вот почему неприятель разделял отряды обороны и нападения! Парная комбинация показала свою неэффективность. Враги били метче, действовали слаженней. Мы постепенно сдавали битву. Нужно было срочно что–то делать.

Я увидел, что Хормуст смотрит в мою сторону, и помахал ему рукой. В ход пошли условные жесты военных. Мой бросок к старшему брату–монголу занял несколько секунд:

– Тенгир! Остаешься за командира. Береги людей. Мы попробуем вскрыть панцирь их черепахи.

Мы с Тараканом сползли с холма и двинулись обходным маневром. На другом фланге то же самое предпринял Хормуст с напарником. Оббежав поле боя кругом, я высунул нос из–за груды камней и изучил обстановку. Южане были, как на тарелочке – два шеренги бойцов приседали по очереди, словно занимались спортивной гимнастикой, а позади построения расположилось жвачное создание по имени Шакс и давало отбивку на смену. Сейчас мы покажем им свой скверный характер.

– Таракан! За три первых импульса жизнью отвечаешь! Четвертый разрешаю пропустить. Уяснил вопрос, насекомое?

Я стремглав вылетел из груды гранитных плит и помчался к южанам со всей скоростью моих изношенных коленей. Выстрел! Один готов. Следующий! Теперь мы посмотрим, кто из нас настоящий «гаситель». Боковое зрение доложило, что мой драгоценный китаец тоже принялся косить траву заднего ряда. Шакс повернул в мою сторону свою рогатую амбразуру. Первое выражение на его лице было комичным: «Не понял!», но лидер южан очень быстро прочитал ситуацию:

– Атака с тыла! Здесь Велчер! Отсекаем!

На моей фигуре тут же скрестились трассы всего отряда. Таракан честно отбил три «шока», а четвертый и пятый принял на свой хитиновый загривок. Пожертвовал собой, прикрыл командира. «Достойно!» – молнией пронеслось у меня в голове, когда я винтом ушел с прицельной директрисы. Южане в белых перчатках веером рванули прямо ко мне. За их спинами маячил Хормуст, он даже успел снять одного из «гасителей», но их, похоже, интересовал только Велчер. Мое правое бедро получило импульсную примочку и покрылось льдом онемения. Цепочка врагов уверенно брала меня в кольцо. Я, уже понимая, что мне крышка, попытался хотя бы достать Шакса, но промазал. А потом прозрачные спицы импульсов проткнули мне грудь, и в ней неожиданно кончился воздух. Таким образом я умер.

Мне снилась красотка Тиа в коротком бежевом платье. Она улыбалась мне на фоне снежных гор и лобби–бара с коктейлями.

Где–то позади шумели волны, а легкий морской бриз будоражил мои волосы. Я открыл глаза. Надо мной висел низкий потолок с разводами водяных потеков. Четыре стены, облицованные галечником, темный пролом выхода. Лавакрон. Вот где мое настоящее место.

Ко мне склонилась испитая физиономия Набуяга, дыша миазмами перегара прямо в лицо. Бриз из его пасти не показался мне очень свежим. А шумело внутри моей головы. Шумело, колотило, громыхало до рези в глазах.

Ом сидел рядом с постелью, на которой возлежал доблестный демон Велчер. В руках развращенного монаха была открытая винная бутылка, а плечи покрывал немыслимого фасона бурнус с меховой оторочкой.

– Куда ты так разоделся? В нашей духоте сваришься заживо, – мои губы едва шевелились, поэтому пришлось шептать.

– Вот. Прикупил обнову, – гордо сказал Набуяг и приподнял руки, чтобы я мог лучше рассмотреть складки его накидки. – Ты же знаешь, у меня нет дома. А ночи, когда в Прайде выключают свет, бывают очень холодными.

– Ты – бродяга, Ом.

– Я – путешественник.

– Ладно, пусть будет – скиталец. Долго я так лежу?

– Не очень. Третий день всего. Тебя погрузили в…, – Ом нахмурился, пытаясь по памяти воспроизвести чужие слова. – Оздоравливающий медикаментозный сон! Именно так!

– Кому сказать спасибо? И вообще, как закончился бой?

– Превосходно! – Набуяг отхлебнул прямо из бутыли. – Когда южане оттянулись на тебя, Тенгир поднял народ в контратаку…

– Грамотно.

– Ага. У них за баррикадой остались только «желтоперчаточники». Мы уложили оборонцев прямо в упор. А после добили остальных. Потом кинулись к тебе, а ты не дышишь! Хормуст сказал, что в тебя влепили не меньше тридцати импульсов. Азриза бегом помчалась к саламандринам, говорила с их старшим, просила. Тот захватил с катамарана какую–то штуку, похожую на блестящего паука, и положил тебе ее на грудь. Такой шар с присосками.

– Аперка.

– Чего?!

– Армейский Переносной Реанимационный Комплекс.

– Э–э–э, вот как раз его, значит, – Набуяг тяжело ворочал языком, зажевывая слова. – Он выпустил из лап щупы, иглы и тыкал тебя ими минуты три, не меньше. Потом саламандрин сказал, что машинка вновь застучала. Будешь жить, то есть. Дал

для тебя подгузники. Я их менял.

– Бедняга. Тяжко тебе пришлось. А дальше?

– Дальше наши грузили трофеи, ругались из–за дележа… э–э–э… соответственно. Твои ребята сначала горячились, потому что требовали процент за каждого южанина, которого уложили… э–э–э… лично, а Азриза хотела поделить по справедливости.

– Ах ты, старый мошенник! По справедливости? Ничего ты не понимаешь в армейских боевых премиях.

– Ну да. Но не все же были в белых перчатках. Кто–то не мог стрелять. Почему бонусы должны пилить поровну? Наша демоница все–таки сумела найти компромисс – предложила твоим хорошие должности в табеле Пурпурного Двора. Все остались довольны, – Набуяг сально повращал выкаченными глазами и добавил. – А Гэгэн в особенности.

– Какие погоны ему достались?

– Ему досталась сама Азриза. Эти двое сумели договориться и уже сутки не выходят из ее покоев. Я пытался подслушать под дверью, но стены толстые…

– Вот как?!

У меня чуть не вырвалось: «А я?». Мне уж было померещилось, что Азриза неравнодушна к моей персоне. Простофиля. Нашел, кому поверить. Я усмехнулся. Это все уязвленное самолюбие. Разве девочка мне что–нибудь должна? Ей нужно срочно окружать себя надежными людьми, а от Велчера непонятно чего ожидать. Хормуст – темная лошадка, Тенгир – тугодум, Гэгэн подходит лучше прочих. Податлив, внушаем. Ха–ха, опять уязвленное самолюбие! Теперь оно подкидывает успокоительное логическое объяснение, почему моей персоне предпочли другого и, на мой взгляд, менее достойного. Хитрая Азриза, наверное, пустила в ход все свои женские штучки на полную мощность, чтобы очаровать поклонника. Сутки не выходят. Э–э–эх!

Набуяг по–своему истолковал мою грустную усмешку:

– Велчер, ты не думай, тебе тоже причитается много чего. Не сомневайся!

– Спасибо, утешил старика. Шакс видел, что меня откачали?

– Кто?

– Шакс. Самые толстые рога в нашем квартале. Ну, главный бык–производитель в южном стаде.

– А–а–а… Нет, командир саламандринов приказал всем очистить берег. Грешников, кто еще не пришел в себя, волокли за руки. К тому же Азриза сразу утащила их вожака на переговоры. Вот такие дела. Птица твоя, кстати, прилетела. У входа дожидается.

– Хорошие новости. Ом, зачем ты избрал себе такой псевдоним? Почему ты не назвался подснежником или бабочкой?

– Не понял.

– Название меняет суть. Стоило обычных людей окрестить демонами, как они все превратились в подонков.

– Ве–е–елчер, – нерешительно протянул Набуяг. – Ты, вообще, как себя чувствуешь?

– Обновленным.

Наш путь подходил к концу. Еще один поворот – и вот, впереди моя переправа. Уже почти родная глушь. Знакомые холмы плакали вкраплениями слюды, под потолочным сводом ползла гусеница желтого тумана. Я шел первым, опираясь на посох. Сзади Хормуст вел под уздцы груженого разным хламом Лунного Зайца. Мы выбрались на открытое место и остолбенели.

– Эге, – сказал я.

– Вот это табор, – произнес Хормуст.

По всему берегу горели костры, непонятный народ суетился вокруг уродливых шалашей. Сам плот торчал посреди течения реки, с него как раз выметывали сеть.

– Велчер не хочет быть придворным демоном в Пурпурном доме. Велчер решил устроить себе собственный двор с челядью, – констатировал китаец, свежеиспеченный начальник стражи северной демонской популяции.

– О чем ты говоришь? Я понятия не имею, что тут творится! – начал протестовать я.

Прожектор прямо над нашей головой несколько раз тревожно мигнул и погас, как если бы кто–то неведомый врезал многоглазому Прайду кулаком под один из его окуляров. Раздался сухой электрический треск, и несколько стеклянных обломков шлепнулись наземь. Пара штук расплавилась в лавовом ручейке, а остальные рассыпались по грунту солнечными зайчиками.

Хормуст пожал плечами:

– Просто ты должен понимать, что делаешь. И к чему это может привести. Я буду вынужден доложить Азризе о том, что здесь увидел.

Мы скинули на тропу поклажу: полторы сотни рационов для людей, коробку органики для големов, пару рыболовных неводов с разной шириной ячеек, мешок с новой обувью и десяток боевых рукавиц. Хормуст пожал мою руку, еще раз глянул на лагерь беженцев, значительно хмыкнул и взлетел в седло. Шипастые подковы Лин Ту скрежетнули по галечнику, когда персекутор рванулся с места. Я уселся возле тюков, отбросив свою палку.

Меня уже увидели с берега – целая процессия грешников направлялась в мою сторону. Впереди ступал бородатый розовощекий дед, и его плешь блестела, словно елочная игрушка. На рукаве серой хламиды у него были нашиты три красных полосы. Этого типа я раньше не видел. Грешники остановились в пяти шагах и склонились в почтительной позе. Старикан через секунду поднял свою лысину, а остальные продолжили демонстрировать смирение:

– Повелитель Велчер! Твой народ приветствует тебя!

Я попытался придать лицу горделивое и надменное выражение:

– Кто ты такой?

– Люди избрали меня старостой, чтобы кто–то следил за порядком и разрешал споры…

– Как твое имя?

Старик снова опустил голову и глухо сказал:

– Грешникам не положено имя.

Я с трудом поднялся на ноги – тело еще не до конца слушалось, взял старосту под локоть и предложил:

– Давай отойдем, посекретничаем. А вы… как там вас… подданные! Перетащите пока груз к переправе и сложите напротив каната. Припасы распределите между теми, кто в них нуждается.

– Благодарим вас, повелитель, за щедрость.

– Да что там! Пустое…

Мы переместились буквально на десяток шагов, после чего я вновь почувствовал потребность сесть. Староста замер подле моих ног. Теперь я видел, что он не так стар, как показалось с первого взгляда. Косматые седые брови, неопрятная борода – вот в чем было дело. Не зная толком, как себя вести с народным трибуном, я призвал на помощь спасительную армейскую память:

– Докладывай. Меня интересует личный состав, наличие больных и раненых, распорядок караульной службы, система котлового питания.

– Они идут и идут. Народу в Прайде прибывает. Повелитель, вы сказали, что больше взвода размещать не хотите, а мы не знаем, сколько это, взвод. Оставили пока шестьдесят восемь человек. Еще столько же кандидатов в листе ожидания. Они приходят к парому под вечер, просятся к нам. Одним ночью на равнине жутко, всякие твари лазают. Приходится гнать их. Люди ждут вашего позволения остаться.

Дорога жизни стелется ровно, а потом бац! Развилка. И появляется ощущение, что тебя тащит в один из поворотов незримая сила. Что это? Судьба? Я вздохнул:

– Оставляй всех. Как у нас с едой?

– Рыбы хватает. Мы расставили силки на кроликов, уже с десяток поймали. По Флегетону вчера плыла лодка с двумя саламандринами, так они скинули нам припасы: пять полных коробок рационов, таблетки для костров, соли мешок. Лекарств оставили электронных. Очень хотели с вами поговорить. Обещали быть через пару дней снова. Больных и выбывших нет. Несколько человек слегка не в себе, кое – кого приходится на ночь связывать. Вокруг лагеря постоянно шастают разные демоны, некоторые даже пытаются устанавливать свои порядки. Мы им говорим, что грешники находятся во власти паромщика Велчера, и они уходят. Я правильно все делаю? Меня выдвинули за возраст, который предполагает жизненную опытность, – тут он скептически ухмыльнулся. – Но если вы хотите назначить кого–то другого, я сразу уступлю ему место.

Занятный старикан. Мне он почему–то сразу понравился. Спокойный, несуетный, говорит с легкой иронией, как будто ситуацию вокруг серьезно не воспринимает. Я бы и сам его выбрал. И вот еще что, он показался мне вполне удовлетворенным жизнью. А это в Лавакроне редкость.

– Нда. Вот не зря говорят: «Кинет дурак камень в колодец, так сто умных не вытащат», – я покачал головой, но видя, как напрягся староста, быстро добавил. – Не переживай, это я о себе. Ты все сделал правильно. Не волнуйся. Перестановок затевать мы не будем. Всех демонов, что появятся на радарах, сразу направляй ко мне. Староста, слушай… Тьфу. Не нравится мне это прозвище. Отныне я нарекаю тебя… что бы придумать… Может быть, Унтером?

– Если мне будет дозволено поучаствовать…

– Валяй, старик!

– Назовите меня Лазарем.

– Лазарем? Откуда это?

– Просто так. Старая школа. Мне нравится.

– Заметано. С этой секунды ты – Лазарь, и это будет твое официальное имя для всех жителей нашего грешного поселения.

– Тогда неплохо было бы и деревню как–нибудь обозвать.

– Дерзай.

Староста помялся, виновато потупил глаза:

– Мы тут прикинули… даже несколько раз успели сказать вслух… В общем, мы предлагаем именовать поселение Велчероном.

– Творец всемогущий…

– А что? Сразу понятно, чьи люди, кто тут главный. Велчерон. Звучит, по–моему.

– Велчерон, – медленно проговорил я. – Ох, попаду я с вами на демонскую гауптвахту, а может, куда и похуже.

Лицо Лазаря вдруг приняло специфическое угодливое выражение. Этакая смесь лукавства, подобострастия и притворства.

– Повелитель, у нас в деревне двадцать три женщины. Некоторые нормальные. Есть такие, что и не прочь, – он хитро глянул на меня своими светлыми глазами и сделал многозначительную паузу. – Я лично подобрал несколько очень симпатичных. Мужчины проявляют к ним интерес, но мной сказано: «Пока Велчер не распорядится – никаких флиртов. Придет демон, лично все проверит и рассудит, как поступать». Так что если вы желаете, могу прислать к вам под вечер парочку. Или больше – на усмотрение повелителя.

Ах, он, старая сводня! У Лазаря с первого момента нашего

знакомства начала проявляться удивительная способность ставить меня в глухой тупик. Желаю ли я? Возможно, что очень даже. Но как–то это… стыдно… что ли. С другой стороны, если они сами не прочь… И все–таки Творец знает, как там староста все преподнес. Может, повинность ввел специальную?

– Давай вернемся к этому вопросу чуть позже, – уклончиво ответил я, потом почувствовал необходимость сказать что–то еще и добавил. – Я устал после сражения. Выигранного, кстати, сражения! А касательно секса – приказываю по вверенной мне военной части: если замечу случаи принуждения – оторву руки и ноги! В остальном могут вести себя свободно. Стоп. Исправим формулировку: интимные связи в Велчероне разрешены, если они не оскорбляют нравы остальных жителей деревни. Понятно?

– Будет исполнено, – торжественно ответил Лазарь, и в знак пущей важности медленно опустил и поднял голову. – Имеются ли распоряжения относительно ритуала встречи с повелителем?

– Чего? – опешил я.

– Церемонии приветствия. Оставим поклоны или введем дополнительные приседания?

– Формы уставных отношений будут разработаны отдельно, – отчеканил я. – Поклоны пока оставим.

– Как желаете, повелитель.

Мы спустились к реке. Дневальный у парома быстро просемафорил рыбакам, и те пригнали плот к берегу. Провожаемый десятками взглядов, я взгромоздился на свой привычный топчан, положил руку на канат и скомандовал грешникам:

– Трогайте.

Мы медленно поплыли сквозь темную безысходность вод Флегетона. Пока три человека тянули трос, я с плота обозревал свалившееся на голову хозяйство. Кроме десятка шалашей грешники нарыли себе землянок. Весь пригорок стал ноздреватым из–за их выходов. И человек десять усердно продолжали строить новые. Мотыг и лопат у людей не было – они использовали палки, которыми обкапывали камни. Потом валуны выворачивались вручную, а дальше работа шла с помощью ладоней, ногтей и пальцев. Жуть. Надо срочно озаботиться инструментами. И перчатками. Что бы на них сменять? Извлеченные из земли камни пошли в ход – из них соорудили небольшую пристань. Вода во Флегетоне течет особенно хитрым образом – в середине чистая, а по берегам струятся иссиня–черные потоки, по консистенции напоминающие отработанное масло. Захочет грешник умыться – станет еще грязнее, чем был. Та же самая проблема обстояла с водопоем. Иудин поцелуй

архитекторов читался отчетливо: если падший пожелает напиться, то сначала ему придется запачкаться. Чтобы очиститься от грехов, нужно терпеть лишения, страдать. И будешь прощен и помыт.

Паром ткнулся в пологий берег. До Хибары оставалось не более тысячи шагов. Здесь местность еще больше изрезали сопки, отчасти напоминавшие человеческие головы, вмурованные в грунт. И по их каменным щекам неспешно текли кровавые слезы магмовых ручьев. Мне постоянно приходилось использовать посох и проверять дорогу на прочность, потому что провалиться в огненную канаву – удовольствие небольшое. Я так потерял несколько пар обуви, а взамен приобрел ожоги.

Не знаю, что спасло меня в этот день. Предчувствие? Природная осторожность или отголоски армейской выучки? Протоптанную мной тропинку пересекал очередной лавовый поток. Основной его участок еще пыхал жаром, но оставалась гранитная плита, до которой эта мерзость почему–то не добралась. Моя нога уже почти коснулась каменной поверхности, но вдруг я ее отдернул. Вот как–то не внушил мне гранитный выступ уверенности в собственной прочности. Я присел на корточки и всмотрелся в него повнимательней. Обычный камень, блестящие искорки слюды, несколько неглубоких трещин. Сквозь них пробивалась парочка странных дымков. Я ткнул туда посохом – безрезультатно. Уже приготовился шагнуть, нерешительно помялся, но потом фыркнул на самого себя, перестраховщика, и отбросил клюку. Поднял ближайший булыжник и с размаху швырнул в середину каменной наковальни. Раздался непонятный треск, плита сложилась как раз по пунктирам дымков, и мой снаряд провалился куда–то с нею вместе. Я приподнялся на носках, заглянул за край провала. Мне открылась глубокая яма, в которой через равные промежутки некто очень добрый расположил стальные заостренные колья. Их острия были ярко–оранжевого цвета, потому что котлован на треть был наполнен раскаленной субстанцией. Провались я туда… Не знаю. Выжить было бы сложно. Данная аномалия рельефа имела однозначно рукотворный характер. Попросту сказать, меня пытались прикончить. «Кто же эта, в самом ближайшем времени, покойная тварь?» – подумал отставной капитан Слик.

– Хухлик!!! – что есть силы, заорал демон Велчер.

Я послал его домой от самого прообраза Пурпурного дворца. В Хухлике имелся навигатор с несколькими метками, среди которых под номером один значилась моя пещера. Теперь он должен был сидеть около двери и играть в говорящий звонок. Акустические локаторы питомца уловили мой отчаянный призыв,

и через десяток секунд стимфалийская птица опустилась мне на плечо. Корректировать приземление, как всегда, пришлось трещоткой. Я поморщился – стальные когти чувствительно царапнули кожу сквозь плащ. Эти «шоквокеры» оставляли после себя тягостное похмелье в виде вялости и нытья по всему телу, так что любое механическое воздействие причиняло потом сильную боль.

– Хухлик! Доложи о появлении незнакомых живых объектов в радиусе видимости.

– Визуальным наблюдением установлено присутствие трех кроликов. Дорожка следов животных ведет к берегу Флегетона. Приближения человеческих существ к Хибаре не подтверждаю.

– Глупая птица! Эх, жаль, что у тебя нет записи и монитора, чтобы ее просмотреть. Видишь это безобразие? Из меня чуть не приготовили рагу, а ты даже клювом не ведешь.

Но Хухлик только мигал силиконовыми ресницами, не понимая, чего хочет от него хозяин.

– Внимание! Команда с высшим приоритетом: просканировать грунт вокруг Хибары на предмет его нарушения. Засечь свежие ямы, выбоины, новые камни и по готовности – доложить. Действуй.

Ничего он не найдет. Линзы постоянно запотевают, а слезный очиститель барахлит. Потому–то и приходиться таскать с собой «кротал». Я прошел вдоль лавового ручейка, отыскал безопасное место и форсировал его по гряде крупных валунов. Прощупывая посохом каждый шаг, добрался до берлоги, зачем–то отчитал зомби–привратника и заперся в жилище изнутри на толстый ржавый засов. Впервые за все пребывание в Лавакроне. Когда мое седалище коснулось мягкой козьей шкуры, я почувствовал, как сильно устал за последние дни. Механически дотянулся до кладового шкафа, нашарил там рацион и вскрыл упаковку. Мои зубы перемалывали пищевой концентрат, а я сидел и даже не находил сил, чтобы собраться с мыслями. «Кто–то очень хочет твоей смерти, Велчер» – подумал я, проваливаясь в глубокий сон, который немного смахивал на обморок.

Меня разбудила переговорная труба, вернее, нежные звуки речевого аппарата Хухлика. Я так отрегулировал ему тембр, чтобы от одного только голоса можно было получить легкую форму тубоотита. Попробует какой–нибудь бродяга вторгнуться в пределы моих угодий, услышит ангельское пение Хухлика и застынет в глубокой задумчивости – а надо ли ему туда вообще?

– Здесь Хухлик! К Хибаре приближается человеческая особь в количестве один человек.

– Гладко изложено.

– Применить превентивное…

– Исчезни, птица! Скройся за холмом, я сам разберусь с нарушителем границы.

Мое оружие висело в специальном арсенальном шкафу. В образцовом порядке, между прочим. Короткий топорик с шипом на обухе и изогнутый клинок в ножнах. Я выбрал меч. Брызнув на лицо водой из умывального тазика, я прокрался к входной двери и замер. Снаружи шипел знойный ветер, а внутри мое сердце отсчитывало полусекунды. Какой я торопыга! Надо было узнать у Хухлика о дистанции до нарушителя, а то теперь непонятно, сколько мне сидеть в засаде, прежде чем резко выскочить.

Стук в дверь раздался неожиданно, я даже невольно вздрогнул. Одна моя рука держала меч, а вторая щелкнула тумблером запорного механизма. Если там враг – необязательно пластать его лезвием. Можно как следует дать эфесом в зубы, а потом спокойно допросить. На пороге стояла девушка с большим бумажным пакетом в руках. Тут же случилась маленькая неприятность: я совсем забыл про своего мертвеца–мажордома, который перепугал посетительницу насмерть. Она взвизгнула, сверток полетел в сторону, сама девица отскочила назад, поскользнулась и с размаху шлепнулась на мягкое место, не переставая голосить. Я выругался, непочтительно швырнул боевой клинок на каменные ступеньки и вырубил голограмму. Вышло так, что одновременно с ней получилось отключить громкость девушки, которая замерла с открытым ртом и вытаращенными глазами. Теперь я смог ее нормально рассмотреть.

Обычно грешницы вызывали у меня жалость. Грязные, нечесаные, с бегающими от ужаса взглядами, они могли пробудить у мужчины лишь сострадание, а кто считает иначе – просто бездушная скотина. Эта, хоть и носила обычное рубище, но выглядела совершенно по-другому. Подвернутый подол серой хламиды был аккуратно заколот и обнажал стройные ножки, кудрявые русые волосы блестели чистотой. Девица опомнилась и умудрилась в сидячем положении изобразить поклон, отчего ворот накидки распахнулся и слегка приоткрыл… ммм… продемонстрировал… ммм… словом, сложена она была гармонично, а по мне на тот момент, так почти идеально. Интересно, какой грех отмаливает эта очаровательная отступница?

– Повелитель Велчер, староста велел передать вам свежую рыбу. Она испечена на углях. Если желаете иного приготовления – только скажите, – жалобным голосом произнесла девушка, посмотрела на разорванный пакет, откуда на тропинку вывалился

коричневый рыбий кусок, и виновато втянула голову в плечи.

Я невольно провел ладонью по трехдневной щетине, не зная, что ей ответить.

– Выглядит аппетитно.

– Простите меня, я не ожидала…

– Все в порядке, – во мне вдруг проснулся кавалер, я подошел и протянул ей руку.

Когда наши пальцы соприкоснулись, по моей коже между лопаток пробежали мурашки. Сколько у меня уже не было женщины? Полгода? Сколько я не видел никого, похожего на нормальную женщину? Около того, если не принимать во внимание Азризу. Прочие представительниц нашей братии не в счет. Хоть я и встречал в Прайде еще несколько особей демонесс, но все они находились в сценических обликах разной степени отвратности. А дальше случайных встреч дело не пошло.

Девица поднялась, быстро отряхнула и оправила свою робу. Ростом она доставала мне лишь до подбородка. В обычном состоянии, без расширенных от страха зрачков, черты ее лица приобрели приятную мягкость. Про таких говорят: «всегда готова улыбнуться». Мы почти касались друг друга плечами, оба стояли молча, не зная, что сказать. Потом девушка нагнулась к пакету, собрала в него мой завтрак и неловко протянула сверток мне. Я принял подношение и сказал:

– Спасибо.

Вот чего я вчера не заставил себя побриться? Теперь наверняка напоминаю лесного зверя.

– Если повелитель Велчер не имеет больше никаких приказаний, я, пожалуй, пойду…

– Да, иди. Стой! Я хотел узнать, в смысле спросить…Э–э–э, как вообще дела?

Она наконец–то улыбнулась. На щеках заиграли ямочки, в глазах появилась женская хитринка.

– Велчерон живет обычным укладом. Люди копают новые жилища, ловят рыбу, заканчивают строить мостки для купания и стирки.

– Хм. Понятно.

Снова молчание. Неужели за полгода я совсем разучился вести себя с женщинами? Ей же что–то нужно сказать, а не стоять истуканом! Наверняка сейчас думает, что Велчер оказался конченым ослом. Или просто взять ее под руку и утащить в свою берлогу? Так должен поступать настоящий демон? Ох, не по мне оказалась эта работа.

– Я пойду? – снова прозвучал вопрос.

– Да. Погоди, – я остановил ее, взяв за руку. – Передай

Лазарю мою благодарность за рыбу.

– На ужин будет суп. Только котлов у нас мало и тарелок не хватает.

– Сейчас, что–нибудь придумаем, – я кинулся вниз, едва не сверзился с лестницы, запнувшись о меч, и вернулся через пару минут, груженый домашней утварью.

– Вот. Я подумал, что народу пригодится. Ну, грешникам, то есть.

– Благодарю вас, повелитель, – девушка стояла, опустив глаза, пока я перекладывал ей на руки посуду.

– Донесешь?

– Да.

– Хорошо. Теперь ступай.

Я повернулся, не оглядываясь, перешагнул через порог и запечатал за собой дверь. А может, все–таки стоило ее утащить в подземелье? Слик–Велчер! Ты все такой же дурень!

Весь день я провел в берлоге. Разнежился в подземной прохладе так, что вылезать на знойную поверхность вовсе не хотелось. Тело уже опомнилось от импульсного шока и вело себя вполне прилично – никакого тебе онемения или вялости. Чего я не мог сказать о мыслях. Утренняя красотка продолжала смущать мой ум. Я загадал так – если староста решит угостить меня супом, и миссию доставки вновь возьмет на себя эта малышка со смешливым ртом и желтоватыми волосами, обязательно попробую свести с ней знакомство поближе. А там уже как получится. Но меня ждала совсем иная встреча.

Я протирал ветошью боевой топор, как вдруг мое убогое жилище осветила голубая вспышка. Из стены выплыло прозрачное сияние, которое медленно и торжественно начало складываться в проекцию. Ну, точно – голограмма. Никак могучий Баалхи, из отвислого пупа которого произрастает жизнь, а толстые стопы попирают сущее, пожаловал с визитом. Решил переступить через божественную гордость и снова попробовать договориться? Еще не понял, что напоролся не на того парня, которому легко запудрить мозги? Я отложил топор и плюхнулся в свое кресло. Свечение сформировалось в плотную фигуру. Лицо посетителя закрывала тень, но в остальном он оказался обыденно похож на нормального человека: белый гражданский реглан, обычные брюки, легкие прогулочные сандалии. Когда изображение стабилизировалось, исчезли помехи и рябь, мой гость деловито осведомился:

– Демон Велчер?

– Угу. А трон куда делся?

– Какой трон? – оторопел незнакомец.

– Из черепушек. Или мода сменилась, и теперь вы косите под штатских с поверхности?

– Трон – это неважно, – махнула рукой фигура. – Я прибыл, чтобы предупредить тебя.

– Давай определимся сначала в терминах? Ты – это кто?

– Хм. Назовем меня тайным доброжелателем.

– Как романтично. По–прежнему играете в свои дурацкие игры?

Человек смешался и даже в задумчивости взлохматил рукой невидимые мне волосы:

– Я, в общем, представлял, что с тобой, Велчер, будет непросто иметь дело, – признался он.

– Сочувствую. Так может, тогда тебе пора оставить меня в покое и отправиться восвояси? Ну, что медлишь? Исчезай уже в отблесках зарниц!

– Давай так, я дам информацию, а ты уж сам решай, как с ней поступать? Хорошо? Суть вопроса такова – у тебя, Велчер, появился личный враг.

– И?

– Все.

– Тогда пока.

– Погоди, – в спокойном голосе моего собеседника появилась нотка нетерпения. – Этот враг желает твоей смерти.

– Предлагаю считать, что ты меня предупредил. Так ведь задумано? Теперь, соответственно, можешь валить к другим тушканчикам и конопатить мозги им. Рассказывай про врагов, интригуй, словом, действуй по плану, или что вы там измыслили. А я буду переваривать пищу и вспоминать тебя с благодарностью.

Человек помолчал. Видимо, не находил слов. Потом пожал плечами и заявил:

– Договорились. Только когда завтра придешь на переправу – держи глаза открытыми и не дай застать себя врасплох. Пока, Велчер.

– Бывай, доброжелатель.

Голограмма сжалась до маленького настенного светильника и вроде надумала погаснуть совсем, но потом опять расширилась и превратилась в прежнюю фигуру.

– Что, еще один враг? – насмешливо поинтересовался я. – Или мучает чувство недосказанности?

– Нет, – спокойно ответил незнакомец. – Если тебе вдруг придет в голову мысль подправить настройки своего Хухлика, попробуй ввести в командной строке фразу: «Темные помыслы». У тебя запросят подтверждение прав, ты введешь код: «Архитектура, корректировка, Лори».

– Очень трогательно, – отметил я.

Человек, как показалось, на секунду смутился, но не потерял самообладания:

– Данный пароль, между прочим, будет эффективен и в отношении остальных питомцев в Прайде. Только для тех, кто завязан непосредственно на тебя. Как Хухлик. Не забудешь?

– Не забуду, – великодушно подтвердил я.

– Тогда у меня все.

Голограмма свернулась в маленький голубой мячик и исчезла совсем. Я взял в руки кусок жареной рыбы, поднес его ко рту, но потом отложил на тарелку. Вот гадство. Думай теперь о его словах. Манипуляторы чертовы. Я подошел к раструбу воздуховода:

– Командный центр вызывает первый пост.

– Здесь Хухлик! – бодро отозвалась труба.

– Введи пароль и тащи вниз свою пернатую задницу!

– Принято. Выполняю!

Через минуту раздалось клацанье стальных когтей о камни, и по ступенькам в прихожую прискакал мой стимфалийский питомец. Хухлик сложил крылья, которые держал полуоткрытыми для равновесия, несколько раз мигнул темными глазками и замер на пороге.

– Доступ к управлению.

Из его груди выплыл маленький синий экранчик. Я полистал ладонью менюшки: «Диалоги», «Режимы», «Пользовательские модели поведения» – ничего нового.

– Темные помыслы!

Табличка повернулась другой стороной, словно хотела показать свою изнанку. Но список был закрыт, виднелись лишь порядковые номера пунктов. На экран выползла строчка: «Требуется код подтверждения».

Я отчетливо произнес:

– Архитектура. Точка. Корректировка. Точка. Лори.

Щелк! Что у нас там пряталось? Ого! «Атака наземных целей», «Шкала агрессии», «Система распознавания «свой–чужой»! Даже «Противозенитные маневры» есть!

– Хухлик! – торжественно произнес я. – В тебе открываются новые таланты!

Вот и нашлось мне дело до ужина – я увлеченно программировал пернатого, изучал его боевые возможности. После того, как мой питомец несколько раз безуспешно попытался растерзать голограмму на входе, вулкан моего творческого вдохновения перестал выбрасывать потоки новых идей. Теперь любой, кто сунется к Хибаре в неурочный час,

наткнется на неприятный крылатый сюрприз. Стоп. Проклятье! Этот птенец будет опасен для жителей Велчерона. Я вздохнул и принялся смягчать настройки. Мой непривычный к логической гимнастике ум так утомился, что оставалось только улечься спать прямо посреди дня. Когда мои веки разлепились, до ужина оставалось чуть меньше часа. Я выставил птицу нести караул, а сам принялся соскребать с физиономии трехдневную щетину. Потом совершил над своим телом акт вандализма при помощи холодной воды, переоделся в чистое, запихнул пыльную одежду в бак для белья (твердо пообещав себе вскоре устроить большую стирку) и, совсем разойдясь в припадке хозяйственности, уничтожил пыль и заново перестелил кровать. Поразительно, что может сотворить с мужчиной появление на горизонте женщины, которая оказалась ему небезразлична. Голос ржавого коммуникатора застал меня с грязной тряпкой в руках, когда я в сотый раз оглядывал свои покои в поисках чего бы еще протереть.

– К Хибаре приближается одушевленный объект.

– Что в руках?

– Объект несет сверток и прижимает к телу плоский предмет. Наличие оружия не подтверждаю.

– Параметры посетителя! Опиши внешность!

– Рост пять футов семь дюймов, длинный волосяной покров, серая ниспадающая одежда до колен…

Точно, она! Сердце прыгнуло вверх, немало напугав остальной организм. Я метнул тряпку в угол, запинал ее ногой под вешалку, вымыл руки и сел ждать. На этот раз не стоит прятаться под дверью – это может показаться ей смешным. И привратника нужно не забыть отключить. Творец, почему я иногда кажусь себе идиотом? Ну как, спрашивается, мне услышать стук в дверь через толщу скальных пород? Лучше сделаю вид, что собираюсь прогуляться, и мы столкнемся у порога. Я быстро накинул на плечи свой демонский плащ и припустил вверх по ступенькам. Когда до входа оставался последний лестничный пролет, я услышал громкое: тук–тук! Не успел! Оставалось только вырубить голограмму и отпереть запор.

Вместо привлекательной грешницы на пороге оказался невысокий парень с длинными патлами цвета птичьего помета. Продолговатый предмет, о котором меня предупредил Хухлик, был идентифицирован мной, как толстая тетрадь в коричневой кожаной обложке.

– Не понял, – брякнул я. – А где…, – и с лязгом захлопнул пасть.

– Суп, как и приказывали, повелитель, – быстро проговорил человечек, с интересом разглядывая меня своим круглыми

глазками. – Вы извольте трапезничать, а я займусь своим делом, если вас не затруднит. Лазарь сказал, что нужно начинать с самого начала. Староста считает – без этого никак. Наши упражнения будут чрезвычайно полезны народу.

– Упражнения? – тоскливо переспросил я. – А ты, вообще, кто такой?

– Не гневайтесь, повелитель Велчер, у меня от испуга все в голове перемешалось, – не знаю, уж какой он имел в виду испуг, но стрекотал юноша весьма бойко. – Я, с демонического позволения, ваш личный биограф. И историограф поселения Велчерон. А упражнениями я именую заполнение летописей. Бумага тут в большой цене, поэтому придется экономить каждый лист!

От расстройства я не придумал ничего лучшего, как забрать еду, повернуться спиной к ученому мужу и направиться обратно в свою обитель. Тип с тетрадью сделал поползновение двинуться за мной, но с неба ему на голову спикировала разъяренная молния:

– Тревога!!! Нарушение периметра!!!

Я едва успел втащить историографа под спасительную защиту дверного проема. Просто рванул его за ворот одной рукой и швырнул вглубь коридора. Рикошетом от притолоки Хухлик рухнул на площадку перед входом, не переставая верещать:

– Враги в Хибаре!!! Враги в Хибаре!!!

– Отставить. Объекту присвоен статус дружественного лица. Продолжить патрулирование!

Птица отряхнулась, клацнула клювом и, мощно оттолкнувшись лапами, взмыла вверх. По моему новому плащу поползли скользкие ручейки – это был рыбный суп. Снизу послышалось болезненное кряхтение. Я поинтересовался у темноты:

– Ты как там? Не расшибся?

– Э–э–э….,– проскулило в ответ подземелье.

– Ну, тогда – добро пожаловать!

Пока я унылым темпом глотал остатки жирного бульона, мой летописец оклемался. Он угнездил на коленях коричневую тетрадь, извлек из нее карандаш и принялся за свои упражнения. К моменту, когда я отставил в сторону тарелку, у него набралось полторы страницы текста. Почерк у субъекта был корявый и скачущий.

– Вот, что пока удалось соорудить, – сказал историограф, когда наткнулся на мой заинтересованный взгляд. – И вышел сиятельный златоседлый демон Велчер к людям и возгласил: «Да пребудет мой народ на берегу Флегетона с утеснением, сообразно деяниям человеческим»…

– Златоседлый, – тупо повторил я.

– Угу. Лазарь говорит, что раз уж мы принялись строить замкнутый социум, то нам никак не обойтись без культа вождя. Срочно нужны ложные идеалы для пробуждения патриотизма. Образ внешнего врага как– нибудь сложится, но одновременно нам необходимо воспеть вашу фигуру. А вы должны помочь с поведением – придется демонстрировать брутальность. Будем двигаться по всем направлениям: любовные победы (мы специально выберем из грешниц самую одиозную), мужественный облик (надо будет периодически прохаживаться по берегу с голым торсом), еще важно воспеть вашу связь с оружием и природой. Вам должны покориться и металл, и животные. Природу станет олицетворять Хухлик – он летает и садится по вашей воле, а насчет оружия я кое–что придумал. Немного вычурно получилось, но вы уж постарайтесь – это для вашего же имиджа! Вот: «И возрадовались жители Велчерона, и разожгли они костры на том берегу, и отрыли себе жилища. А повелитель передал в их руки несокрушимый лук Шемгали со словами: «Вот предмет, который разделит простых смертных и кшатриев. Тот, кто натянет тетиву этого волшебного лука, будет отмечен мной, как равный! Сей грешник сможет вобрать в себя толику демонской мощи и станет одной из инкарнаций победоносного Шемгали!».

– Стоп! Шемгали еще какой–то появился. Откуда он вообще взялся?

– Ваш покровитель – Демон из демонов. Я пока не придумал его историю. Есть некоторые соображения, но они в стадии набросков.

– Златоседлый Шемгали, – снова повторил я.

А может, мне просто вышвырнуть вон этого типа? Но меня уже стала занимать его наглость и нахрапистость.

– Что там за лук образовался?

– Это Атрибут Власти.

– Забудь.

– Без лука никак, – расстроился парень. – Нам непременно нужно поставить перед жителями какую–то светлую цель. Пусть недостижимую, лишь бы она была. Материальные блага, жилища не сработают из–за того, что мы находимся в Лавакроне. А лук подойдет. Или арбалет. Сумеете его заполучить?

Правду сказать, тут мошенник попал в точку. Лук у меня как раз имелся. Я зачем–то отметил его в списке предметов первой необходимости, предпочтя стиральной машине, о чем впоследствии раскаивался каждый день здешнего пребывания.

– Ладно. Но если его натянут в тот же день половина

грешников? Что тогда делать?

– Хм. Это я как–то упустил. Если на пути легенды встает техническая проблема, то легенду переписывают. Предлагаю вернуться к данному вопросу позже. «Список воздаяний за грехи укрепил сердца жителей Велчерона. Поскольку узнали они, что их демон–повелитель милосерден и справедлив. И принесли они дары своему правителю, которыми снабдил их щедрый Флегетон. Демон принял подношения и не стал никого истреблять в этот радостный день, а наоборот, приветственно помахал могучей рукой. Среди грешников глазами зоркого сокола заметил Велчер прекрасную девушку, что стояла, скромно опустив очи. И снизошел демон на берег со своего парома и взял руку достойнейшей дочери народа своего и сказал…»

– Эй, фантазер, а ты кем был до Лавакрона?

– Я в рекламе работал.

– Заметно, – хмыкнул я. – Можно было догадаться. Что отмаливаешь? Вранье, наверное?

– Кумиротворчество, – важно ответил парень, перелистывая страницу. – В этом деле я, можно сказать, профессионал.

Линия Моллоя. Первая группа

Арфиды – детище двадцатого века, радиочастотные маячки, которые размещались на ценниках различных товаров. С их интеграцией в глобальную сеть интернет и сращиванием данных от арфидов с системой обработки предпочтений гражданина появился маркетинговый гид, некий подсказчик, который при заходе в определенное меню, сообщал: «По нашему мнению, вас заинтересует следующий продукт». Это мог быть сорт сыра, марка машины, отель, курорт или род деятельности на рынке труда. Каждый выбор, каждое платежное действие человека предвосхищалось. Потом появились кэш-беки. Материальный стимул предпочтения. «Приобретите эти джинсы, и мы вернем вам на карточку столько-то единиц национальной валюты». Процессы глобализма намертво соединили власть и интересы мега-корпораций. Последние давали деньги на предвыборные кампании, а продвинутые в избирательные органы «их» депутаты изо всех сил лоббировали интересы своих спонсоров. Все это скромно именовалось властью народа, то есть – демократией. Постепенно ярмо на шее граждан (органы управления) пришло к мнению, что степень контроля воли избирателей недостаточна. Те же арфиды открывали массу возможностей. Так родилась первая цифровая система вознаграждений, когда кэш-беки превратились из подачек в полноценный стимул. Отныне им было подчинено

все. Делай правильно (в угоду власти) – получай материальное поощрение, действуй наперекор Системе – будь готов за это расплатиться. Гармонию всеобщей материальной зависимости нарушало два фактора – отсутствие внешнего врага, как основы патриотизма и многоконфессиональность религии. Чтобы решить первую проблему придумали антропоморфов – бунтовщиков, которым не по нраву объединение Земли и строительство Райских парковых зон с генно-измененными растениями и животными. Собственно, все чудеса биотехнологии и служили только в качестве оправдания деятельности антропоморфов. Следует пояснить термин – защитников первозданной природы сначала нашли, организовали, обучили, вооружили, а потом лишили звания людей и принялись истреблять, широко освещая процесс их истребления в прессе. Оставалось лишь урегулировать вопрос с многочисленными Богами. Договориться с Гаутамой, Христом, Конфуцием, Аллахом, всем индуистким пантеоном и прочими высшими существами. А заодно не выпустить из рук систему грехов, которая не хуже уголовных законов регулировала нормы поведения граждан. И тут на Метрополию снизошел гений Проектировщика. Антонимом Райских парковых зон был создан земной ад. Туда ссылались грешники, он послужил одновременно и наказанием, и внешним врагом, и финальным продуктом интеграции бизнеса во власть. А радиочастотные маячки – арфиды стали невидимыми ангелами мщения или поощрения. В зависимости от обстоятельств. Чтобы в Цифре откалибровать каждодневное бытие граждан, разработали «Кодекс». Это была квинтэссенция всех религий мира, положенная на кэш-беки и сдобренная медиа-благословением властей. Осталось немногое – стереть историю рукотворного создания Лавакрона с новостных страниц и населить преисподнюю неимоверным количеством мифов, легенд и предрассудков. Для этого плавно и исподтишка ввели «Код Лавакрона». Пусть никого не обманывает созвучие «Кода» и «Кодекса» – оно не случайно. Первый изнутри, из глубины подземной тверди готовил в мозгах граждан незыблемость второго. В мире наметился абрис абсолютной конструкции государственного аппарата. Религия, бизнес, власть, законы. И все это под маркой «Лавакрона» или земного ада.

Моллой вдоволь надышался соленым воздухом и вернулся обратно в апартаменты. Лори еще спала. Ее волосы разметались на белоснежной подушке, сквозь тонкое покрывало проступили контуры стройной фигуры. Возникло желание быстренько скинуть одежду и нырнуть в ее теплые объятия.

– Как же прекрасна любимая женщина во сне! – Архитектор еще секунду парил в облаках романтики, но потом на цыпочках

прокрался на рабочую половину.

Он отодвинул в сторону горшочек с карликовым кленом. Вместе с Лори их дом наводнило ее бонсайное увлечение. Компьютер включился беззвучно. Почту, как обычно, с утра пополнил целый штабель писем: отчеты подчиненных, копии ордеров на материалы, списки запросов на рабочие команды. Среди деловой корреспонденции одно послание имело тревожный черный флажок – сигнал о самоуничтожении. Моллой нервно сжал и разжал пальцы. Так он делал всегда, когда видел новое указание неведомого Проектировщика. Кукловода, который уже два с лишним года дергал за ниточки самого Моллоя, а через него всю исполинскую машину Лавакрона. Может быть, стоило проигнорировать первое письмо? Или переслать его в Службу Безопасности? Какая глупость! Адресная строка содержала несколько скрытых копий, и там Моллой нашел почту шефа СБ. Значит, все, что здесь происходит, делается с ведома и одобрения государственной системы. Волноваться нечего. Но, все равно, сердце замирало каждый раз, когда он видел письма с коричневой или черной отметками. Моллой открыл сообщение:

«Мои приветствия уважаемому коллеге.

Всем заинтересованным лицам отрадно наблюдать, как продвигаются наши дела в Лавакроне. Мелких недочетов избежать не удалось, но это не беда, система быстро адаптируется к изменениям. В настоящий момент, по информации из моих источников, заполненность двух верхних кругов достигла 65–70%. Ниже ситуация пока не столь радужная, но нас уже поджимают сроки, и мы вынуждены дать отмашку началу операции «Код Лавакрона». Я надеюсь, что вы не ошиблись с персоной проводника. Военная выучка, лидерство, внутренняя порядочность – огромные плюсы, но в наших деликатных задачах иногда лучше иметь дело с мошенником, чем авантюристом. Полагаюсь на ваш выбор, но отношусь к нему с сомнением. Мне показалось или он непосредственным образом связан с тем грешником, что вы включили в группу? Ладно, оставим данный вопрос на ваше усмотрение. Первая партия прибудет сегодня к Главным Вратам приблизительно к полудню. Точнее сообщить не могу – сказывается размытый фактор дороги. Как мы и договаривались, я надеюсь, что вы лично сможете отследить ее прохождение через приемник. Теперь, благодаря доступу, ваши руки развязаны. Заранее спасибо. Жду подтверждения о благополучном завершении операции обычным кодом.

С уважением,

Ваш Проектировщик».

Что он мог ответить на сомнения своего неизвестного

патрона? Выбор проводника и вправду решила информация о Рими. Старик находился в районе Альтамиры Крови, он прочно врос в новое стихийное поселение под руководством странного демона бунтарского толка. Когда Моллой прочитал его досье, то долго не мог понять, как такого своенравного типа терпела армия. Но теперь его фигура оказалась неразрывно связана с историком. Пришлось включать в группу обоих. Иначе не миновать ненужной огласки. Тем более, что над самим демоном начали сгущаться тучи грядущих неприятностей. За этими проблемами явно чувствовалась чья–то сторонняя воля, не исключено – рука самого Коэна, поскольку у Полди за время совместной работы не наблюдалось ни малейших признаков садизма. К Коэну же Моллой испытывал просто животную неприязнь, так что возможность разрушить планы ненавистного толстяка приятно согревала душу. Но Архитектор все равно дал себе слово размотать эту непонятную интригу, разобраться в ее мотивах. У него сразу появилось тревожное чувство, что он наткнулся на нечто важное и запретное. Возможно, настолько важное, что в опасности может оказаться вся программа «Кода». Как же быть? Как спасти людей и не злоупотребить доверием Полди? Ставя на шахматную доску проекта последнюю фигуру, Моллой продолжал терзать себя угрызениями совести.

Он закрыл почту и достал из секретного ящика стола книгу в красном переплете. Настоящий кирпич, такая же толстая. Архитектор знал, что объем фолианту придавало не количество информации, которое в нем содержалось, а специальный материал страниц и переплета. Чтобы уничтожить этот брикет пришлось бы применить максимум фантазии. Листы не рвались и не горели в огне, книга могла пролежать на морском дне в течение года без негативных последствий для содержимого. По центру обложки было вытиснуто только одно слово «Код». Всего несколько букв, выстроенные в ряд. Моллой знал, что эти каллиграфические единицы обладают подлинным могуществом. Именно они призваны менять судьбы и переписывать биографии.

Он открыл наугад страницу и прочитал:

«… Прегрешения против себя наименее тяжкие по сравнению с преступлениями против людей и против общества, но от этого они не перестают быть прегрешениями. В современном мире каждая личность, каждый индивидуум с рождения наделяется правами и обязательствами. Такова система общественного порядка. Злоумышляя против себя, человек отрицает свои обязательства по отношению к государственному строю, и следовательно, он совершает преступление. И наказание будет неминуемо…»

Моллой порывисто встал из–за стола, бросил вороватый взгляд на жилую половину и нацедил себе из сифона витаминный коктейль. Лори нервно реагировала на этот напиток – слишком много стимуляторов, вредно для здоровья. Но приторно–сладкая жидкость всегда приносила облегчение. Сознание прояснялось, исчезала дрожь в кончиках пальцев, появлялась несокрушимая уверенность в собственной правоте. «Напиток Мужества» – так называл его про себя Моллой. Хорошо «чипованным» людям – у них всегда есть, где занять толику недостающих гормонов. А что делать ему, антиподу супергероя? Откуда взять сверхспокойствие в ситуации, когда любой человек от страха будет стучать зубами?

Дождавшись теплой волны решимости, Моллой прошел в гардероб, открыл свой одежный шкаф и нажал маленькую кнопку рядом с выключателем подсветки. Беззвучно щелкнула и отъехала вбок потайная дверца, сшибая с полки очередное деревце. Миниатюрная азалия едва не грохнулась на пол, но Моллой успел подхватить в воздухе глиняный вазон. Процесс одевания занял целых пять минут, в течение которых он постоянно прислушивался к звукам на жилой половине. Когда все было готово, он придирчиво осмотрел отражение в зеркале и остался доволен – в ответ на него глядел немолодой «чарли» в спецовке обслуживающего персонала.

Дверь тихо клацнула за его спиной, а лифт доставил на уровень подземной дороги. Все регистраторы на пути считывали данные с его коммуникатора и фиксировали то, что было им предложено. Гостиничные сенсоры опознали горничного, который закончил смену и направился отдыхать, турникет в метро равнодушно просканировал сотрудника подразделения «С–ин – 15», что торопился в Лавакрон по своему назначению. Толпа занесла Моллоя в вагон, с ней же он и вышел на нужной остановке. Пучок стволовых лифтовых кабин засасывал людской поток и увозил по сотням этажей. Моллой дождался своей очереди и шагнул в овальную полупрозрачную капсулу. Сначала они стремглав полетели вниз, потом прочертили пространство по диагонали, а закончили мягким горизонтальным причаливанием. Еще один эскалатор – и он в последнем коридоре, как всегда наполненном и оживленном.

Мужчины с полотенцами на крепких шеях заходили в душевую и выходили из нее. Они словно племя, были очень похожи друг на друга: широкие плечи, бритые затылки. Они часто шутили и громогласно смеялись. Белозубые улыбки на суровых и мрачных лицах. Моллоя взяла оторопь от этой веселости – это было все равно, что наблюдать приступ игривого настроения у стаи тигровых акул. В ряду туалетных кабин затерялась дверь с

табличкой «Служебное помещение». Такая вывеска гарантирует отсутствие к себе интереса. Что там может лежать? Шеренга электронных полотеров или склад вафельных полотенец. Моллой, не спеша, прижал подушечку безымянного пальца к электронному дисплею, тихонько толкнул дверь и оказался внутри. Там его ждал еще один гардеробный шкаф, который принял внутрь одну искусственную личину и успешно заменил ее другой. Через десяток минут из подсобки вышел очередной саламандрин, который смешался с толпой прочих охранников, что торопились на службу. У этого саламандрина были такие же, как и у остальных стражников широкие плечи, четыре немигающих глаза и крепко сжатые челюсти рептилии. Он ничем не напоминал субтильную фигуру Архитектора, что привыкли видеть на своих экранах работники Лавакрона. Саламандрин имел статус начальника смены и спешил к своему ответственному посту – Первым Вратам или, как их прозвали на местном жаргоне, «Большому Змеюшнику».

Вот площадка – последний шлюз, роковая черта, где заканчивался мир людей и начиналась обитель грешников и демонов. Моллой подошел к группе стражников, готовой к выходу в открытый ад. Среди них выделялся один крепыш, от волнения даже содравший с головы силиконовую маску. На его красном лице блестели капли пота.

– Поверить не могу! Первый раз! – восклицал он, хлопая себя руками по ляжкам.

– Удача любит достойных, брат! Повезло! Отдохни, как следует! Порадуй жену! С тебя выпивка! – слышались с разных сторон выкрики, в которых различались нотки зависти.

Моллой решительно протиснулся к виновнику суматохи:

– Ваш индекс «С–ин–пятнадцать–двадцать два»? Начальник пятнадцатой смены Пургатора?

– Да, это я, – ответил охранник без маски.

– Поздравляю! Отпуск за счет правительства – редкая привилегия. Меня выдернули из караула «Фильтра», – так на сленге служащих назывался фильтрационный лагерь для грешников. – На сегодня я заменю вас, а дальше диспетчер перекроит вахты.

Начальник караула из избытка чувств хлопнул Моллоя по плечу:

– Отлично! А я уж начал переживать, что один день отпуска пропал впустую. Ребята, подскажите новичку, что у нас как. Мы – дружная команда, с первого дня вместе.

– Благодарю, – Моллой повернулся. – Готовность – две минуты. Обычный график движения. Дротики на тридцать

градусов шипами внутрь! Не зевать! Устроим этим бездельникам веселые каникулы в Лавакроне!

Саламандрины сдвинули вместе головы так, что их острые гребни сшиблись:

– Р–р–рях!!! – выкрикнул разом десяток глоток.

Не зря он прослушал множество трансляций именно этого шлюза, внимательно вчитывался в распечатки хронометристов. Теперь его память хранила все команды, все нештатные ситуации, что случились близ Врат с момента их официального открытия.

– Ну, теперь я спокоен, – широко улыбнулся отпускник и стиснул ладонь Моллоя в металлическом пожатии. – С такой заменой я могу беззаботно загорать на пляже.

Прошли уже более двух часов с начала их смены. Поток грешников двигался, словно живая гусеница из тысячи одинаковых сегментов. Поначалу Моллой вглядывался в лица людей, его сердце сжималось от сострадания, но потом оно зачерствело. Похоже, что в организме просто иссяк гормон сочувствия. Сотни растерянных лиц, сотни прижатых к груди дрожащих рук. Когда кто–то падал на колени и начинал тормозить движение, приходилось рассекать толпу острием палки и извлекать нарушителя. От постоянного напряжения ломило спину, плечи ныли от нагрузки, не помогали даже электронные мышечные усилители. Несчастного кидали на руки демонам, его, не обращая внимания на мольбы и вопли, волокли куда–то вглубь кроваво–красных от декоративных прожилок тоннелей. Таков был облик Пургатора, похожего на внутренности гигантского животного.

Когда его коммуникатор пискнул зеленым, Моллой испытал не предельное напряжение, как ожидал, а огромное облегчение – наконец–то все закончится. Их было шестеро. Три женщины и трое мужчин. Все подтянутые, с гордыми осанками верхней социальной группы. Возраст неопределенный – между двадцатью пятью и сорока. С любой «альфой» так – обширная медицинская страховка обеспечивает длинный шаг из юности в старость, минуя тоскливый промежуточный этап, когда человек вынужден постоянно подсчитывать новые морщины.

Моллой сделал шаг к грешникам:

– Остановитесь! Вы, шестеро!

Один из мужчин, настоящий великан с могучими руками и ногами, выступил вперед, словно хотел заслонить собой спутников. Кто–то из шеренги саламандринов не разобрался в ситуации и хлестнул его по спине тростью:

– А ну, шевелись! Что застыл, образина?!

Гигант резко, будто на пружинах, обернулся к обидчику, его кулаки инстинктивно сжались.

– Неповиновение? Получай! – с палки охранника сорвалась искрящаяся молния.

Мужчина рухнул на колени.

– Чего разлегся? Сейчас мы тебя подбодрим, здоровяк, – еще один рептилоид занес над ним шоковую дубинку.

– Прекратить! – крикнул Моллой. – По медицинским показаниям к ним нельзя применять жесткую стимуляцию! Эта шестерка отправляется к врачам на осмотр. Я сам сопровожу их.

– В клинику? Странно, – пробормотал вспыльчивый охранник. – Выглядят–то поздоровей прочих.

– Не рассуждать! С–ин–двадцать три! Обеспечить подмену командира! – приказал Моллой и уже более мягко добавил. – Данные регистратора. Мы обязаны реагировать.

Саламандрин пожал плечами, медленно отводя в сторону палку. Видно было, как ему хочется еще раз вытянуть кого–нибудь из этих холеных «альф» по беззащитной спине.

– Принято, – отозвался другой рептилоид, становясь на место Моллоя.

Моллой показал тростью направление:

– В этот коридор. А ну, пошли!!!

Оставшиеся на ногах мужчины и одна из женщин помогли гиганту подняться. Придерживая его под локти, они двинулись в указанную Моллоем сторону. Архитектор дождался, когда расстояние между ними и шеренгой саламандринов составит хотя бы десяток шагов, и включил на своем коммуникаторе режим акустического подавления.

– Как путешествие? – спросил он.

Грешники настороженно переглянулись. «Их проинструктировали» – отметил Моллой и сказал:

– Можете говорить спокойно. Я – тот, кто должен вас встретить и передать дальше по этапу.

У одной из женщин, эффектной блондинки, из глаз брызнули слезы. Другая женщина, брюнетка, та, которая поддерживала здоровяка, убедившись, что он в состоянии двигаться сам, ответила за остальных:

– Рады встрече. Не очень–то у вас гостеприимно.

– В вашем случае как раз наоборот, – усмехнулся Моллой и быстро заговорил. – У нас в распоряжении мало времени, поэтому слушайте меня внимательно. В клинике вы пробудете пару дней. За это время придет уточнение по вашему наказанию – оно будет ужесточено переводом на два круга вниз. Дальше ваш путь лежит в Инфиделити. Там придется самостоятельно добраться через

весь ярус до перехода на уровень Прайда. Вы готовы к длительному пешему путешествию?

– Ежедневные тренировки в течение последних трех месяцев, – немного высокомерно ответила собеседница Моллоя. Остальные грешники хранили молчание.

– Хорошо. Ваши тренировки здесь окажутся весьма кстати. Старайтесь не вступать в конфликты, но если придется защищаться – защищайтесь. Ни в коем случае сами не провоцируйте демонов, а тем более, саламандринов. Как вы уже успели убедиться, охранники наделены в Лавакроне большими полномочиями.

Гигант хмыкнул и потер спину, на которой уже проступил красный рубец.

– В Прайде вас будет ожидать проводник. Там же, к группе первопроходцев присоединится один грешник, который пойдет до самого конца. Нормы поведения представляете? Пересказывать не нужно – просто «да» или «нет».

– Да, – сказала брюнетка.

– Вместе с ними вы достигнете водопада и спуститесь на Стимоний. Потом для первопроходцев – Атернум, Сарварий, Эпрон. С проводником будьте осторожнее. Доверяйте ему настолько, насколько он будет этого заслуживать.

– Почему мы начинаем работать только с Инфиделити? – спросил один из мужчин, смуглый брюнет с хищным выражением лица.

– Пургатор больше похож на завод, чем на резервацию. Здесь не нужны проповедники. Тем более, что учение должно прийти снизу. Так было решено изначально.

– Сколько времени понадобится, чтобы добраться до самого… до места? – вырвалось у блондинки.

Архитектор вспомнил, что самую юную женщину включили в последний момент, благодаря вмешательству одного влиятельного лица. Проектировщик досадливо сетовал на это, предрекал грядущие проблемы. Моллой развел руками:

– Многое будет зависеть от вас самих. Если все сложится благополучно – то через пару недель вы очутитесь в Прайде. Дальнейший путь, я думаю, вы сможете преодолеть за месяц или чуть менее.

– О–о–ох! – блондинка закрыла лицо ладонями. Брюнетка принялась ее утешать, ласково гладя по пшеничным локонам.

– Лавакрон велик, – назидательно заявил Моллой.

Они уже почти дошли до медицинского центра. Архитектор отключил постановку помех, наглядно демонстрируя свои манипуляции, и грешники ответили ему кивками. Навстречу им

торопилось некое страшилище в лишаях и струпьях. На шее у него бренчал колокольчик. Моллой знал, как выглядят в Прайде доктора, и поэтому не слишком удивился. Еще бы, он сам утверждал их внешний облик, Что касается грешников, то они невольно подались назад при приближении прокаженного.

– Это кто такие? – недовольно заорал медик. – На них не было назначений! И диагностика молчит! Что за ерунда тут творится?

– Вы очень невнимательно читаете свой ежедневный рабочий формуляр, – процедил Моллой. – Если вы сделаете это быстро, то избавите меня от необходимости подавать на вас жалобу. Там предписано зарезервировать им шесть специальных палат без Ночи Плача. Судя по вашей реплике, у вас ничего не готово.

Врач сунулся в свой коммуникатор, полистал почту, и его лицо приобрело озадаченное выражение:

– Как же так! Почему я пропустил…, – виновато пробормотал он.

– Убедились? Доложите свою квалификацию и сроки очередных тестов!

– Да–да, простите, я виноват, это случайно, – залепетал медик.

– Ладно, обойдемся без взысканий. Немедленно исправьте упущение! – отчеканил Моллой, развернулся на пятках и пошел в темноту коридора.

Саламандрин выполнил работу и не бросил даже взгляда на группу грешников, которых привел. Именно так поступали охранники Пургатора – перед ними ежедневно проходили тысячи людей, становясь безликими от своей массы. Когда Моллой вернулся на свое место, его сосед насмешливо спросил:

– Как там эти симулянты? Сразу видно, что они притворщики!

Моллой дотянулся палкой до очередного нерадивого отступника и резко ответил:

– Притворщики, говоришь? У каждого из группы, что я увел, изношенный кардиостимулятор. Их по этому принципу и скомплектовали. Любой импульс наших дубинок может оказаться для них последним.

Охранник замер, хватая воздух силиконовыми губами:

– Я не знал!

– Узнал бы, когда тот мородоворот отдал бы на наших глазах концы! Хорошо, что я смог тебя остановить.

– Спасибо, старший! – саламандрин с жаром схватил Моллоя за руку, едва не ткнув в лицо острым шипом дубинки. – С меня пиво!

– Ерунда, – пробурчал Моллой и крикнул в толпу. – Нечего скакать, как паяцы! Об эти плиты пока еще никто не обжегся!

Скорее бы уже кончилась эта опостылевшая смена! «Творец всемогущий, я всего полдня в Лавакроне, а уже начинаю ненавидеть мелькающие лица, я просто не могу смотреть в их умоляющие глаза, стыжусь себя за это, и внутри поднимается злость. Как возможно провести на посту саламандринов хотя бы месяц, и не стать негодяем? Их нужно менять, необходима постоянная ротация! Но у нас недостаточно для этого персонала. Что же мы все–таки натворили?»

Острота переживаний сменилась тупой усталостью человека, который не привык подолгу быть в толпе, и теперь тяготился присутствием людей вокруг. Моллой механически отстоял вахту до конца, вымученно отшутился на предложения коллег раздавить бутылочку и почти убежал из раздевалки. Он не стал заходить в душевую, он хотел поскорее вырваться оттуда, но тело еще хранило отпечаток подземного жара, в поры кожи въелась мелкая пыль преисподней. Архитектор опустошенно растекся по сиденью подземного вагона, а его зубы отбивали мелкую дробь. Чтобы не вызывать подозрений, он накинул на себя капюшон спецовки, включил новости. Диктор смаковал сенсацию последних дней: Ассамблея Департаментов неожиданно для всех приняла закон о Национальных заповедниках Земли. Целые пространства отдавались во власть первозданной природы. Ближайший из них начинался совсем рядом, он граничил с Лавакроном. Один из немногих посвященных, Моллой знал первопричину нового эдикта. И содрогался от глобальности этой затеи. Он покинул подземку совсем разбитым. Ловя сочувственные взгляды, Архитектор доплелся до жилого комплекса и поднялся на лифте к своим роскошным апартаментам. Лори щебетала что–то об ужине в ресторане в компании семьи Полди, а он заперся в туалете. Его тошнило словно после пищевого отравления. Вместе с содержимым желудка из Моллоя ушли прежние терзания, страхи, сомнения в собственных силах.

– Что с тобой? Вызвать врача? – Лори постучала в стеклянную дверь.

– Не надо. Со мной все в порядке. Со мной Лавакрон, – ответил Моллой.

– Зачем ты создал его, если так ненавидишь? – с этими словами девушка подала ему чистое полотенце.

Моллой высунул из душевой кабины красное распаренное лицо:

– Ненавижу? Малышка, я просто его боюсь.

Раскаленный диск медленно погружался в океан, первые звезды проглядывали сквозь низкие облака. Пряное тепло тропического вечера вплеталось в кондиционированный воздух веранды. На резной балясине сидел пегий бурундук и высматривал на отмытом до блеска полу, чего бы стащить. Полди умело, без хлопка, открыл бутылку игристого вина и разлил его в узкие бокалы из сапфирового стекла.

– За радостную встречу друзей! – предложила его подружка Паула.

По обнаженным плечам этой рыжеволосой красавицы солнце рассыпало сотни веснушек. Свои пышные волосы она сегодня убрала назад под изящную хризолитовую заколку.

– За встречу после долгой разлуки! – подхватила Лори, поднимая свой фужер.

Бриллиантовая нить на ее руке поймала лучи светильников и ослепительно заискрилась. Моллой невольно залюбовался своей пассией. Она смотрелась не менее эффектно, чем валькирия с гривой цвета плавящейся меди. Откуда у нее, обычной девушки, взялся великосветский лоск? Как из смазливой офисной простушки вылепилась эта созданная для вечерних коктейлей дама из высшего общества? Их коммуникаторы пискнули порцией Добродетели за благожелательность. Вся компания рассмеялась и снова сдвинула бокалы. После непринужденного обмена светскими глупостями Полди и Моллой удалились к парапету веранды в обществе сигарного хьюмидора и бронзовой гильотинки.

– Как работа? Нелегко пришлось? – поинтересовался Моллой, наблюдая за сизыми табачными флюидами.

– Все грандиозно! – с воодушевлением ответил циничный оптимист Полди.

Он долго отсутствовал в Лавакроне – удобрял почву на маркетинговой грядке. Трубы преисподней задышали, к ее вратам потекли первые колонны грешников, и теперь требовалась правильная реакция общества на происходящее. Листая медиаканалы, Моллой не раз наблюдал на экране белобрысый ежик своего приятеля. Полди давал интервью, участвовал в шоу, проводил конкурсы и учреждал общества. Ленты новостей пестрели: «Лавакрон, Лавакрон, Лавакрон». Изображения Врат заполнили информационные сайты.

– Народ просто сошел с ума, – похвастался Полди. – Популярность такова, что Департамент нравственности в полном составе держится за голову. Тот, кто додумался до этой блестящей идеи, сделал для человечества больше, чем Ньютон и Дарвин вместе взятые!

– Ха–ха! – рассмеялся Моллой. – Ты преувеличиваешь.

Лори за столиком повернулась на звук его голоса и призывно помахала ладошкой. Моллой ответил уклончивым жестом: «чуть позже».

– Ни на йоту! Как мы жили без собственного ада раньше? – продолжал Полди. – Я просто не представляю. Подумай только, дружище, у цивилизации не было нормальной преисподней, и она вынужденно подменяла ее существование жуткими загробными историями, которые постепенно перестали кого–либо пугать! Иное дело теперь – вот он, Лавакрон. Его можно потрогать, он реальный. В нашем обществе неизбежно грядет полная гармония и умиротворение. Знаешь, какая самая популярная сейчас виртуальная игра? «Война демонов»! Путеводители, справочники, сувениры сметаются с полок. Платные каналы заламывают руки в отчаянии – трансляции можно было продавать дороже, чем мы закладывали в бюджет. Проект окупится раньше, чем планировали экономисты. История планеты творится прямо на наших глазах! Как я счастлив! Но нам остро не хватает героев. Скоро придется всерьез взяться за подземных мультяшных злодеев. Нужны более яркие образы, запредельно жуткие – страх, как всегда, идет по высшим расценкам!

– Поздравляю, – Моллой обнял друга и, понизив голос, спросил. – Новый платежный фонд для населения – это прекрасно. А как с основной задачей?

Полди взъерошил свой пшеничный ершик и решительно расквасил в пепельнице остаток сигары:

– Тоже неплохо. Но не так быстро. Мы действуем осторожно, не давим. С нас, хвала Творцу, никто не требует немедленных результатов. Прорастают первые философские учения, множатся молитвенные кружки. Нынешнее поколение знало о строительстве. В сознание грядущих генераций Лавакрон въедет на незыблемом фундаменте школьной программы. Будут изъяты все документы о дате его основания. Он просто есть, и он был всегда. Мы еще застанем это время, вот увидишь! Мы же еще так молоды! Не желаешь ли бокальчик вина?

Линия Слика. Войдя в нашу реку, враг сухим не выйдет!

Хватит лениться и прохлаждаться. Пора привести дела в порядок. Так я решил и не стал пугаться кучи грязного белья. Моя берлога состояла из гостиной, которая постепенно стала единственной жилой комнатой; спальни, куда я не заходил до вчерашнего дня целый месяц; кладовой и подсобки. Последняя медленно превращалась в помойку по мере поступления туда

всяких ненужных вещей. Я расчистил место перед краном с холодной водой (горячей у меня не было изначально), провел осмотр чистящих средств и устроил полномасштабную стирку. Мокрое тряпье пришлось развесить по всей Хибаре, из–за чего она стала походить на обиталище привидений, откуда в спешном порядке съехали постояльцы.

Затем я стал возиться со своим электронным луком в попытке сделать из него Атрибут Шемгали. Раз мой имиджмейкер сказал надо – значит, надо. Тут мне сопутствовал неожиданный успех. Мой продвинутый агрегат оказался снабжен паролем и завязан лично на демона Велчера. Когда мне его привезли, я без раздумий снес настройки идентификатора, теперь же заботливо все восстановил и вытащил уровень натяжения тетивы под красную планку. Получилась бронебойная штуковина, которую я сам едва смог натянуть. После того, как меню настроек было надежно закодировано и сокрыто, лук Шемгали оказался полностью готов к полевым испытаниям. Любой соискатель равенства и толики демонской мощи мог стараться сколь угодно долго – легче было вытянуть собственные жилы, чем послать стрелу дальше пары шагов. Я достал колчан, повесил на плечо Атрибут и очень понравился себе в зеркале. С надвинутым на брови серым капюшоном демон Велчер стал похож на комиксового ассасина – этакое мрачное безликое чудище, дитя прайдовской пустыни.

Я подошел к переговорному трубопроводу и выдал приказ:

– Хухлик! Совершить облет подконтрольной территории.

Моя птица вернулась минут через десять с удивительными новостями:

– Активность жителей Велчерона в пределах заданных параметров. Отмечено увеличение количества человеческих существ. Точное число назвать невозможно из–за разбалансированной оптики. В восьмидесяти футах от тропы обнаружены два живых объекта. Статус недружественный. Опознаны, как засада.

Ага. Стало быть, мой голографический гость не соврал. А с чего бы ему врать, если он сам все это и устроил?

– Доложить о вооружении объектов в засаде.

– Два механических устройства по типу меча и две электронных импульсных пушки – «шоквокеры».

Лихие термины выдает его речевой аппарат. «Устройство по типу меча». Самому бы так не ляпнуть. Делаю вывод – ребята рассчитывают свалить меня боевыми перчатками и без помех зарубить «типа мечом». Толково. Может и сработать.

– Хухлик! Ты восприимчив к импульсной артиллерии?

– Ответ отрицательный. «Шоквокеры» воздействуют только на нервные узлы человеческого организма.

– Превосходно. Выведи на экран карту местности с меткой засады. Ага. Слушай диспозицию на сражение. Появление в зоне видимости для неприятеля. Противозенитные маневры всех видов по очереди. Красиво кружи! Пусть отвлекутся. Продолжительность – пять минут. Превентивное обгаживание. Бомболюки опорожнить досуха! Задействовать устрашающие крики. Угол атаки – со стороны реки. Хухлик! Категорически не дай себя поймать! Понял, птица? Не позволяй себя схватить и испортить! Приоритет для доктрины нападения – сохранение собственной дееспособности.

– Принял.

– Действуй, животное.

Я отсчитал мысленно пару минут, выскочил за дверь и помчался огибающим обходным маневром. Местность вокруг домика я представлял лучше, чем свой собственный нос. Эти молодчики засели на повороте, под прикрытием холма. Операция была задумана просто и эффективно: по тропе идет наивный олух Велчер, щупает посохом грунт, получает в упор заряды «шоквокера» и ложится отдыхать. А они выходят из засады и играют в вивисекторов. Ладно. Устроим им тест на внимательность. Хухлик будет нападать от Флегетона, а я подкрадусь к ним со спины. И у меня в руке был небольшой, но тяжелый топорик. Достаточный для того, что снести кое–кому недружественную башку.

Пока я пробирался холмами, стараясь не провалиться в магмовые ловушки, от места засады уже вовсю слышались военные речевки моего питомца. Смесь сирены и звука падающих мин. Очень освежает воображение. Эти ребята, наверное, обделались со страху, если не встречались с подобным ранее. Вот и последний бугорок. Я нырнул за него, погасил дыхание и осторожно выглянул.

Как я и думал, оба убийцы оказались наряжены в маскарадные костюмы нашей демонской братии. Один стоял спиной ко мне и старательно всаживал в Хухлика импульсы из двух белых перчаток. Второй держал меч наготове, потому что моя птица барражировала над их головами в шести футах, выпустив перископические когти. Вообще–то, лапки у Хухлика маленькие, но из них выезжают никелированные пятидюймовые крючья, которые крепко давят на неподготовленную психику. И орал стимфалиец на всю мощь динамиков! Отлично орал. В два прыжка я очутился рядом с демонами. Тюк! Мой топор плашмя погладил затылок парня с «шоквокерами». Второй наемник

продемонстрировал отменную реакцию и попытался рубануть меня лезвием клинка. Я с трудом отбил его удар. Не знаю, как сложились бы наши взаимоотношения, но туша Хухлика рухнула на загривок меченосца и существенно отвлекла его внимание. Пока он отмахивался от стимфалийца, я легко вышиб у него из рук оружие. По–моему, попутно я еще сломал ему лучевую кость – ничего не поделаешь, не рассчитал.

Через пару минут мы удобно устроились для познавательной беседы. Я сидел на склоне холма, за которым прятались колоритные убийцы, а они валялись внизу, около моих ног. Все колюще–режущие предметы были предусмотрительно сложены за моей спиной под присмотром пернатого. Первый, с обухоустойчивым черепом, выглядел, как помесь гуманоида и льва. На вполне человеческий таз у него была насажена гипертрофированная грудная клетка, из которой росли мохнатые лапы. По гривастой морде ползли алые потеки. Это хорошо, что именно он держал «шоквокеры». Он, сам того не желая, спас напарника – у того голову по окружности обвивали два толстых рога и мне, чтобы его выключить, пришлось бы рубить ему шею. А так, «барашек» отделался раздробленной рукой, которую теперь держал на весу. Глаза у обоих были жалобными и несчастными.

– Ваши стоны меня не трогают, а наоборот, раздражают. Будет лучше, если вы оба на время заткнетесь. Не надо меня провоцировать на бессмысленные жестокие поступки. Ясно? Для начала, я сейчас безоружен, и самое время попробовать на меня напасть, если желание осталось. Предлагаю формально, чтобы потом на это не отвлекаться.

Неожиданно демон с разбитой головой кинулся ко мне, нелепо растопырив конечности. Не иначе, как я слишком сильно приложил эту кошечку, и у него в мозгах что–то помутилось. Он двигался просто неудовлетворительно медленно, так что моему локтю даже пришлось ждать, прежде чем врезаться в его скулу. Один удар – и все наши тела вернулись на исходные позиции, только один человек теперь уже находился без сознания.

– У твоего приятеля с гарантией сломана нижняя челюсть и недостает пары зубов, – сообщил я второму противнику, который даже не попытался шевельнуться.– Переверни его набок, чтобы он не захлебнулся кровью. Второй рукой, вижу, что первая сломана. Да, вот так. Между прочим, я лишился одного собеседника, и теперь вся ответственность за благополучный исход нашего разговора лежит на тебе. Кивни, если понял!

«Баран» с готовностью мотнул головой.

– Хорошо. Видишь топор? – одновременно с этой фразой я вытащил из–за спины оружие. – Одно слово неправды и мне

придется разрубить тебе коленную чашечку. Фактически я уже должен так сделать, чтобы ты больше доверял мне, но будем считать, что сломанной руки пока достаточно. Итак, – я сделал паузу, давая ему время мобилизовать остатки мыслей. – Сколько вы уже в Лавакроне?

– Два месяца, – выпалил рогатый.

Допрос хорошо начинать с легких ответов. К серьезным темам надо переходить постепенно.

– Сразу в Прайде?

– Нет, сначала месяц торчали в Инфиделити. А потом перевелись сюда.

– Ясно. Боевой опыт имеется?

– Нет.

– Даже как–то обидно, – пожаловался я наемнику. – Ко мне, инструктору базы «Форекон», подсылают каких–то дилетантов. Яма на тропе – ваша работа? Только не врать!

– Угу, – нерешительно подтвердил тот.

– А вот это была хорошая задумка. Кто идейку подбросил? – я многозначительно приподнял лезвие топора.

– Тот, кто нас послал, – нехотя ответил рогатый.

– Вернее сказать, тот, кто вас подставил. Вас, недоумков, просто отправили на убой. Где ты обосновался в Прайде? По ту или эту сторону от хребта?

– За Джабелем Мести, – с запинкой выдал «барашек».

Мои последние сомнения отпали. Но все равно я задал уже просто формальный вопрос:

– Назови своего хозяина, раб, – я встал и занес над ним топор. – Твоя искренность – твое спасение. Хотя можешь пожертвовать жизнью, я не возражаю. Смерть – вообще, штука не страшная. Просто она последняя. Итак, кто подбил вас на покушение? Ну!!!

– Шакс, – выдавил из себя демон.

А еще говорят, что меновая торговля устарела. В моем случае лезвие топора оказалось прекрасной валютой для покупки верности.

– Что Шакс имеет против меня?

– Ты помог Азризе отбить большой караван. Но дело не в этом. Он тебя ненавидит. Говорит, у вас старые счеты.

Творец Всемогущий! У него ко мне счеты, а я его даже не знаю. Непорядок. Обычно я делаю людям гадости более осмысленно.

– Ладно, – я махнул рукой и отложил оружие. – Больше я вас не задерживаю. Сунетесь еще раз в эту область – убью без предварительных бесед. Хухлик! Запомни эту парочку. Включить

максимальное обоняние! Если учуешь их вонь в округе – вырвешь обоим глаза.

– Принято, – проскрежетала стимфалийская птица.

У него так злобно вышло, что рогатого передернуло. Я поднялся, собрал оружие и направился к дому на разгрузку. Обернувшись, бросил горемыке:

– Мне плевать как, но чтобы через полчаса вас тут не было. Мой птенчик прилетит проверить. Советую постараться, чтобы за это время между ним и вами пролегло максимальное расстояние.

Насвистывая солдатскую песенку, я возвращался в Хибару. Оружие волок на плече. Надо мной парил Хухлик. У него был такой режим, словно у степного орла – просто ложиться на воздух. Вдруг прямо посреди тропинки корка грунта вздыбилась и пошла трещинами. Я остановился. От Прайда можно ожидать любой пакости. Вот трещины приобрели форму отверстия, и оттуда на белый свет выползло уродливое существо, напоминающее помесь кролика с жабой. Создание повертело в разные стороны мордой, распахнуло плоскую пасть и жадно схватило пластиковую обертку от рациона, что валялась рядом. Потом воровато попятилось и вновь исчезло в своем укрытии. Какая–то новая неведомая тварь от устроителей Лавакрона. Они по–прежнему не дают нам скучать.

Я рассчитывал, что как раз успею скинуть трофеи и побывать в Велчероне до завтрака. Глядишь, и с красоткой своей увижусь. Проведу официальную презентацию лука Шемгали. Куда его приспособить? На берегу не оставишь – утащат. На шалашик Лазаря повесить? Тоже не впечатляюще. Придумал! Прикреплю его к своему плоту. Теперь моя основная работа стала синекурой – паром таскают грешники, но лук все равно будет на всеобщем обозрении. Хочешь попробовать натянуть? Обращайся к старосте, проси разрешения. Не успел я радостно выдохнуть по поводу решения проблемы, как Хухлик с воем сорвался с места. Нацелился на очередного врага? Я, прыгая по кочкам будто лягушка, вылетел на очередной курган, увидел дверь Хибары и отчаянно заорал:

– Отставить! Дружественные объекты! Статус – друзья!!! Хухлик!!! Не сме–е–еть!!!

Подле моей берлоги стояло два саламандрина, а с этими ящерицами лучше не шутить. У них с юмором туго. На счастье, акустические сенсоры Хухлика приняли мой сигнал, и стимфалиец, заложив крутой вираж, вышел из хищного пике. Ящеры равнодушно проводили его полет глазами, но руки у обоих лежали на продолговатых футлярах, что крепились к поясам. Мой питомец спланировал на гребень каменного холма, в

котором находилась дверь в жилище. Я мог поклясться, что вид у птицы при этом был разочарованный.

– Здравствуй, Велчер, – один из саламандринов поднял в приветствии руку, когда я к ним приблизился.

Он отличался от коллеги темным гребнем и раскосыми глазами. Четыре одинаковых азиатских прорези. Я так и решил его про себя звать «азиат».

– Салют, – ответил я и скинул под ноги мечи и белые перчатки.

– Серьезный арсенал ты с собой таскаешь, – хмыкнул второй ящер.

Этот для меня будет «европейцем». Обычный саламандрин – безгубая двухметровая рептилия с гладкой светло–зеленой мордой.

– У меня есть вопрос. Вот вы тут вроде блюстителей здешнего беспорядка. Нам как–то очень бегло пояснили, что земные законы в Лавакроне не действуют. Преисподняя живет по своему Кодексу, которого никто толком не знает.

– Истинно. Лавакрон еще очень молод и Кодекс пока формируется.

– То бишь, если я кого–нибудь отправлю к Творцу в нейросеть, то мне не причитается за это пожизненное заключение?

– А ты уже кого–то пришил? – заинтересованно спросил «азиат».

– Нет, но собираюсь.

– Советую хорошенько подумать. Неподвластный земным законам – да! Безнаказанный – нет!

– У меня не осталось выбора. Или я, или меня. За последние сутки на мою жизнь покушались дважды. Я не коллекционирую такого рода эпизоды в биографии.

– Кто тебе угрожает?

– Раз так, то неважно.

– Мы можем оказать содействие.

– Не нуждаюсь. Я сам разберусь со своими делами.

– Мы хотели бы быть в курсе.

– Интересные вы ребята! Вроде как намекаете, что за убийство можно пострадать, но конкретно ничего не говорите.

– Каждый подобный случай обсуждается отдельно.

– Ага! Значит, кого–то уже ухлопали?

– Лавакрон полон насилия, – нехотя сознался «азиат». – Саламандрины призваны регулировать его и вершить справедливый суд над теми, кто выходит за грани. Но сегодня наша встреча не по этому поводу. Мы хотим поговорить о

селении, что ты основал. Поскольку нам многое надо обсудить, мы позволили себе присоединиться к твоему завтраку, – ящер вытянул костлявую лапу за мою спину. – Если ты соблаговолишь нас пригласить, конечно.

Я обернулся. На тропинке стояла давешняя красотка с пакетами в обеих руках. Да что же это такое?! Именно сейчас!!!

Моя берлога постепенно становилась приемной. Я пришел к выводу, что пора срочно обзаводиться кабинетом на берегу Флегетона, иначе сюда каждый день станут ломиться всякие личности, и у меня не будет шанса на собственную интимную жизнь.

В пакетах оказались термосудки с целым ресторанным меню. На моем столе появился томатный суп, салат из перца–колокольчика и несколько стейков. А неплохо живут эти саламандрины. С комфортом. От филе тунца я решительно отказался – в моем рационе и без него рыбы было предостаточно. Когда я отсюда выйду, то стану светиться по ночам от избыточного количества фосфора. Бедная девочка, она тащила все эти яства без надежды попробовать. Что поделать, Лавакрон суров к своим постояльцам. Но сколько я себе это не твердил, все равно острое чувство жалости к грешнице отбило аппетит напрочь. После трапезы, как и подобает хозяину, я смел остатки пиршества охранников со стола и принял из рук европейской рептилии стакан кислого красного вина.

– У тебя тут уютно, – похвалил меня «азиат». – И прохладно.

– Мы бывали в разных жилищах и, в основном, видели хлев, – присовокупил второй охранник.

Знал бы ты, что у меня творилось здесь несколько часов назад.

– Предлагаю не вгонять меня в краску комплиментами и закончить с анализом моей чистоплотности, – форсировал я начало разговора. – Выкладывайте, с чем пожаловали.

Мне хотелось быстрее завершить с ними дела и двинуть на реку. Сегодня презентация, сегодня мой выход к народу, а я тут сижу и любезничаю с двумя холоднокровными типами в резиновых масках.

– Как тебе пришла в голову идея заложить город? – со вздохом спросил «азиат».

У него был вид человека, который нехотя решает неизвестно откуда свалившуюся проблему.

– Да само как–то получилось, – честно сознался я. – Неумышленно.

– Понятно. Что делать думаешь?

– Не знаю.

– Задал ты нам задачку. Но, может быть, все к лучшему. Народу прибывает и прибывает. Мы уже видим, что двумя узлами власти не обойтись.

– Два узла – это северные и южные демоны? – уточнил я.

– Точно. Но теперь выходит, ты – третья сила. По нашим прогнозам через месяц тут наберется полтысячи грешников. В твоем Велчероне, – немного неприязненно заключил «азиат».

– Название выбрали жители. Хотите, переименуем в Саламандрон?

– Не надо. Оставь, как есть. Ладно, – охранник снова вздохнул. – Мы ставим тут постоянный пункт раздачи, чтобы народ не голодал. Большой караван будет приходить раз в неделю по Флегетону. Чаще плавать мы не станем – слишком далеко. А ты уж сам подумай, как будешь его защищать. Охотников поживиться найдется немало.

– Грешников вооружу.

– С ума сошел?!

– А как иначе? Азриза и Шакс собрали вокруг себя лучших демонов. По пустыне шляется всякое отребье, никем не востребованное. Один я не отобьюсь. Других вариантов нет.

Саламандрины переглянулись. Такой поворот их явно не устраивал.

– А твои соседи? Они, вроде, тоже отставные военные, – «европеец» вступил в разговор и продемонстрировал свою осведомленность.

– Завербованы Азризой.

– Перевербуй.

– Не выгорит. Я таким местом, как она, людей не вербую.

Оба ящера громко расхохотались. Моя реплика им понравилась.

– Хорошо. Мы попробуем помочь, – «азиат» допил вино и аккуратно водрузил стакан на стол. – Теперь к грешникам. Здесь не курорт. Их нужно угнетать и притеснять.

– Что–то я не расположен.

– Велчер, ты тут революций не устраивай. Тебе с твоим городом навстречу идут, а ты губу выпячиваешь. У вас, демонов – «УЕ», у грешников в зачет идут собственные единицы – «DU», они же «Dolor Unit». Ты хоть понимаешь, что если падшие их не зарабатывают, то срок в Лавакроне не уменьшается? Хорошенькую ты им услугу приготовил – каторгу в аду до конца дней.

– А–а–а… вот оно что…, – протянул я.

– Угу. Так что не кобенься, приятель, и начинай зловредничать, – саламандрин порылся в карманах штанов и передал мне сложенный лист бумаги. – Здесь тебе даже начертали список обязательных провинностей. Доведи до граждан Велчерона и будь добр, исполняй по–писаному. Иначе возникнут неприятности. Договорились?

Как я не люблю, когда мне навязывают какие–либо условия! Просто мороз по коже идет от желания сделать наоборот. Но в словах охранника присутствовал здравый смысл – система Лавакрона создавалась для перевоспитания людей сквозь череду нравственных и физических страданий. Избегать их для грешника означает просто растягивать свое пребывание в преисподней.

Я согласно опустил голову.

– Договорились, – «европеец» радостно потер ладони. – И вот еще что… Ты как насчет немного попроповедовать? Имею в виду, разъяснить грешникам правила, рассказать про систему наказаний?

– Ты смеешься? Сдается мне, что я хреновый оратор во всем, что не касается военного устава.

– Придется пошевелить извилинами. На тебя рассчитывают.

– Сколько УЕ идет тебе за паром? – деловито осведомился «азиат».

– Двенадцать в неделю. На мне еще висит кредит в сотню единиц за птенчика.

– За основание города на твой счет зачислено единовременно девяносто УЕ. И еженедельная ставка увеличена до тридцати. Так что можешь начинать заглядывать в демонский каталог. Мы хорошо платим, а ты хорошо работай.

Когда мы прощались на пороге Хибары, «азиат» показал рукой на Хухлика, по–прежнему гордо восседавшего на круче, и многозначительно обронил:

– Занятные установки у твоего питомца. Интересно, откуда?

Вот. Теперь они меня прижали. Рассказать честно о голографическом визите того парня? А если я его подставлю? Почему–то мне не захотелось откровенничать.

– Чуток диковата оказалась зверушка. Приручаю постепенно, – я широко и невинно улыбнулся. – Понемногу начинает своих узнавать.

– Ты гляди, чтобы он от рук не отбивался, – назидательно произнес саламандрин. – Мы чуть не пальнули в него сгоряча.

– Подрегулирую.

А «европейская» рептилия совсем по–человечески почесала пузо и заявила:

– Смотрю, грешницы у тебя очень миленькие, – я впервые

увидел подмигивающую ящерицу. – Особенно та, что обед нам принесла. Если надумаешь устроить оргию – приглашай. Не стесняйся.

Они отчалили восвояси, а я быстро привел себя в состояние максимальной внушительности и направился к берегу. На плече висел доработанный лук Шемгали, из–под шнуровки рубахи виднелась моя татуировка, капюшон зловеще и неудобно налезал на глаза. Пара «шоквокеров» была распихана по карманам плаща. С ними как–то спокойнее.

Идя по тропинке, я едва не споткнулся о неизвестно откуда взявшийся толстый кусок изоляции. Наверное, с потолка упал, у нас такое случается. К нему тут же подскочил Хухлик, задумчиво тюкнул клювом и принялся воодушевленно долбить синтетическую дармовщину. Пусть питается, раз сумел найти лакомство.

По Флегетону сегодня катили бурные мутные потоки, а вдали исчезала лодка саламандринов. Эта река имела скверное свойство менять направление – сегодня в одну сторону, завтра в другую. Не знаю, какой высший смысл был заложен в ее непостоянство. Я подозвал к себе паром, потеснил грешников и сам переволок плот на другую сторону. Вокруг немедленно собралась толпа народа во главе с Лазарем. После церемонных приветствий я обвел местность взглядом начальника. Там, где берег переходил в равнину, выстроился частокол столбиков, между которыми были густо натянуты веревки. И на каждой сушились связки рыбы. Староста показал на них рукой:

– Ваша половина. Как договаривались.

– Куда мне столько!

Лазарь выразительно покосился на остальных жителей. Не при них, мол. Я хмыкнул и неторопливо направился вдоль берега. Такая у нас начала складываться традиция – вершение городских дел во время моционов. Староста семенил рядом:

– Саламандрины загрузили полный челн сушеной рыбы. Говорят, что на поверхности деликатесы из Флегетона идут по бешеной цене. Обещали хороший обменный курс. Только дела они будут вести с вами, нам каталога товаров не положено.

– Пришлешь кого–нибудь за ним. Сам выберешь, что необходимо поселению и подготовишь список. Заказывай побольше инструментов, шпагатов и веревок. Не забудь про спальные мешки.

– Еще нужны электронные лекарства, утварь, теплая одежда. Благодарю за щедрость, повелитель, я все исполню. Как с питанием разобрались – новая проблема появилась. Народ надо чем–то занять. А то и до беспорядков недалеко.

Я протянул ему список саламандринов:

– Вот. Назначишь ответственных за выполнение. Приступать с завтрашнего дня. Тут ночные бдения, усмирения гордыни, лишения всякие. И пояснения – сколько баллов идет в зачет за каждое отмаливание.

Он прочитал, нарочито медленно шевеля губами, аккуратно сложил листок и спрятал в нашитый на рубище передний карман:

– Это хорошо, но мало. Ходят слухи про «Кодекс». Говорят, есть такая книга, где все подробно расписано про здешние правила… нам бы его!

– Будет «Кодекс». Охранники обещали. А что там за «DU»? С чем их едят?

– «Dolor Unit». Баллы Притеснения. Мы прозвали их долларами. Раньше на планете существовала такая валюта.

– Ого! Ничего себе! Очень предусмотрительно ее назвали. Воистину, за деньги люди притесняли друг друга. И как зарабатываются доллары? Терпимо?

– Ничего. Грешник может выдержать, если внушить себе, что все происходит лишь с телом, а душу никто не трогает.

– Знаешь, наверное, именно подобным образом всю историю человечества простой люд относился к власти, так что это у нас в крови.

– Очень уместное замечание, повелитель. Велчер, как–нибудь я расскажу вам, что есть власть. Поверьте, узнаете много интересного.

Мы мило болтали, а я всматривался в лица грешников в поисках той самой девицы, но не находил ее. Решился на расспросы:

– Убыль населения не наблюдается?

– Мало. Но бывает. Иные уходят. Саламандрины сегодня от нас забрали двух человек. Увезли на лодке.

– За что?!

– Их грехи искупились. Домой вернутся, – довольно равнодушно пояснил Лазарь.

У меня екнуло сердце. Стараясь выглядеть беззаботно, я спросил:

– Та девушка, что сегодня принесла мне завтрак, тоже попала в число прощенных? Что–то я ее не вижу.

Староста махнул ладонью:

– Ей еще долго тут прохлаждаться. Сексуальная провокация, отягченная действием. На берегу нет? Значит, бродит где–то. Молодая, любопытная. А что? Понравилась? Так я ее пришлю ближе к ночи!

«Отягченная действием». Интересно. А выглядит скромной.

Нет в ней такого рокового женского вызова, что видишь иногда в исполнении раскрепощенных красоток. Наоборот, задумчива, тиха и глазками не стреляет. Может, как раз перевоспитывается?

– Так прислать ее?

– А? Чего?

– Грешницу, спрашиваю, прислать? Как начнет темнеть – отправлю к вам, Велчер.

– Ты – скользкий тип! – усмехнулся я. – Кем был до Лавакрона? В службе знакомств подвизался?

Староста посерьезнел вмиг, его озорные глаза потухли:

– Повелитель, – тихо сказал он. – До Лавакрона мне довелось совершить немало скверных дел. Очень скверных. Но здесь я словно переродился.

Вот как. Сплошные загадки.

– Хорошо. Я не любопытен. Где там твой историограф шляется? Разыщи! Будем заводить собственные городские…

Зловещее шипение прервало мои слова. В сотне футов от нас с небосвода Прайда сорвался ослепительно белый электрический разряд и поразил одиноко стоящий на косогоре белый валун.

– Традиции, – закончил я, все еще опасливо косясь в сторону молнии.

– Вмиг исполню, – невозмутимо отозвался Лазарь.

Он удобно устроился, прислонив спину к плоскому валуну, а Хухлик выписывал эллипсы над его головой. Руки у него были пусты – парень однозначно умел делать правильные выводы из неполной информации. Появись он с оружием, моя птица среагировала бы иначе. А так, пернатый смотрел сверху на рога и не мог определить – считать их угрозой или нет. Я отбросил носком ботинка острый булыжник и плюхнулся на землю напротив него. Вытянул ноги, демонстративно отстегнул и положил рядом «шоквокер», с которым теперь не расставался. Он внимательно следил за моими действиями, но не проронил ни слова. Мы молча разглядывали друг друга. Не знаю, кого видел он, я же изучал своего непонятно откуда взявшегося врага. Бычьи рога совсем не портили ему физиономию, а даже наоборот – придавали ей мрачное величие. Человек серьезно отнесся к своей внешности в Лавакроне. Особенно ему удался рыловорот: резко очерченные нос и рот, кожа цвета потемневшей бронзы, на которой выделялись ярко–голубые глаза с узкими щелками зрачков. Брови отсутствовали, как излишество, подбородок сначала словно вытянули, а потом загнули вперед.

– Должен признать, что ты смелый парень, Шакс, – наконец сказал я. – Хухлик, лети к Хибаре. Сторожи дверь.

– Просто я решил, что нам пора объясниться, Велчер, – резонно ответил мой недруг.

– К твоим услугам.

– Хочу сразу заявить, что не питаю к тебе личной неприязни, – его стартовый тезис внушал определенный оптимизм.

– С учетом того, что ты четыре раза пытался меня убить, приятно это слышать.

– Меня всего лишь оскорбляет сам факт твоего существования.

Я сделал круглые глаза, но он жестом попросил меня повременить с репликой:

– Мне трудно перенести то, что ты находишься в зоне досягаемости, а я ничего не делаю. В результате получается то, что получается.

Определенно – он считал себя героем. Или его попросту давно не били.

– Несколько запутано, не находишь?

– К тому же ты помог Азризе отбить важный караван. Знаешь, сколько там было нашего добра?

– Ага. Правда выходит наружу.

– Это тоже обидно, но менее значимо. Я потерял нескольких верных друзей из–за тебя. Может быть, не именно благодаря тебе, но ты там был и несешь часть ответственности.

– Слушай, заканчивай подпускать таинственности! С тобой можно поговорить нормально или мне придется пришить загадочного древнего оракула?

– Сектор Танго.

Я порылся в памяти. Боевая была операция – мы шли вперед по пояс в болотной жиже, а на обед глотали салат из москитов. Как раз тогда я узнал, что Метрополия стоит за подготовкой мятежников. Именно поэтому мы и не могли с ними справиться в течение стольких лет. Мне поведал всю подноготную нашей гражданской войны пленный антропоморф, пока не оклемался его встроенный шеф-лекарь. А потом медцентр прикончил своего хозяина, так он был изначально запрограммирован. Дальше жизнь пошла кувырком. Сначала меня выперли из армии под надуманным предлогом, а затем бросила подружка. Тогда я поклялся отомстить. Не по локально-шкурным причинам, а потому что посчитал возмездие справедливым актом. С тех пор выжидаю, ищу момент и точку применения силы. Стоп. Шакс, Шакс, я что-то припоминаю… Точно слышал это имя раньше! Но где? Придется пока разыгрывать карту болезни альцгеймера, может рогоносец сам все выложит? Я пожал плечами:

– Ну и что? В Танго всем приходилось тяжело. Зато наш батальон положил больше двух десятков антропоморфов. Мы потеряли трех парней, но вскрыли их оборону, как пивную жестянку. Зачистили все бункеры до единого. Погоди… так ты был там, со мной? Ты из «Навала»? – я даже приподнялся с места.

– Не торопись брататься, – его лицо прорезала жесткая гримаса. – Я служил в подразделении «Спирит».

Опять термин резанул меня ускользающим воспоминанием. «Спирит». Дух. Было что-то и с духом. Но внешне я даже бровью не повел:

– Никогда о таком не слышал.

– Еще бы! Мы в том конфликте представляли интересы противоположной стороны.

Все. Память ко мне вернулась. Он – та самая тварь, что науськивала на нас несмышленых юнцов. А «Спирит» и взаправду их формирование. Пленный, а впоследствии покойный антропоморф назвал себя «Духом-205».

– Ах, ты…, – я дернулся за «шоквокером», потом глянул на его пустые руки и с сожалением отбросил перчатку. – Вот, значит, как… Жаль, что твой сослуживец не дожил до этого часа. Это, который двести пятый номер. Почти что у меня на руках концы отдал. Человек так мечтал с тобой свидеться. Чтобы потом лично прикрыть глаза на твоем трупе. Все переживал – а ну ты сдохнешь раньше, чем он до тебя доберется. Не сложилось.

На лице Шакса не дрогнул ни один мускул. Я подумал, что рога определенно ему подходят, поскольку по выдержке он даже превосходит лучших представителей парнокопытного скота.

– Не пытайся разрушить во мне теплую память о боевых товарищах.

– Что ты, миляга! Чего бы я только не отдал, чтобы обеспечить вашу дружескую встречу. Ладно, раз он окочурился, то теперь это неосуществимо. Лучше скажи мне, как демон демону – кто за этим стоит?

– Велчер, в любом обществе всегда есть экстремисты, диссиденты и прочая шушера, которая липнет на колеса истории и вообще мешает. Они устраивают заговоры и шествия, собирают подписи и выражают протесты. Во имя чего? Неважно. Это защита прав животных или сексуальная свобода, гнет цензуры или религиозные секты. Они бунтари по духу, они раскачивают общественное мнение и привлекают к себе внимание. Думаешь, в наши благополучные времена их стало меньше? Ничуть. Просто всю эту братию власть направила в контролируемое русло. Они хотят бороться с Системой? Жаждут! Вот им и дали такую возможность. А чтобы их не перебили за пару недель, существует

подразделение «Спирит». Мы тренировали боевиков, поставляли оружие, разрабатывали операции. Но старались держаться во втором эшелоне. До сектора Танго.

– Вы же в своих стреляли, гады!

– Дурак ты, Велчер! Народ объединился против изгоев. Он получил единого врага. А революционеры и прочие шизофреники приобрели тайную организацию, которая находилась под секретным управлением центра. Спокойная и прогнозируемая война. Что еще может пожелать Метрополия?

– Лавакрон, к примеру.

– Угу. Правительство смотрит в будущее.

– Ты сказал, что вы держались во втором эшелоне, и все сходило с рук. Почему в Танго вышло не так?

– Система решила от нас избавиться. Впереди маячил Лавакрон, антропоморфы теперь были не нужны. Нам не подогнали транспорт, заблокировали в джунглях. «Форекону» удалось выбить всю ячейку. Я остался один. Хотел отомстить. Но меня вывезли в тыловой «арриал» и спрятали. Последний год перед Лавакроном я провел в психушке. Знаешь, что это такое, когда на ночь тебя пристегивают к кровати? Стоит только вспомнить, как из моей глотки лезет пена!

Мой враг предстал в новом свете. Мне пришла в голову мысль, что Шакс не вполне вменяем. Но я не увидел в его глазах тень безумия. Только ненависть.

– И вот теперь, в Прайде, мне говорят, что паромщик Велчер – ветеран «Форекона». Представляешь, каково мне было это узнать?

– Шакс! Ты сам – звено системы. Я тоже. Чего не устраивает? И если для нас обоих Метрополия – враг, то резонно было бы объединиться, а не выяснять отношения.

– Даже если так, то все равно в твоем лице я вижу армию, которая уничтожила мою группу. И хочу рассчитаться. Жажду. Я засыпаю и просыпаюсь с мечтой, что вот этими пальцами выдавливаю твои глаза.

– Ты похож на слишком разумную мышь, которая, даже осознавая собственный статус вредителя, все равно грызет мышеловку, куда умудрилась попасть.

– Не отрицаю очевидного факта, но это дела не меняет.

Я крякнул с досады. Шакс был прав на все сто: действительно, то, что он – дебил, совершенно не меняло положение вещей. Или кто-то умело настроил его медцентр так, что флюиды злобы не давали человеку дышать. В любом случае оставлять за спиной такое чудовище для меня было рискованным. Я поднялся, хрустнул шейными позвонками.

– Дальнейший разговор считаю непродуктивным. Все нужное

сказано. Предлагаю решить вопрос немедленно. Ты и я. Голыми руками, без оружия. Кто останется на ногах – прикончит соперника без лишних сантиментов.

Шакс согласно покачал головой и, безмятежно повернувшись ко мне спиной, начал разминаться. Похоже, он ничуть не переживал насчет того, что на него могут напасть сзади. Я невольно залюбовался его спокойствием. ВРАГ. Настоящий враг, достойный. Хм, без оружия – это я хватил. Рога бы ему отломать, тогда бы мы были на равных. Но ничего. Сейчас и отломаю. Через минуту упражнений главарь южан спросил:

– Ты готов, Велчер?

– Вполне.

Он резко юркнул вниз со сметающей подсечкой. Шустрый теленок. Я еле успел отскочить. Шакс попытался боднуть меня в живот рогами, но я встретил его выпад ударом локтя сверху. Южанин откатился в сторону и через мгновение оказался на ногах. Он двигался в широкой классической стойке, похожий на большого жука–носорога. Руки, рога, массивный костный вырост на лбу – куда его бить? Все перекрыто. Шакс опять нацелился подцепить меня под колено, но сделал это слишком явно, и я был начеку. После ложного замаха он резким крюком чуть не засадил мне кулаком в печень – мне удалось подставить предплечье. Я вошел в клинч и попытался ткнуть лбом ему в лицо, но попал в роговой вырост и сам чуть не вырубился. С полузажмуренными глазами у меня получилось хлестнуть его ладонями по ушам. Он взвыл от боли, а я добавил короткий прямой в лицо. Мы отскочили друг от друга. Шакс размазал по губам кровь, хлещущую из раздробленной переносицы. Из левого уха тоже потекло – похоже, что лопнула перепонка. Я, может, и выглядел лучше, но перед глазами скакали темные круги. Не подавать виду! Он купился на мой отвлекающий выпад ногой в пах и пропустил резкий джеб, которым я разбил ему еще и нижнюю губу. Южанин начал сдавать! Мой хук справа должен был поставить точку в нашем поединке, но Шакс из полусогнутого положения ухитрился зарядить мне навстречу апперкот. Вложился всем телом, с доворотом корпуса. Его кулак встретился на противоходе с моей нижней челюстью, моя голова мотнулась, как детская погремушка, и на этом все кончилось. Я даже не почувствовал удара затылком о твердый грунт, когда рухнул, словно подрубленное дерево. Это был полноценный нокаут, означавший по условиям нашего поединка смерть.

Я пришел в себя ненадолго и сразу провалился в тошнотворный бред. Все кружилось вокруг в сумасшедшем калейдоскопе. Долго терпеть эту пляску перед глазами я не смог,

вернее, не смог мой желудок и выплеснул свое содержимое прямо на одежду. Потом мое тело куда–то волокли, в уши лезли чужие голоса. Закончилось все тем, что надо мной склонился зеленоглазый ангел и прошептал в самое ухо:

– Отдыхай, повелитель. Набирайся сил.

Линия Слика. На шее узел обстоятельств

Первая моя мысль после пробуждения была: «Что–то для полноценного героя тебя слишком часто вырубают. А, брат Велчер? Сдается мне, капитан Слик был покрепче». Еще порадовало то, что я до сих пор жил и чувствовал. Да как чувствовал! Боль в затылке и нижней челюсти быстренько вернула меня из мира грез на грешную землю, спина ощутила привычное ложе собственной кровати. Я находился в Хибаре, запах своего жилища без труда узнает каждый, и более того, в спальне, которую редко использовал по назначению. Мой взгляд скользнул по тесаным камням пещеры, настенным светильникам с плашками аккумуляторов и опустился на очень приятное новшество в обстановке. У постели поверженного в бою демона сидела та самая девушка. С русыми волосами и темно–зелеными глазками. По–моему, еще и с ямочками на щеках, когда она улыбалась. Но сейчас ее лицо выражало тревогу. Она увидела, что больной очнулся, вскочила с табурета и наклонилась надо мной:

– Вы слышите меня, повелитель?

– Да. Сядь на место. Когда ты стоишь, твою мордашку закрывает тень.

– Я так рада, что вы в порядке!

– Кто перенес меня сюда?

– Грешники–плотоводцы с переправы. Прилетела ваша птица и сильно кричала. Она то исчезала за холмами, то возвращалась. Мы поняли, что Хухлик…, – девица споткнулась и робко взглянула на меня. – Ваш питомец, – поправилась она. – Хочет нас куда–то позвать. Несколько грешников отправились за ним и обнаружили вас. Без сознания. Перетащили в дом и уложили на кровать.

– Откуда тебе известно имя моего слуги, и кто открыл входную дверь?

– Демон, похожий на древнего монаха. Такой толстый. Он знал пароль и всем распоряжался. Лазарь послал меня ухаживать за вами, повелитель. Вы не сердитесь? Я ничего не трогала тут, просто сидела.

Верно, я забыл сменить код, но моя рассеянность оказалась кстати. Набуяг. Чего он здесь забыл? А как же блестящее

общество Пурпурного дворца? Ладно, я все выясню потом, а сейчас нужно успокоить мою пугливую сиделку:

– Конечно, не сержусь. Лучше ты, чем вечно потный и грязный старина Ом. Давно я так лежу?

– Не больше часу. Вы желаете воды или еще чего–нибудь?

– Да, мне понадобится твоя помощь. В гостиной за выдвижной дверью находится кладовая. На одной из полок ты увидишь белую коробку с красным крестом. Принеси ее сюда.

Она притащила аптечку, и я вкатил себе дозу гражданских наноботов прямо в шею. Наши армейские репараторы работали вкупе с встроенным в мозг медцентром, гражданские могли чинить повреждения автономно. Они еще не подействовали, а я уже почувствовал облегчение. Сейчас уйдет боль, за несколько часов полностью спадет отек с лица. Говорил я внятно, значит, челюсть не повреждена. Повезло. Зубы тоже были на месте, хотя парочка нижних сильно шатались. Ничего, наноботы это исправят. Девушка внимательно следила за моими манипуляциями. Она чем–то напоминала мне маленького испуганного зверька. Этакого домашнего любимца, доверчивого и ласкового, но теперь попавшего к злым людям. Когда я отложил в сторону драгоценный медицинский комплект, она сказала:

– Грешники, что вас принесли, передали лист бумаги. Его нашли на вашей груди.

Бумага оказалась куском цветной обертки, в которую благодетели с поверхности заворачивали галеты. Но самое главное – это была записка от моего внезапного недруга:

«Велчер! Теперь мы оба знаем, что я могу победить тебя голыми руками. Меня не интересует жизнь беспомощного мешка. Я хочу увидеть в твоих глазах отчаяние и бессилие, прежде чем они окончательно потускнеют. Или я их выколю сразу? Пока не решил. Каково это – дрожать от ужаса, постоянно думая о том, что рядом бродит твоя судьба? Мне будут доставлять удовольствие мысли о твоем страхе. Поэтому ты до сих пор жив. До нашей следующей встречи. Шакс».

Хм. По–моему, он чрезмерно серьезно относится к вопросу, к тому же слишком переоценивает мою фантазию. «Постоянно думая»! Ха–ха. Да ему просто повезло. Зря он дал мне второй шанс. Я не страдаю сентиментальностью и без колебаний сверну ему шею при случае. Плевать, в сознании он или спит глубоким сном. А этот парень – просто сумасшедший. Такое бывает. Ты разговариваешь с человеком, и все идет нормально, пока беседа не коснется его болевой точки. И тогда он преображается и становится сразу видно – малый не в себе. Каждый псих имеет собственный темный угол сознания. Шакс спятил на почве

ненависти к базе «Форекон». Неужели я мог забыть? Его же вывезли на «Хорнете» разведки, Демерс об этом докладывал. Вот как бывает, армия билась сама с собой, ее люди были по обе стороны фронта. Кому это нужно? Чья воля стоит за всем этим? Я похолодел. Потому что понял. Не подлую сущность системы, не двуличность чиновников, не тягостную участь простых людей–марионеток в руках кукловодов из правительства. Совсем не это. Человека больше всего интересует состояние собственной шкуры, и я – не исключение. Мне стало отчетливо ясно, что наша встреча не случайна. Шакса использовали втемную. Кто-то должен был сообщить ему – под личиной демона Велчера скрывается твой злейший враг. А если это так – мне нужно срочно убираться из Прайда, тут я под колпаком.

– Вам нехорошо, повелитель? Вы так побледнели!

– Все в порядке, малышка. Небольшое недомогание. Мне просто нужно поспать.

Она оглянулась. В глазах блеснула тревога:

– Демон Велчер, мне придется уйти? Или можно остаться тут до утра?

– Конечно, оставайся! Даже я не рискую лазать ночью по здешним холмам. Провалишься в огненный ручей и мигом превратишься в головешку.

– Я устроюсь там, на кресле…

– В этом кресле может заснуть только тот, кто за годы армейской службы привык дрыхнуть даже стоя. Ты ляжешь здесь, а я сооружу себе постель из кучи одеял. Не возражай!

Она зачем–то обернулась по сторонам, будто надеясь обнаружить в углу ранее незамеченную кровать.

– Вам сейчас нельзя подниматься с места. Думаю, что я смогу устроиться рядом и не побеспокоить вас, – она нерешительно взялась за ворот своего рубища, посмотрела на светильники. – Не против, если я выключу их?

На ее изящной шее мигала пульсом тоненькая жилка.

– Конечно, не против. Душ в подсобке. Только горячей воды нет.

Проклятье. Мои слова можно истолковать превратно! Или опять мой длинный язык бежит впереди разума? В любом случае мне сегодня и впрямь нельзя напрягаться. Именно сейчас наноботы штопают поврежденные сосуды головного мозга. Идет восстановление. Заклинание не помогло, потому что внутри замирала и трепетала романтика.

Моя ржавая соединительная труба в прихожей издала глас. Иначе нельзя было назвать эти замогильные звуки. Девушка тихонько ойкнула.

– Здесь Хухлик. К двери приближаются два дружественных объекта.

Хм. Кому я еще успел присвоить такой статус? Неужели, опять саламандрины? Ладно хоть не Шакс. По лестнице забухали тяжелые шаги.

– Открой дверь спальни, – попросил я грешницу.

Сначала показались две пары добротных ботинок, потом к ним присоединились два туловища. Одно было уютно укутано в меховой халат и принадлежало Набуягу. Ом проехался взглядом по ладной фигурке девушки и облизнул обветренные губы. Вторым из винтового перехода в гостиную снизошла прямоугольная туша Тенгира.

– Мы не нарушили ничего романтического? – поинтересовался Набуяг с плутовской улыбкой.

На неподвижном лице Тенгира присутствие посторонней никак не сказалось. Монгол чиркнул двумя пальцами у виска в военном приветствии и бросил:

– Салют, капитан.

– Салют, воины. Набуяг, а где твой рукастый питомец? Снаружи оставил?

– Отдал в починку. Приемник изломался. Только щелкает зубами и все. Чуть пальца не лишил.

Моя красотка быстро вскочила с места:

– Мне пора в Велчерон, – она ловко протиснулась между двумя массивными фигурами и уже со ступенек сказала. – Выздоравливайте, повелитель. Вы очень нужны нам.

Взгляд, которым я наградил товарищей, был из разряда проникающих ранений. Ом виновато развел руками, а Тенгир, так и вовсе в этом момент уже рылся в моих пищевых запасах.

– Стой! Хухлик проводит тебя. Проклятье! Кто–нибудь может позвать эту несносную животину?

– Извини, капитан, – пробасил монгол, сидя на корточках и копаясь в рационах. – Твоя птица совсем озверела. Когда тебя заволокли в Хибару, она уселась над дверью и теперь кидается на всех, кто приближается к жилищу. С Набуяга только что чуть скальп не сдернула.

Пришлось самому подниматься с постели. Ребята кинулись меня поддержать, но я оперся на подставленное девичье плечо и доплелся до коммутатора:

– Хухлик!

– На связи.

– Из Хибары сейчас выйдет объект. Статус – дружественное лицо. Сопроводить до переправы с включенным фонарем…

– Фонарем? – изумился Ом.

– Да, у него в глазницах запрятаны маленькие прожекторы. Дьявольщина! Старик, заткни пасть и не отвлекай меня. Хухлик, прямой приказ – на другом берегу найти грешника по имени Лазарь и передать мое распоряжение: отправить через Флегетон девушку по имени… Как тебя зовут?

Моя красотка замялась. Я нетерпеливо махнул рукой – ладно, мол, обойдемся без твоего настоящего имени и закончил:

– Девушку Сару необходимо доставить на другой берег.

– Принято.

– Спасибо, повелитель, – ее голосок зазвенел в моих ушах серебряными колокольчиками. – И за имя тоже. До свидания.

– До завтра, – вырвалось у меня. – И будь очень осторожна.

Она поднималась по лестнице, а я засмотрелся на ее стройные ножки. Потом обратил внимание, что на них также глазеет Набуяг, и выразительно произнес:

– Кгм.

Ом вздохнул в притворном восхищении, дескать, хороша – слов нет.

– Вы здесь, как дома. Берите табуреты и присаживайтесь.

Тенгир сграбастал могучей лапой кувшин из нержавеющей стали, и через секунду из подсобки донесся звук плещущей воды. Монгол вернулся, утер мокрые губы, протянул жбан Набуягу. Тот с готовностью припал к горлышку.

– Что тут произошло? Кто на тебя напал? – хмуро спросил Тенгир.

– Шакс. Я сплоховал. Ничего, верну должок в следующий раз.

– Помощь нужна?

– Сами разберемся. Это очень личный и тонкий вопрос.

Монгол толкнул плечом Набуяга так, что тот расплескал воду:

– Надо охранять капитана. Следующего раза быть не должно, – бывший десантник повернулся ко мне всем плотно сбитым телом. – Сейчас не время подставляться. На тебе теперь слишком много завязано, Велчер. Наши судьбы – тоже.

Мои брови поползли вверх:

– Ну–ка, ну–ка, выкладывайте, что приключилось. Можете подкрепляться по ходу.

Монгол дотянулся до распечатанного рациона, отломил кусок и забросил в зубастую пасть.

– Новости у нас, в основном, скверные, – невнятно произнес он, разгрызая пищевой концентрат. – Мы с Набуягом, похоже, остались кем–то вроде кукушат.

– Хм. А вот теперь, очень–очень подробно…

И они начали говорить. Вернее, вещал по большей части Ом,

а Тенгир вставлял скупые, но увесистые фразы. Пока я обзаводился городскими церемониями и развлекался с Шаксом, случилось действительно многое.

Два дня назад в будущий Пурпурный дом (а пока несуразную дыру в земле с лабиринтом нор) пришли вести о закладке Велчерона. Их любезно донес северной братии сухопутный дозор саламандринов. Информация возымела такое действие, как если бы кто–то справил нужду в муравейник. Азриза взахлеб вопила, что у демонов по эту сторону хребта забрали часть территории, разглагольствовала о вероломстве и предательстве. Гэгэн ей активно поддакивал. До такой степени, что нарвался на разборки с родным братом. Когда разговор дошел до наказания и возмездия, Тенгир посоветовал ему успокоиться и помыть рот мылом. После чего они поспорили на кулачках. У младшего брата оказалось сломана пара ребер, а на придворной карьере Тенгира можно было ставить жирный крест. Я в тот момент ощутил чувствительный моральный укол: по всему выходило, что я втянул ребят в неприятности и междоусобицу. Хормуст тоже был разочарован. Он посетовал Тенгиру, что Велчер мог бы и сообщить друзьям о своих планах. А то получилось так, что он провернул всю штуку с поселением за спиной у старых армейских товарищей. Второе попадание. Я склонил голову под тяжестью справедливых обвинений. Набуягу также досталось по моей милости – он нацелился на должность управляющего Пурпурным дворцом, но лжемонаху припомнили дружбу с Велчером и бесцеремонно выперли из кандидатов.

Парочка изгоев горестно восседала на пристани напротив Джабеля Мести и подвесного моста, когда на горизонте появился катер охранников. Он ходко шел по течению, но при виде моих приятелей резко свернул к берегу и причалил. Стражники Прайда сразу повели речь о Велчероне. Похоже, это были мои недавние гости. Они заявили, что искали как раз Тенгира и Набуяга, чтобы передать важное сообщение. Послание свелось к тому, что демону Велчеру очень нужна помощь с развитием города, и они, саламандрины, просят его друзей немедленно выдвинуться к Альтамире Крови. И по пути вербовать в сторонники всех демонов, кто желает обрести в Велчероне новый приют и хорошую должность. Мои приятели долго не раздумывали. И вот теперь они пришли. А меня, видите ли, сначала тут чуть не укокошили, а потом я еще и подружку себе завел. Хорошую подружку, симпатичную, но теперь мои приятели серьезно опасаются – что же дальше–то будет? Не напрасно ли они влезли в раздрягу с северянами? Почти что нарушили присягу, переступили через кровные узы (это, между прочим, со

священным придыханием заявил Набуяг, а Тенгир помалкивал). Что об этом всем думает сам виновник всеобщего переполоха?

– Присяга. Обеты. Вокруг все точно с ума посходили. Включая этого чудика Шакса, – вздохнул я. – Человеку не дадут спокойно выслужить контракт. Эта дурацкая Система его обязательно доймет.

Два низких лба тревожно нахмурились. Я плеснул себе воды в кружку. Четыре глаза (два из них – без малейших признаков совести) напряженно следили за каждым моим действием.

– С этим поселением как получилось… Пожалел я грешников, что в Стим подались на поиски лучшей жизни. Разрешил тут остаться.

– Стимоний – это прыжок в распахнутую погребальную урну, – подтвердил Тенгир.

– Кто же знал, что их понабежит такое количество? Выбрали старосту, окрестили город, меня не спросясь. Организовались, словом.

– И что теперь? – проникновенно спросил Набуяг.

– Что теперь, что теперь…. Из меня администратор такой же, как и официант. Тем более, что необходимы наказания и утеснения. Подзатыльники и пинки. Не по мне унижать безоружных.

– Им от твоей доброты только хуже. Грехи не искупаются, – заявил чрезвычайно сознательный Ом.

– Да я в курсе дела! Саламандрины просветили. План операции у меня сложился провальный. Признаю. Вас, получается, подставил. Грешников тоже. За этим местом собираются закрепить точку раздачи. Значит, начнутся набеги. Защитить их мне не по силам, – я умолк.

Они в ответ ни проронили ни слова. Ждали. Вот опять оно, пресловутое Лидерство. Кто–то хочет до дрожи в коленках быть начальником, а кого–то судьба сама толкает в спину. Почему это происходит? Как так ловко скручиваются со всех сторон обстоятельства, сворачиваются в единый монолитный обруч? Словно их готовили заранее! Я скромничаю. На самом деле, я – избранный. Ха–ха. Один готов. Спятил от синдрома Бога. Глупость это все. Но делать нечего – надо платить по счетам. Решение пришло мгновенно, как если бы мне в голову ударила молния. Я откашлялся для придания голосу веса и важности:

– Велчерону нужен глава магистрата. Староста – хорошо, но над ним я обязательно хочу поставить демона. Сегодня или завтра кто–то особо строптивый набросает песок ему на ботинки, и вот тогда должен выступить большой и страшный ракшас, чтобы вразумить буяна отеческими оплеухами. Нам нужен

магистр, или как там называют главу магистрата.

– Так вроде бы, ты – повелитель этой земли, – непонимающе произнес Тенгир.

– Согласен остаться почетным монархом. Я же сказал, из меня хозяйственник, как из навоза рождественская игрушка. Но я должен утверждать каждое стратегическое решение. А оперативное командование готов передать. Набуяг! Ты справишься?

– А УЕ за притеснения идут обычным порядком? – жадно спросил Ом.

– Ага. Саламандрины прогнозируют, что к концу месяца у тебя будет пятьсот подопечных. И всем нужны забота и внимание по нашим демонским стандартам. Каждый из грешников желает побыстрее отмолить грехи, так что давать пинки нога устанет.

Набуяг сладострастно зажмурился. А я подумал, как это будет? Назначить хитреца и жулика главой магистрата? Ладно. В конце концов, его всегда можно будет избить до бесчувствия. Я перевел командирский взор на Тенгира. Монгол олицетворял собой монумент невозмутимости. Брови наползли на щелочки глаз так, что казалось, они полностью закрыты и ничего не видят.

– Велчерону понадобится сильная армия. Обороняться придется от всякой равнинной швали, южан, северян, а возможно, и от их союзного альянса. Лучше тебя, Тенгир, мне никого не найти. Готов возглавить гарнизон поселения? Стать военным министром?

– Шестнадцать демонов ждут моего позволения прийти на берег. Я сделаю из них штурмовую группу, – слова монгола прозвучали гордо и солидно. – Мы найдем еще воинов. У нас будет войско, капитан.

– Выжги им потроха муштрой! Слабаков нам не надо! Гоняй так, чтобы кровь из ушей потекла! – рявкнул я. – Армия Велчерона должна стать самой опасной в Прайде!

– Джеронимо! – гаркнул Тенгир свой девиз.

– Джеронимо, – подвыл ему Набуяг.

– Джеронимо, – великодушно согласился я с новым правительством Велчерона.

Мы скрепили наш союз тремя кружками холодной воды и торжественно преломили хлеб рациона.

– Магистр! – окликнул я.

И, видя недоумевающие взгляды, уперся глазами в Набуяга и с нажимом повторил:

– Магистр!

– Внимаю, – нашелся Ом, склоняя лобастую голову.

– Возьмешь всех свободных грешников. В стороне от меня, у

самой Альтамиры, завалено камнями несколько глубоких гротов. Это я их завалил. Мне не хотелось, чтобы в них поселились разные демонские проходимцы, выкуривай их потом. Разберете эти завалы. Внизу найдете выходы под конвертер и водопровод. Я договорюсь с саламандринами, чтобы прислали рабочих. Нужно строить вам жилье. Хватит тебе, Набуяг, быть бродягой.

– Путешественником.

– Ладно, скитальцем. Пора обзаводиться собственным уютным домом. Как и военному министру. Согласны?

Два благодарных кивка.

– Если возражений нет, предлагаю окончить трапезу и завалиться спать, чтобы завтра в полном блеске явить себя подданным. Пора браться за большую работу. Можете начинать обдумывать свои вступительные слова, раз выбились на высокие должности. Положение обязывает.

С утра в Прайде прошел легкий снег из пепла, и поэтому теперь большинство грешников были заняты стиркой своей одежды и купанием. По каменным дебаркадерам они перебирались через мазутные прибрежные струи и прыгали в чистую воду. По всему берегу слышались оживленные крики, визги и смех.

Наше тройственное появление на переправе вызвало всеобщий переполох. Толпа грешников заполнила весь берег и даже немного выплеснулась на косогор. Я дождался, пока Лазарь утихомирит собравшийся народ, после чего представил соратников. Гражданская власть отныне отходила к Набуягу, а военные вопросы забирал на себя Тенгир. Мои друзья не подвели – каждый задвинул короткую, но емкую программу действий. После собрания Ом устроил инспекцию по жилищам граждан, а монгол отправился вглубь неосвоенной территории на встречу с демонами–рекрутами. Я же воссел на своем плоту и принялся вершить третейские суды – разбирать жалобы и споры. Сара крутилась неподалеку и время от времени бросала на меня взгляды, от которых по спине пробегал волнительный озноб, а в груди растекалось незнакомое теплое чувство.

Линия Моллоя. Во власти нет друзей

Моллой скосил глаза на таймер. Оставалось подписать еще несколько инвойсов на закупку первичного сырья. Со вчерашнего дня в Лавакроне закрутили производственные барабаны новые фабрики, что выпускали пищевые рационы и одежду. Жадным зевам их накопительных танков требовалось больше биомассы. Химический комплекс, который перерабатывал экскременты, не

справлялся с объемами. День и ночь монорельсовые товарняки везли в сторону побережья цистерны с аминокислотными суспензиями, тысячи килей брикетированных жиров и углеводов ложились на склады, но их все равно не хватало. Зато резервуары клонирования выдали рекордное рыбье поголовье. Излишки переправлялись вглубь материка, заказы на деликатесы под торговой маркой «Гоудс Лавакрон» стабильно превышали предложения. Особенно ценился бренд «Демонс сваг» – «Добыча демонов». То, что поступало на поверхность из подземелья, шло по сумасшедшим ценам. Будь это простецкая вяленая рыба, сушеное мясо или какие–то поделки – все мгновенно выметалось заказчиками. В почтовом ящике Моллоя постоянно висело до десятка тысяч неотвеченных писем от потенциальных покупателей. Ему пришлось нанять в штат двух помощников на корреспонденцию, но даже они не справлялись. Цунами деловых запросов захлестнуло офис Архитектора по самую крышу.

А долина Лавакрона вновь наполнилась тарахтеньем строительных кранов и экскаваторов. Жуткий Тифон наращивал мышцы. Он обрастал новыми заводами и фабриками, теперь уже ориентированными не внутрь себя, а наружу. Интерес населения Земли ко всему, что касалось Лавакрона, еще не достиг своего пика, но уже побил все прогнозы маркетологов. Департамент нравственности дважды понижал бонусы населению, откровенно срезал мотивационные стимулы, что были направлены на преисподнюю, но на эти маневры никто не желал обращать внимания. Положительно, вся Земля сошла с ума на почве Лавакрона, а его, Моллоя, фигура уже окуталась немыслимым количеством сплетен и мифов.

Архитектор преисподней прикрепил свой иден–код к последнему документу и закрыл рабочую сводку. Меню коммуникатора в правом нижнем углу экрана загорелось зеленым сигналом вызова. Моллой развернул диалоговое окно и нажал кнопку ответа. На дисплей вынырнуло изображение невысокого сухонького человечка с презрительными складками вокруг всегда сжатых губ. Советник Зельден – всесильный глава Департамента Безопасности смотрел на Моллоя с экрана, и его лицо не выражало абсолютно ничего.

– Я слушаю вас, – нарочито бесцветным голосом сказал Моллой, невольно подстраиваясь под собеседника.

– Он поднимается на лифте.

– Хорошо. Я понял.

– В вашем распоряжении будет не более двадцати минут.

– Я понял, – вновь повторил Моллой.

– Спасибо за содействие. Своими сведениями вы

предотвратили целый список преступлений.

Зельден отключился. Через минуту дверь в апартаменты Архитектора широко распахнулась. Полди всегда заходил без стука – он обожал пользоваться своим универсальным пропуском.

– Салют, дружище! Рад тебя видеть!

– Я тоже очень рад, – невесело ответил Моллой, протягивая руку.

– Ты прислал мне вызов, написал, что дело срочное. Ну, старый товарищ, вываливай свои беды. Чем я могу помочь самому влиятельному чиновнику Земли?

Моллой вопросительно приподнял бровь. Полди вольготно развалился в мягком кресле напротив рабочего стола Архитектора, закинул ногу за ногу. Он бросил взгляд на недоуменное лицо коллеги и жизнерадостно рассмеялся:

– Ха–ха! Так ты не знаешь? Данные социологического исследования. Глава Лавакрона признан наиболее популярным лицом среди всех политиков и чиновников общества. На тебя поступает больше всего запросов по нейросети. Интересно, как отнесется к такой медийной востребованности Лори? Слушай, Моллой, если бы ты захотел, то любая из актрис и моделей с порога бросилась бы в твою койку. Не приходили подобные мысли в голову, а? Знаю, знаю, ты у нас тихоня. Ну, дорогой друг, я весь во внимании.

Коммуникатор Полди прострелил комнату рубиновой вспышкой, но начальник отдела общественных связей даже ухом не повел. Он уже привык игнорировать официальные комментарии Департаментов. Его баланс Добродетелей за последние полгода превысил любую разумную цифру. Полди не раз хвалился, что невольно изыскивает способ хоть как–то уменьшить бьющий на него поток отчислений. Моллой пробарабанил пальцами по экрану монитора и вывел на большую обзорную панель по центру комнаты несколько видеоокон. Это были рекламные заставки каналов. На одном мужчины и женщины сплетались в страстных объятиях, на другом фыркали импульсы боевых демонских перчаток, прочие также содержали картинки из подземной жизни грешников и стражей Лавакрона.

– Жду твоих объяснений, – Моллой постарался, чтобы в его голосе не прозвучали неприязненные нотки.

Полди развел руками:

– Продолжаем раскручивать твое творение, приятель. Ты должен быть мне очень благодарен. Именно подобные штуки вознесли тебя на небеса популярности. Ничего девочки? Ха–ха! Ах ты, плут! Признавайся, на кого положил глаз?

– Полди, вы с Коэном выбросили в сеть интимную жизнь

грешников. Вы задумали сделать из демонов звезд медиаканалов. Кто дал вам разрешение на это?

– Не волнуйся, все вопросы Коэн согласовал с Департаментом Нравственности.

– Как и отчисления? – невинно уточнил Моллой.

– А что тут такого? Каждое действие на благо общества должно быть оплачено.

Пальцы Моллоя принялись меланхолично выстукивать на деревянной поверхности стола какой–то незатейливый ритм. Он не проронил ни слова в ответ на реплику друга. Полди встревожился:

– Может быть, ты объяснишь товарищу, в чем именно проблема?

– Коэн арестован час назад. Ваши покровители в Департаменте Нравственности тоже.

С лица Полди сбежал румянец. Он словно захлебнулся на вдохе, отчего из его горла вырвался панический всхлип. Моллой встал из–за стола, нацедил соратнику витаминный коктейль и протянул бокал:

– Выпей.

Сделав несколько судорожных глотков, Полди поставил стакан на стол. У него дрожали руки. Коммуникатор на его груди будто специально ждал этого момента, чтобы погаснуть. Когда маленький дисплей зажегся, на сером фоне проступил зловещий символ «S». «Sentenced». «Приговоренный». Полди стал лихорадочно трясти коммуникатор, но ничего не менялось. Моллой положил ему руку на плечо:

– Сейчас станет легче. Напиток действует быстро. На себе проверял.

Коктейль и вправду сработал оперативно. Покровительственная ладонь Моллоя была отброшена в сторону, а в лицо ему полетел прямой вопрос:

– Значит, решил сдать своего друга Безопасности? Так ты воспользовался моим доверием?

– Полди, вы – кретины. Как раз в момент введения «Кодекса» окружить «Лавакрон» ореолом запретного плода… Надо же было до такого додуматься! Коэн – просто животное, советник Омобоно… этот ханжа, этот ревнитель нравственности оказался извращенцем. Ты попал в очень дурную компанию.

– Любую тайну всегда окружают домыслы, недомолвки. На их почве люди охотно принимают новое учение. Мы решили увеличить поток неофитов, только и всего. Основная задача проекта…

– Состоит совершенно в другом! – яростно подхватил

Моллой. – То, что вы предприняли – типичный ревизионизм. Лавакрон – кара, лечение! А не вертеп, где дозволено то, что запрещено на поверхности!

Даже на краю пропасти Полди не смог сдержать сарказма:

– Со мной говорит самый влиятельный чиновник планеты, а не товарищ. Моллой, ты расчетлив, как машина, но предсказуем, словно программа. В этом твоя слабость. У тебя был доступ, ты его использовал. Все ясно. Революция пожирает своих героев, Архитектор одним движением сводит счеты. Теперь, наверное, лучшим другом у тебя станет Зельден.

– В твоих словах звучит обида, но не здравый смысл. Своими затеями вы едва не обрушили все, над чем лучшие умы планеты работали годами.

– Что со мной будет?

Не отвечая на вопрос приятеля, Моллой вернулся на свое рабочее место и несколько раз нажал на экран компьютера:

– Демон Велчер. Из Прайда. Вы сделали его центральной фигурой одного из шоу. Сколько сценариев уже запущено?

– Три, – Полди запнулся, но быстро исправился. – Нет, четыре. Власть, Любовь, Война и Месть. Классика.

– Это ты снабдил его врага информацией и предоставил расширенные кредиты? По последнему пункту отпираться бесполезно – я видел финансовые отчеты.

– Коэн. Он встречался с этим, как его… с Шаксом.

– Что вы натворили! – словами, как бритвой, Моллой разрезал воздушную ткань кабинета. – Надо же догадаться извлечь из огромной обоймы персонажей именно тех двух, которых нельзя было трогать ни при каких обстоятельствах. И тот, и этот – под надзором секретчиков. А вы тащите их на авансцену реалити–шоу! Наверх чуть не просочилась информация, которая может перетряхнуть сами устои общества. Какие проекты реально отыграть назад?

Полди беспомощно развел руками:

– Разве что Любовь. Не знаю. Все сценарии утверждены и переданы начальству. Актрису ему подобрали на загляденье. Такая милашка, что сразу хочется уложить в постель. Теперь все придется перекраивать. А зачем?! Рейтинги зашкаливают…

– Какие рейтинги?! Ты совсем потерял способность соображать со своими киношными затеями?! Попробуй связаться с Коэном – ты убедишься, что его коммуникатор не отвечает. Ты понимаешь, что это значит?

Полди придавлено молчал.

– Почему именно Велчер? В Лавакроне две тысячи семьсот демонов, но вы выбрали именно его? Ответь!

– Сам посмотри биографию этого разгильдяя! Он – отличный кандидат.

Моллой согласно покачал головой. Полди попал в точку. Этот Велчер и впрямь постоянно притягивал проблемы. После нескольких секунд молчания Архитектор решительно развернул к Полди монитор:

– Быстро передай мне все пароли доступа к медиаканалам. А также свой иден–код, способы связи с охраной уровней, короче, все, что мне на данный момент неизвестно, – видя, что его приятель колеблется, он возвысил голос до окрика. – Живо!!!

Полди торопливо забарабанил по дисплею компьютера. Моллой напряженно следил за каждым его движением, периодически задавал уточняющие вопросы. Вдруг легкий сквозняк взъерошил волосы у обоих. Полди обернулся в сторону входа, и Моллоя поразило выражение гадливого ужаса, исказившее лицо его друга. Всегда такой весь победительно–преуспевающий Полди сжался, словно хотел спрятаться за спинкой мягкого кресла. На пороге стоял Зельден – низенький старичок с жидкими седыми волосенками и по–приятельски манил Полди рукой. Еще полчаса назад – ловкий делец, молодой администратор с блестящей карьерой, а ныне – испуганная тень самого себя, он поднялся и пошел к выходу обреченными маленькими шажками. Его фигура завернула за угол и пропала из виду. Зельден коротким кивком попрощался с Моллоем, но Архитектор остановил главу Департамента безопасности сорвавшимся с губ окликом:

– Вы обещали!

Зельден оглянулся с порога:

– Я обещал попробовать что–нибудь для него сделать. И я сдержу свое слово. Но не более того.

– Уверяю вас, что в его действиях не было злого умысла. Незнание, самоуверенность – может быть. Но не желание навредить!

Суровое лицо старого служителя закона тронула легкая усмешка:

– Мы учтем ваше ходатайство по преступлению Полди и постараемся не применять к нему самых жестких взысканий. А вы, дорогой Архитектор, попытайтесь пока исправить то, что натворила эта парочка безголовых авантюристов. Средние уровни Лавакрона полностью автономны?

– К сожалению, да. После того, как закончилась регулировка и отладка процессов, мы превратились в пассивных наблюдателей. Власть на каждом круге в руках вождей саламандринов, которые во всем следуют Коду Лавакрона и

Кодексу Метрополии. Наше влияние ограничено.

– Моллой, мы надеемся на вас. Полномочий и власти в ваших руках теперь более чем достаточно, – дверь за Зельденом начала закрываться.

– Вы обещали! – вновь попросил Моллой.

Из сужающегося проема донеслось:

– Я помню!

У каждого общества есть свои механизмы исправления ошибок. Любой человек знает это, Моллой исключением не был. Но впервые карающий меч государства нанес свой удар так близко к нему. Моллой выждал еще несколько минут и набарабанил почтовое сообщение. Он никогда раньше не обращался с просьбами по этому адресату. Проектировщик четко дал понять свой нейтрально–совещательный статус. А вдруг поможет? Отчаяние сподвигло Моллоя на решительные действия:

«Демоны Прайда стали героями сериала в реальном времени. Наш проводник – один из них. Его жизнь под угрозой. Для остроты сюжета ему подготовили опасного врага по имени Шакс. Этот тип – бывший командир группы антропоморфов и жаждет крови. Любая огласка обернется чудовищным скандалом. Что делать?»

Ответ пришел через несколько минут:

«Брать ситуацию в свои руки. Понадобится ваше личное вмешательство. Надавите на Велчера. Участие в нашей миссии – отличная возможность для него уйти со сцены. Иначе нам не удастся уберечь его от неприятностей. Постарайтесь донести до него эту здравую мысль. Любую утечку информации можно замять. О способе говорить не буду – полагаю, что он понятен. Шакс безнадежен. Решайте вопрос с ним всеми средствами. А они у вас после исключения Полди из списка посвященных – неограниченные. Или я неверно толкую положение вещей?».

Моллой отвалился на спинку кресла. Порывисто схватил недопитый Полди бокал и опрокинул в рот. Прислушался к себе. Совесть молчала. Да, ему пришлось пойти против друга, но еще раньше друг опрометчиво пошел против Системы. А он, Моллой – человек Системы, он всю жизнь играл по правилам и преуспел. Государство оценило его заслуги и вознесло на самую вершину ранговой лестницы. Разве оно не может рассчитывать на ответную верность? Но все же был в этом треугольнике Полди – Проектировщик – Зельден какой–то не учтенный им параметр. Неведомый патрон мгновенно дал ему понять, что он в курсе последних событий. Его совет прозвучал на одной ноте с напутственными словами Зельдена: «Полномочий и власти в ваших руках теперь более чем достаточно». Так намекнул один.

«Решайте вопрос с ним всеми средствами». Это сказал другой. И еще беспокоила непонятная реплика Полди: «Ты предсказуем, словно программа. В этом твоя слабость». Что он имел в виду? Моллой решил до времени записать это в ребусы, чтобы не тратить энергию на бесплодные догадки. Его решений ждали более насущные вопросы. И все они лежали под слоем земли, в логове монстра.

Огромное чудовище ворочалось рядом с его привычным домом, его легкие выплевывали углекислоту, его пасть ежедневно пожирала тысячи людей. Архитектор открыл свою электронную библиотеку и обратился к одному из величайших творений человечества. По сети он быстро отыскал нужный текст – книгу Иова:

«Нет столь отважного, который осмелился бы потревожить его… Не умолчу о членах его, о силе и красивой соразмерности их. Кто может открыть верх одежды его, кто подойдёт к двойным челюстям его? Кто может отворить двери лица его? Круг зубов его – ужас; крепкие щиты его – великолепие; они скреплены как бы твёрдою печатью; один к другому прикасается близко, так что и воздух не проходит между ними; один с другим лежат плотно, сцепились и не раздвигаются. От его чихания показывается свет; глаза у него как ресницы зари; из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры; из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла. Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя. На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас…»

Когда Моллой проектировал декорации уровней, он невольно представлял себе Левиафана. Какова судьба Архитектора? Быть пожранным собственным чудищем? Или он – тот самый Баал, от руки которого исполину суждено пасть?

Моллой, образца двухлетней давности, сейчас бы немедленно ударился в панику. Но Архитектор Лавакрона быстро осознал, какие требуются меры. И вычислил объекты, к коим эти меры следует применить. Для решения понадобились два энергетика, три сигариллы и вид на скалистый берег океана. Потом последовал час вдумчивой подготовки, после которой Моллой был готов действовать.

Он вывел на экран файл, куда скопировал полученные от Полди данные, и нашел нужные коды доступа. Программа виртуализации образа выдала колоритную картинку – на экране возник саламандрин в угольно–черной шкуре и со зловещими ядовито–желтыми глазами. Такого забавного персонажа Полди использовал для общения со стражей третьего уровня. Моллой быстро пролистал скриты диалогов, чтобы понять стандартные

разговорные нормы. Когда в голове полностью сложилась схема предстоящей беседы, Архитектор нажал на вызов.

Монитор ожил прыгающим изображением тропинки. Невидимая рука перевернула коммуникатор, и Моллой увидел мрачную рептилию с позолоченным гребнем над головой.

– Ответить Центру Принуждения! – произнес Моллой, и звуковой имитатор преобразил звук его голоса в резкий окрик старшего по званию.

– Здесь командир третьей смены.

– Подтвердите никнейм.

– Рассвет.

Моллой скосил глаза на открытый в окошке файл. Да, Рассвет. Именно так звали вождя саламандринов Прайда. Того человека, которому надлежало решить все его, Моллоя, проблемы.

– Принято. Доложите обстановку.

– Караваны снабжения проплыли по графику. Численность стражи и медицинского персонала – согласно расписанию. За последние сутки по хронометрам «ЧПЛ», – Моллой сам установил Часовой Пояс Лавакрона по Гринвичу, поэтому спокойно воспринял сокращение Рассвета, – экстренную помощь оказали двенадцати грешникам и одному демону. Четверо пострадавших подняты на уровень Пургатора для помещения в клинику. Потери – один грешник. Причина – инсульт, реакция на температуру и влажность. Поскольку это уже третий случай за неделю, по рекомендации врачей мы понизили термостаты на три градуса и перешли в резко континентальный режим климата.

– Теперь они будут замерзать по ночам! – начальственно рявкнул Моллой.

– Прохлада даст возможность немного отдохнуть от жары…

– Хорошо, этот вопрос не к вам. Я сам поговорю с шеф–медиком Прайда. Что по ситуации с поселениями?

– За Джабелем Мести основано три новых деревни. Южане придумали еще один вид наказания под названием Безумие. Демон изображает состояние помешательства, чем пугает грешника. Без применения силы, без словесного давления. Просто испуг. Мы расцениваем Безумие, как очень интересную идею и уже отправили свои рекомендации для включения ее в Код Лавакрона.

– А как дела за хребтом?

– У северян развиваются два города. Велчерон и Порфир. Приток грешников умеренный. Не как у южан, но тоже неплохо.

– Порфир – это…, – недоуменно протянул Моллой, но саламандрин мгновенно помог с уточнением:

– Это поселение в окрестностях Пурпурного дворца. Название претенциозное, но я удовлетворил просьбу их лидера Азризы. Северяне хорошо справляются с притеснением грешников, вопросов к ним нет.

– А в Велчероне?

– Там с назначением нового главы дела тоже пошли на лад. До этого момента было скверно. Их правитель, Велчер, очень туго идет на контакт. Он неплохой парень, но со своими понятиями. Мы уже собирались нажать на него, как следует, но у Велчера неожиданно в голове случилось просветление, и он передал руководство городом своему заместителю.

– Доложите о демонских распрях.

Внезапно картинка в коммуникаторе метнулась к своду, потом описала полукруг. Мелькнула трехгранная палка охранников, раздался испуганный вскрик, и гневный голос командира стражи прорычал:

– Кем ты себя возомнил, червь, что осмелился заступить дорогу саламандринам Прайда?

– Я не видел, мне приказали нести поклажу, я не услышал шагов, тут все шипит, – залепетал кто–то невидимый Моллою.

– Оставь свой груз. Забрать его сможет тот, кто тебя послал. Он лично ответит за твою нерасторопность.

Через секунду изображение вернулось к лидеру смены. Он некоторое время смотрел куда–то в сторону, потом повернул свою зеленую морду к экрану и произнес довольным тоном:

– Вот. Теперь еще и от демона своего схлопочет. Двойную дозу принуждения получит. Счастливчик.

Моллой понимающе покачал головой:

– Помогаете грешникам набирать баллы?

– Угу, – подтвердил саламандрин. – На поверхности все же получше, чем тут.

Ящерица открыла свою треугольную пасть в подобии улыбки. Получилось жутковато.

– Вы не ответили на последний вопрос.

– О распрях? Хм, тут все запуталось. Над Велчероном сгущаются тучи. Пурпурный дворец того гляди объявит войну своим северным собратьям. Азризу сдерживает только то, что глава южан Шакс никак не согласится на перемирие. Мотивы странные. У него какие–то свои счеты с Велчером. То есть, проблема встала в том, кто именно прикончит правителя Велчерона: демоны Азризы или братия Шакса. Шансы есть и у тех, и у этих. Мятежные северяне пытаются усилиться по демонам, ведут набор, но все равно не успеют.

– Ваши действия?

– Нейтралитет. Как обычно, – равнодушно бросил Рассвет. – Мы не лезем в их дела.

– Шакс. Что можете сказать о нем?

– Парень чересчур кровожаден, но в целом с ним нет проблем.

– Есть проблемы, большие проблемы, – веско проговорил Моллой. – Шакс предпринял несколько покушений на Велчера. Я просмотрел записи с камер в окрестностях Альтамиры Крови. Главарь южан использовал наемников, а когда у тех не вышло – попробовал сам.

Рассвет развел руками:

– Законы Земли здесь не работают.

– Шакс потенциально опасен. С ним нужно что–то решить. Требование ДБЗ.

Моллой шел на осознанный риск. По Коду Лавакрона саламандринам надлежало плюнуть на указание Департамента Безопасности Земли. Рассвет знал правила, представлял себе последствия, но смолчал. Командир стражи терпеливо ждал, что будет дальше. Архитектор прочитал личное дело этого парня. Его завербовали по контракту из армии, как и большинство остальных охранников. Рассвет пришел в Лавакрон из комендантской роты. Военная служба учит не только исполнять приказы. Она учит, как обходить непреложные правила. Любой солдат верит в неуставные отношения больше, чем в Творца и нейросеть. Рассвет спокойно смотрел на собеседника, очевидно прикидывая, какие именно штучки ему могут упасть сверху за оказанную услугу. А Моллой понимал, что за стимул нужен запертому под землей человеку, которому все окружающее уже обрыдло до рвотного спазма. Они просто не могли не договориться, эти двое.

– Ваш отпуск. Он еще не скоро по графику?

– Через пять месяцев.

– Я отчетливо вижу окно в сменах через три недели. Полуторный отпуск.

Лицо рептилии было непроницаемо, но Моллой мог поклясться, что в глазах мелькнуло удовлетворение. Рассвет опустил голову, потом снова посмотрел в экран:

– Пока он не стал делать глупостей, нам не к чему придраться.

– Возможно, что обстоятельства лишат его власти. Шакс, вероятно, потеряет над собой контроль. Я думаю, – Моллой сделал многозначительную паузу, – это так и произойдет. Саламандринам нужно быть готовым, чтобы вмешаться. И предотвратить немотивированное насилие.

– Предотвратить? – уточнил Рассвет.

– Устранить причину, – холодно отчеканил Моллой. – Вырезать больной участок. Отсечь опухоль. Так будет понятно?

– Вполне, – подтвердил Рассвет. – А что там насчет отпуска?

– Его пока никто не востребовал. Я с удовольствием отдам вам вакансию, если мы друг друга поняли. На службе вам приходилось решать подобные проблемы?

Командир саламандринов фыркнул:

– Случалось. Будьте уверены.

Закончив разговор, Моллой надолго углубился в изучение демонских типажей из стана южан. Он просматривал записи, изучал сюжеты. Ошибка могла стоить дорого. Архитектору был нужен амбициозный тип с задатками лидера. Такой, которому уже стала претить фигура Шакса на пьедестале власти. Такой, которому захотелось бы самому попробовать выйти на первые роли.

А в открытом на компьютере файле горели коды к максимальному стимулу для демона–карьериста – неограниченному ресурсному кредиту. Архитектор тщательно подготовил беседу и нажал на вызов.

Линия Слика. Возврат долга

Следующим утром Набуяг настолько резво взялся осваивать соседние пещеры, что я подумал – теперь моя личная жизнь наладится, по крайней мере, кабинет правительства скоро съедет из Хибары. Тенгир вместе с Лазарем решали, где разместить демонское пополнение. Сошлись на временных землянках по берегу. Потом, когда наш бюджет позволит, военный министр собрался возвести на другой стороне Флегетона полноценный инфернальный чертог. Штатный кумиротворец Велчерона мгновенно придумал название «Дом Тенгира», или сокращенно «ДОТ», чем привел монгола в полное умиление. А я по–прежнему олицетворял законодательную власть, раздавая указы и вынося приговоры. Можно ли стать счастливым в аду? Человек, оказывается, может обрести счастье, где угодно, даже в преисподней. Хотя бы на миг. Лучезарный небосвод будущего благоденствия не портило даже рогатое облачко Шакса. Мне не привыкать к опасности. Придет время, и мы решим наши разногласия. С помощью оружия или техники боя голыми руками. Если я возьму верх – хорошо, если проиграю – то тоже не стану огорчаться, поскольку к этому моменту я уже буду трупом. Так зачем переживать? Мое философское настроение уничтожил Хухлик, который опустился на середину плота и внезапно

заговорил чужим голосом:

– Демон Велчер, вам необходимо срочно появиться в своих апартаментах.

Никаких лязгающих звуков, чистый и ровный тон. Я вздрогнул. Жизнь научила меня опасаться любых сюрпризов, потому что все они потом оказывались неприятностями. Эти типы забрались моей птице в голову и передали через нее свое сообщение. Такая штука, с их возможностями, не составила им труда. Как я и предполагал, в Хибаре меня ожидала уже знакомая голограмма в виде тощего длинного субъекта с затененной физиономией. Того самого, что предупредил о засаде южан и расширил функциональные возможности моего питомца. Проекция показала его на фоне рабочего кабинета с распахнутыми окнами и занавесями, которые шевелил легкий ветерок. Милый пейзажик. Издевается? Этот тип, с наглым апломбом лица, оказавшего мне немалую услугу, коротко изложил свое дело.

– Нет, – решительно ответил во мне зловредный демон Велчер. – Не хочу.

– Велчер, боюсь, что у вас не остается выбора. Вашу персону пытались превратить в публичную фигуру. Эту ошибку мы исправим, но на время нужно удалить вас с переднего края.

– Ха. Мне не впервой становится объектом внимания для медиаканалов.

Субъект без лица промолчал, словно пытался справиться с гневом. Потом продолжил. Его голос был наполнен терпением:

– И куда это внимание вас привело? Поймите, что и в данном случае перспектива тоже невеселая. Даже из-за специфики шоу. Много ли вы видели фильмов про преуспевающих, счастливых людей?

– Я вообще их не смотрю. Ты в курсе, чем я занимался до Лавакрона? У нас там каждый день были сюжеты похлеще выдумок твоих сценаристов.

– Капитан Слик! Если вы не знакомы с сегодняшним форматом медиасериалов, то поверьте мне на слово – людям не интересно глядеть на благополучие других, особенно на фоне собственных проблем. На главного персонажа по закону жанра обрушиваются все беды мира. Вам мало Шакса? Его появление – только начало приключений демона Велчера. Неприятности повалятся с разных сторон. Они коснутся друзей, любимой, – тут он сделал многозначительную паузу. – Если она, конечно, имеется…

Грубый намек я понял. Они всюду успели сунуть свой нос.

– Любишь частное видео?

– Совсем нет. Сами подумайте, какие слухи ползут по Велчерону после двух ее визитов в ваше логово. Девушку уже почти назначили подружкой демона. Со всеми печальными для нее последствиями.

– Попробуй только тронуть Сару! Клянусь Творцом, я разыщу тебя, где бы ты не прятался! Если с ней что–то случится, то я переломаю каждую кость в твоем тщедушном теле. И все буду делать медленно. Понял меня, ты, кукловод? Не надо загонять Слика в угол! И не пытайся врать, что ты мой друг и стремишься помочь. На такую дешевку я не клюну!

Этот мошенник порывисто выскочил из–за стола, но через несколько секунд вернулся со стаканом в руке, в котором плескалась жидкость, похожая на апельсиновый сок. Он салютовал мне бокалом и отхлебнул глоток.

– Помогает сосредоточиться, – пояснил незнакомец, вновь поднося стакан ко рту.

– Ничего, ничего, можешь не стесняться,– великодушно разрешил я.

Мне уже полгода не приходилось пить свежевыжатые соки. Я забыл, как выглядит кубик льда, когда растворяется в коктейле. Я шесть месяцев не принимал ванну с горячей водой, не копался в расширенном ресторанном меню. Но что ему до этого? Пусть пьет. Тип до дна опустошил свой оранжевый допинг и поставил бокал на стол.

– Извините, – он решительно хлопнул в ладоши. – Вы мне не верите и имеете на это полное право. Поговорим начистоту. Велчер, или вы даете мне шанс вас спасти, или вас придется ликвидировать. Устранить. Нейтрализовать. Я не знаю, как вы, военные, это называете. Понятно? Или – или. Выбирайте.

– Вы не посмеете, – спокойно возразил я, хотя внутри не был так уверен, как хотел это показать.

Могут посметь. Они могут.

Лицо моего собеседника скрывала тень, но я был уверен, что он усмехается. Нехорошо так усмехается.

– Решили в очередной раз испытать судьбу?

– Как ты себе это представляешь? Люди мне доверились. Бросить их? Никогда! Шакс… Ах да, Шакс! Я – проблема, а он, оказывается, нет! Этот тип сражал…, – теперь уже я осекся на полуслове.

Проклятье! А если по какой–то нелепой случайности там, наверху, пропустили данный эпизод его биографии? Понимаю, так не бывает, но все же? Что тогда получается? Я взял и заложил беднягу. Ни за что! Пусть он – враг, пусть его винтовка стреляла в моих товарищей, но вот так, запросто сдать парня властям я не

мог, поэтому и прикусил язык.

– Что там с Шаксом? – переспросил мой собеседник.

– Ничего. Хотя нет, мне сдается, что у парня не все дома. Может, ему нужна помощь специалистов по мозгам?

– За Шакса можете не переживать. Подумайте о себе, – отчеканил незнакомец.

– И все равно, ответ отрицательный!

Мой злой гений (так я его решил называть) вздохнул, побарабанил пальцами по настоящей деревянной столешнице, а затем сказал:

– Поразмыслите. Не торопитесь. В качестве жеста доброй воли мы выведем из–под удара девушку. Это для того, чтобы вы перестали видеть в нас бездушных мерзавцев, – голограмма начала тускнеть, и из уменьшающейся дымки прозвучало. – А на реку сегодня не ходите. Все равно ничего интересного не будет. Скоро дождь пойдет.

– Ага, – ухмыльнулся я, хотя внутри все сжалось. – Дождь. Снег на океанском дне.

Через несколько часов я в одиночестве сидел на пригорке запекшейся лавы, и мокрые капли стекали по моему лицу. За шестимесячную вечность в Лавакроне я и забыл, что это такое – вода, низвергающаяся с небес. Поразительно, как можно радоваться простым вещам. Так, наверное, смертельно больной человек смотрит на тонкий стебелек травы. Он видит совсем другое, не то, что мы. Потому что острее всего люди ощущают свою потерю. На небе не было грозовых туч, строго говоря, и неба–то самого тоже не было. Там, скрытый за декоративными испарениями, терялся вогнутый купол Прайда, потолок нашего уровня. Одного из кругов преисподней, одного из кругов человеческой жизни для многих несчастных, кого обстоятельства заточили под эти своды.

– Глупый, очень глупый Константин Слик. До чего ты дошел? Что ты сделал со своей судьбой? – прошептали мои губы.

Где–то внутри завибрировала до отказа натянутая струна. Я вдруг понял, что очень близок к отчаянию, к срыву. Странно. Еще вчера моя душа летала в розовых облаках безграничного счастья, а сегодня провалилась в подземелье тоски. И чтобы это произошло – оказалось достаточно немного теплой воды с потолка, маленьких капель, что сейчас неторопливо ползли по моим щекам. К черту! Еще три года, и я забуду все эти склоны и огненные распадки, как страшный сон. Демобилизуюсь по всем правилам и заживу на берегу океана. Заведу семью. Нет, нет и нет. Этого никогда не случится. Слик! Кому ты втираешь очки? Система хватает тебя стальными когтями, чтобы уже никогда не

отпустить. Ты – раб ситуации. И на одной тропинке вы с ней спокойно не разойдетесь. Кто кого.

– Они меня обложили. Они не оставят меня в покое, – нервная тряска отступила и вдруг пришла холодная злая уверенность.

Как же мне здесь не хватает облаков. Настоящих белых облаков. Почему? Среди них всегда можно разглядеть просвет. Или нафантазировать его себе, если горизонт безнадежно затянут серым.

Я вытер мокрое лицо и встал на ноги.

– Ладно, ребята, будь по–вашему. Следующий матч мы играем на поле соперника. Вы ведь не абсолютные гении. Наверняка есть что–то, чего вы не смогли предусмотреть. Я собираюсь держать глаза открытыми. Я найду ваши просчеты, и вот тогда мы переменим правила. А пока Слик–Велчер станет паинькой. Хватит дергать за усы Систему. Попробуем использовать ее инерцию.

Они хотят, чтобы я возглавил группу, которая спустится до самого дна. Стал ее проводником. Речному паромщику Велчеру предстоит сменить амплуа и теперь вести грешников, как по мокрому, так и по сухому пути. Почему, когда жизнь человека только–только начинает налаживаться, кто–то с небес, давя злорадную ухмылку, тут же подбрасывает новые испытания? Там, наверху в канцелярии Творца, тоже снимают свои медиафильмы и следят за сюжетом, чтобы зритель не заскучал?

Когда я, скользя по мутным ручьям, добрался до переправы, то народа и впрямь не обнаружил. Все сидели по норам, словно мыши. Причиной безлюдья был совсем не дождь, а десяток демонов зловещего вида, среди которых выделялся Хормуст верхом на Лунном Зайце. Он горделиво восседал в тряпичном подобии седла и вел неторопливую беседу с Тенгиром. Седые волосы молодого старца сегодня были убраны в подобие хвоста, плечи украшала пародия на придворный мундир. Рядом вертелся мой магистр в промокшем меховом халате. Грузный, с блестящей от капель дождя тонзурой, Набуяг напоминал пожилого и не очень опрятного индюка.

– Привет столичным гостям, – вежливо поздоровался я на подходе.

– Здравствуй, Велчер, – буднично поприветствовал меня китаец.

Он задрал вверх голову с козырьком ладони и бросил, глядя на свод:

– Ты, случайно, не причастен к этому безобразию?

– Смеешься? – нахмурился я.

– Совсем нет. Просто большинство неожиданностей в последнее время прямо или косвенно исходят от тебя.

Каков, а? И, что обидно, попал в самый центр мишени. Про таких снайперов говорят: «Куда положу глаз, туда положу пулю».

– Ты что–то имеешь против летнего ливня? Жару сбило, администраторы на время отключили испарения и лаву. Мы все немного отдохнем от зноя. Разве не потрясающе?

– Пойдем, побеседуем наедине, – китаец спешился и бросил поводья Лин Ту на руки одного из своих бойцов.

– Тенгир будет с нами. Он ведает всеми военными вопросами.

Хормуст усмехнулся:

– Вот когда речь пойдет о войне, мы его и позовем. Хорошо?

Набуяг подскочил и сунул мне в руку пару синтетических ковриков:

– На камни постелите. Мокро.

Мы взобрались на косогор берега и отбрели на пару десятков шагов. Я приметил два подходящих валуна, застелил их взятыми у своего градоначальника половиками и уселся на один из них. Хормуст кивком поблагодарил меня за любезность, но присаживаться не стал. Вдали мелькнул силуэт дикого эдуса. Что–то многовато тварей за последнее время появилось в Прайде. Сколько, интересно, из них сегодня получат короткие замыкания? Эх, мой таинственный друг, обеспечил ты служителей Лавакрона новой работенкой! Хотел показать, что, типа, всемогущий? Так это напрасно, не производят на меня эффекта театральные представления. Лучше бы подбросил ресурсов для Велчерона.

– С чем пожаловал?

Хормуст раздумчиво почесал затылок:

– Попробовать договориться.

– Валяй. Ты, по–прежнему, премьер–министр цветочного матриархата? Не скинула тебя ваша бестия? Кстати, как она? Все также любит обтягивающие одежды? А что Пурпурный дворец? Хоть фундамент заложили или продолжаете рыть катакомбы, как кроты?

Китаец поморщился:

– Велчер, ты меня очень обяжешь, если хоть какое–то время не будешь переть на рожон. Ситуация–то паршивая. Для тебя в первую очередь.

Они что, сговорились? Сегодня у всех рисунок моего будущего выполнен черной краской.

– Обоснуй.

– Если мы объявим вам сейчас войну, твоему городу придется солоно. Сколько у Тенгира демонов? Думаю, что тридцати не наберется. И все необстрелянные. А у нас – пятьдесят уже

обученных бойцов. Мы же снесем Велчерон под корень. На что вы рассчитываете? На саламандринов? Так это напрасно, потому что охране наплевать на наши разборки.

– Азриза жаждет кому–то пустить кровь? У вашей сучки что, затянулись особые дни? Или Гэгэн плохо ее ублажает? Чего вам не живется спокойно?

Хормуст мрачно взглянул в сторону поселения:

– Вы расширяетесь. Сколько сейчас грешников в Велчероне?

– Да кто их считает! Мы никого не прогоняем, всех берем.

– Ну и зачем северному клану такая проблема в тылу? Да еще с Велчером во главе, который плевать хотел на Пурпурный дворец?

– Хормуст, мы готовы признать вашу кодлу главной и даже выплачивать необременительную дань. С Набуягом можно обговорить совместные акции угнетения, если это необходимо. Давайте заключим союз против южан и будем регулярно лупить их на переправе. Неужели нам обязательно между собой враждовать?

Китаец раздвинул ярко–красные губы в недоверчивой улыбке:

– Велчер, ты опять пытаешься со мной темнить. Не считай меня дураком. Даже если сейчас ты пойдешь на сговор, то через несколько месяцев положение дел заставит тебя расторгнуть союз. Велчерон станет крупным поселком, его правитель – большим боссом. Привлеченные легкими очками УЕ сюда стянется большая часть демонского отребья. Тебя просто принудят послать нас подальше. Поэтому ты и пытаешься сейчас любым способом выторговать себе отсрочку.

Однако. Какой я, оказывается, коварный тип!

– О–о–ох! Как же мне надоели эти идиотские разборки. Вы еще и с Шаксом, наверное, уже снюхались?

– Не совсем. Южане не идут на союз, хотя мы им предлагали. Шакс говорит, что покончит с тобой сам, без нашей помощи, – неохотно признался Хормуст. – Вряд ли тебе стало легче от этой новости.

– Мдя. Веселого мало, конечно. То есть, никакого выхода? Только драка? Чего же ты меня на свидание приглашал? Объявил бы войну и скакал обратно к мамочке, пока косметика не потекла!

– Она не потечет. Хирургическая пигментация, сам знаешь, – хмуро ответил Хормуст и вздохнул. – Тяжело с тобой, Велчер.

– Мне и самому с собой непросто. Так что насчет выхода?

– Он есть. Ты переселяешься в Пурпурный дворец вместе с Тенгиром. Получишь при дворе самую лучшую должность из тех, что остались. Велчерон объявляется протекторатом. Пусть Набуяг

им управляет. Все равно толку от него нет – ни оргию, ни простую вечеринку организовать не умеет. Все зачетные баллы УЕ пойдут в казну северных демонов, а сюда мы будем кататься на акции угнетения. Соглашайся, а? Объединимся, как было до всей заварухи. Братья между собой помирятся. Закончим свару и будем давить южан всей силой. Соглашайся!

Я отрицательно покачал головой:

– Не пойдет. Нижняя излучина Флегетона – отличное место, и я не горю желанием отсюда сваливать. Я уже привык к бульканью Альтамиры Крови, мне нравится ее прохлада. Да и с Азризой мы не уживемся.

Хормуст развел руками:

– Тогда война. Я, признаться, не слишком рассчитывал на твое здравомыслие, но попробовать стоило.

– Погоди.

– Ну?

– А если я на время исчезну? Все будет выглядеть так, как если бы я испугался. Скрылся, бросив город на произвол судьбы. Велчерон перейдет под вашу власть, его правитель будет заочно осужден и осмеян. Полная победа для тебя, браток. Что скажешь?

– Опять хитришь? Признавайся, чего задумал?

– Хормуст, расслабься. Тут все чисто. Мне просто надо выполнить одно поручение за пределами Прайда. Думаю, в лучшем случае дельце займет месяц, а скорее всего, что намного дольше. Вернусь – встретимся и поговорим. Накал к тому времени обязательно спадет. Жизнь войдет в нормальное русло.

Китаец задумчиво отбросил со лба седую прядь:

– Значит, Велчерон лишится своего вожака, а мы – главной головной боли? Хм. Получается, что воевать уже не нужно, поскольку не с кем. Может сработать. Я поговорю с Азризой. Мне совсем не хочется биться ни с тобой, ни с Тенгиром. А что твои парни? Как они отнесутся к нашему сговору?

– Думаю, что хреново. Но я попытаюсь втолковать ребятам, что это наш единственный шанс.

Разговор с соратниками сложился легче, чем я загадывал. Тенгир с истинно восточным спокойствием воспринял новость. Мир? Хорошо. Но я и повоевать не отказался бы. Пришлось немного прояснить перспективы. Я использовал тактику Хормуста, поскольку нашел ее занятной, и предложил собирать силы и выжидать столько, насколько хватит терпения наших соседей. Ну, а потом, когда Велчерон обрастет боеспособными демонами, мы разом сведем счеты со всеми обидчиками. Тенгир неопределенно помычал, но согласился. Он никогда не

претендовал на главенство в стратегии, за что и был мной отдельно отмечен. А хитрый Набуяг так и вовсе возликовал, едва услышал о передышке. Лжемонах с самого начала не жаждал ничьей крови, он больше был расположен к стяжательству и беспутному образу жизни, до которого наконец смог дорваться.

Стоило мне развязать один узел и похвалить себя, как судьба тут же нанесла точный удар в солнечное сплетение, вернее, ниже. Мы заседали в Хибаре, когда вдруг объявился мой стимфалиец с сообщением, что к пристани Велчерона причалила лодка. Я и так собирался в поселение, хотел увидеться с Сарой. Между нами уже промелькнула искра, теперь требовалось осторожно раздуть костерок. Весь предыдущий день я чувствовал на себе ее взгляды, они обещали многое. Мой пульс взрывался, стоило мне только подумать о грядущем вечере. Лазарю был сделан заказ на роскошный ужин, а ребятам я вежливо намекнул, что им сегодня лучше побыть с народом, установить, так сказать, связи. Мы втроем резво перетащили плот через Флегетон. Около пристани был пришвартован катамаран охраны, возле которого, естественно, толпился грешный люд во главе с Лазарем. Какие–то тюки сгружались на песок, связки сушеной рыбы закидывались в специальные тарные ящики. Товарообмен шел полным ходом. Сара стояла у самого борта и о чем–то беседовала с ящерицами. Увидев меня, девушка сделала пару шагов навстречу и сказала:

– Я еду домой.

– Что?!

Наверное, я застыл с таким ошарашенным видом, что саламандрины даже не стали здороваться, а переглянулись и полезли в лодку. Сара смущенно улыбнулась, в ее голосе промелькнули виноватые нотки:

– Мой срок вышел.

Клянусь, я настолько отупел, что чуть не предложил ей задержаться на недельку в Прайде. Едва успел пересилить себя и не стал в глазах окружающих идиотом. А вместо этого произнес:

– Поздравляю.

– Спасибо.

Сара неожиданно обняла меня за шею и быстро поцеловала в губы. Со всех сторон послышался восхищенный свист.

– Велчер, ты – славный, – она протянула мне клочок бумаги. – Здесь моя почта. Я живу в Каеллуме, это на севере, и у нас очень красивые закаты. Позвони мне как–нибудь, когда вырвешься отсюда.

– Кем ты работаешь?

Сара потупила глазки:

– Я – актриса. Удачи тебе в демонских начинаниях.

Она повернулась и пошла к катамарану. Ее фигурка походила на ожившие песочные часы. Один из саламандринов галантно предложил девушке руку, чтобы было удобней подняться на борт.

Лодка отчалила, а я остался торчать на берегу, словно швартовый битенг. Искусал до крови губы в бессилии и досаде. Нет, но как красиво он меня уделал! Я не то, что ему, себе не могу ничего сказать, чтобы в загривок тут же с криком не вцепилась совесть: «Почему из–за твоих проблем должна страдать ни в чем не повинная девушка?! Ее помиловали! А ты, эгоист, наверное, хотел бы наблюдать Сару рядом пожизненно! Милашка, хочешь каторгу в Прайде до конца твоих дней? Будешь скрашивать одинокому демону ночи, как тебе такая перспектива?» Вот именно, дружище. Твой стиль – не обойти по пути ни одну навозную кучу. Ладно, нравится навоз, никто не осуждает, бывают у людей причуды, но зачем ты пытаешься провести через него женщину? Сначала у Тиа рухнули все планы. Она ни за что не пожелала связать со мной судьбу не из–за лагеря для военных. Я вдруг понял это с кристальной ясностью. Лагерь плюс несносный характер Слика. Такой рецепт коктейля оказался ей не по вкусу. Теперь у меня чуть не получилось втравить Сару в заваруху, исход которой для меня самого не слишком понятен. Слик–Велчер. Два имени в обвинительном акте, где больше слов не нужно, потому что это и есть основной приговор.

В периферийном зрении расцвела розовая лысина Лазаря. Старик громко посопел носом, очевидно возвещая о своем присутствии, потом заявил:

– Есть такое словосочетание: «год скитаний». Иногда человеку просто необходимо сменить пейзаж перед глазами, чтобы изгнать из души тревогу. Думаю, Велчер, у вас настает как раз это время.

Ты–то куда?! Неужели мои проблемы так легко читаются у меня на физиономии? Хотя старик искренне хочет помочь. Я покровительственно похлопал его по плечу:

– Спасибо, Лазарь, за совет. Думаю, что в самом ближайшем будущем я ему последую.

По моему лицу прошлось приятное дуновение ветерка. Жаль, что оно сопровождалось тошнотворным привкусом серных испарений. Это несколько ядовито–желтых смерчей гонялись на другом берегу Флегетона за механическим уборщиком. Наконец, они прижали маленького робота к луже из магмы и накрыли своим дымным покрывалом. Через минуту смерчи втянули свои плотные щупальца куда–то под потолок Прайда, а на месте уборщика остался сиротливо торчать металлический штырь, который заменял ассенизатору грунтовый якорь.

Негоже мне, бывшему капитану Слику, уходить вниз, на уровень Стимония, оставив за спиной незаконченные дела в виде Шакса. Этот чокнутый вполне способен вообразить, что я действительно струсил, и попробовать отыграться на моих друзьях. Хватит подставлять Тенгира и Набуяга. Хорошо бы не до конца его убить, а лишь слегка покалечить. Может быть, от побоев рассудок вернется к вояке? Право, жаль полудурка, прикончить его для меня все равно, что шлепнуть… не знаю… какую–нибудь дикую и голодную зверюгу, что таращится на тебя из кустов. Она–то в чем виновата? Я поймал себя на мысли, что практически испытываю к нему сострадание. Но придется его пришить – он просто не оставил мне выбора. О том, что наша разборка может сложиться не по моему сценарию, я даже помыслить не мог. Не убиралась у меня в голову такая вопиющая несправедливость, как его победа.

Поутру я извлек из кладо–гардеробной чистый плащ, закинул за спину дорожную торбу и отправился вглубь пустыни Прайда. Из оружия в ножнах на бедре был припрятан небольшой нож, а пару «шоквокеров» я рассовал по карманам балахона. Курс моего движения уперся в Джабель Мести, оставляя по касательной окрестности Пурпурного дворца. Их я тоже собирался посетить. Два дня. Столько времени я дал себе на окончательное подведение итогов с Шаксом. Этот тип с поверхности, что скрывал личность и изображал из себя крупную шишку, заявил при последнем разговоре: «Будь готов отправиться через неделю». Сутки миновали, теперь в моем распоряжении осталось чистых шесть дней – время, как раз достаточное для хорошей драки, зализывания ран и последней прощальной пирушки.

Весь берег Велчерона оказался сегодня покрыт жирным слоем глины. Грешники неуклюже скользили по грязи, а когда шлепались, то в воздух взлетало прочувствованное ругательство.

– Что это вы такое устроили? – недовольно пробурчал я Лазарю.

Староста гордо указал на цепочку костров по косогору:

– Наши печи для обжига. Будем производить посуду, но это не главное. Мы попробовали – из глины получается вполне сносный кирпич. Теперь вместо землянок мы сможем строить нормальные дома. С печками внутри и дымоходами!

– Молодцы! А глину откуда приволокли? Альтамиру разоряете потихоньку?

Лазарь виновато мигнул.

– Там этого добра навалом. Мы немного взяли. А за берег не беспокойтесь, мы все приберем, будет чище прежнего. Только вот пришлось сбагрить саламандринам почти все запасы рыбы в

обмен на топливо.

– Лазарь, я вам доверяю. Хозяйствуйте с магистром, как считаете нужным.

На самой переправе шла оживленная меновая торговля с очередным караваном стражников. Эти лодки начали ходить к нам с регулярностью линии метро. С чего бы? Может, наша добыча вкуснее или в излучине ее просто больше? Делом заправлял Набуяг. Он метался между связками вяленой рыбы и тюками барахла, как заведенный. Засаленный халат магистра болтался нараспашку, и из него пикантно торчало смуглое брюхо городского главы. Тенгир сообщил мне, что как только на реке показался катамаран охранников, из пустоши Прайда состоялся первый набег демонов непонятного роду и племени. Атаку отбили импульсниками, налетчики уже очухались и, скуля, убрались восвояси. Тенгир лично провел с ними беседу на предмет того, что, если они еще раз сунутся, то невинным параличом дело не ограничится. Защита Велчерона решила обзавестись дубинками и кастетами, Набуяг как раз сегодня передал на них ордер саламандринам.

Узнав, куда я собрался, мой военный министр тут же предложил выделить десяток бойцов для сопровождения, но я ответил отказом. Здесь дело личное, тут не нужна военная экспедиция.

– Смотри сам, в глубине Прайда сейчас тревожно. Развелось полно всяких шакалов, – предостерег Тенгир напоследок.

– Ничего. Пара белых перчаток – отличное успокоительное средство, – отмахнулся я и полез на прибрежный откос.

– Будь острожен. Староста говорит, что в последние несколько дней поток грешников в Велчерон словно перекрыли плотиной. Это неспроста, – крикнул Тенгир мне в спину.

– Хорошо. Я разузнаю, что к чему.

Флегетон своим руслом, словно хирургическим скальпелем взрезал равнинный пейзаж Прайда. Да так, что края раны задрались вверх крутыми берегами. С возвышенности открывался далекий вид на каменистую долину: угловатые терриконы породы, пунктиры газовых гейзеров, что били под самый свод, пульсирующие магмовые ручьи. Картина вполне оформленная, но совершенно неземная. Даже не верилось, что все окружающее создано руками человека или их механическими продолжениями, а возникало чувство – перед тобой совершенно отдельный мир, никак с поверхностью планеты не связанный. Молодцы архитекторы, свое дело знают. И невольно закрадывалась шальная мысль – а не аналогичным ли образом возникло все остальное? Наша планета, Галактика, Вселенная. И в сознании

вдруг начинают качаться колонны незыблемых постулатов.

В прошлый раз, когда на носу была сшибка с южанами, мы дошлепали до переправы за три часа бодрого шага. Сегодня я избрал окружной маршрут, свернул с утоптанных тропинок. Я рассчитывал выйти на дорогу близ Пурпурного дворца к вечеру, свершить намеренное, и на следующий день, полным сил, добраться на Джабеля Мести, чтобы заняться Шаксом.

Между холмами бродили группы фигур в серых рубищах, но при моем приближении грешники расступались. Я словно двигался внутри невидимого силового поля. Хухлик живым радаром кружил над головами людей и изредка ржаво каркал. Мне пришлось убрать его охранные установки – еще долбанет кого–нибудь клювом по темечку.

Ближе к полудню я заприметил валун, дававший хоть какую–то тень, и расположился на привал. Ветрогенераторы сегодня молчали, стояла знойная тишь. Есть не хотелось, зато моя набедренная фляга сразу опустела наполовину. Прямо около моего булыжника, сквозь трещины в коре Прайда наружу пробивались несколько маленьких пылевых вихрей. Недолго думая, я расшнуровал тяжелые ботинки и высунул из них усталые ноги.

Из–за спины послышались приближающиеся человеческие голоса – мужской и женский. Они спорили, горячились по поводу какого–то Эрдела, который вчера имел неосторожность обнять обладательницу женского голоса. Удивительно, что все моральные догмы древности, уже изжитые полностью наверху, вновь густо проросли в Лавакроне. Гнев, жадность, ревность. Попробуй приревновать красивую девчонку из своего жилого блока! В лучшем случае тебя поднимут на смех, в худшем – отправят на прием к психологу. Еще бы, ты предъявил некие права собственности на разумную и независимую единицу общества. Ты, как минимум, слегка не в себе. Да, еще остались брачные союзы, есть взаимные обязательства, но ревность – это порок, явный порок. Недоверие плюс гендерное доминирование одного из партнеров. А тут, в Лавакроне, с людей мгновенно слетел налет псевдогуманности, и многие из них стремительно покатились в сторону животного царства.

Люди остановились с другой стороны камня, продолжая ожесточенно препираться. В конце концов, мне надоело их слушать, и я поднялся на ноги. За громким «Ой!» последовал разворот на триста шестьдесят градусов с дальнейшей попыткой удрать, но я пресек бегство парочки командным окриком:

– Стоять!!!

Снова двойное «Ой!».

– Подойдите ко мне.

Молодой парень лет двадцати, щуплый и взъерошенный. Из серого рубища нелепо торчали тощие ноги в разбитых старых ботинках. У него из–за плеча выглядывала девушка, его ровесница. Вот только смотрелась она совсем по–другому. Не так растерянно. Рубище у девицы было в поясе перетянуто цветной лентой так, что выгодно подчеркивало ее округлые формы. В постоянно меняющемся мире мы, люди, остаемся неизменными. И там, и тут.

– Куда двигаетесь?

Парень боялся. Он страшился меня, и еще больше – унижения себя мной перед симпатичной подружкой, что вызывающе стреляла глазками прямо над его узкой ключицей. Э–э–эх! Бедный грешник. Смирись со своим незавидным будущим.

– Повторяю вопрос: куда вы направляетесь? – последние три слова я разделил внушительными паузами.

Через пять минут испуганного мужского мямленья я уяснил, что в двух милях на север от моего валуна образовалось стихийное поселение грешников. Его защищали (и контролировали, соответственно) штук пять независимых демонов. Они же раздавали вассалам вожделенные доллары, снисходительно собирали дань женской красоты и были счастливы. Только вот с рационами приходилось туго. Демоны обещали, что вскоре все наладят и сгоняли к себе новый народ.

– Так, слушать меня. Если пойдете по руслу реки вниз к водопаду, то набредете на город Велчерон. Там люди живут сообща, вместе ловят рыбу, но самое главное – там точка раздач и нет проблем с питанием. В Велчероне найдете главного по военным делам. Его зовут Тенгир. Расскажете, как отыскать ваше дикое стойбище. Демоны Тенгира освободят остальных грешников, все получат приют в Велчероне, нормальное питание и, – я запнулся, глянув на смазливую барышню, – Очки «DU» без каких–то обязательств и унижений. Ясно?

– А кто нас послал? Если Тенгир спросит об этом, – поинтересовалась девица.

– Велчер. Вас направил к нему Велчер.

– Спасибо, – сдержанно сказал парень.

– Никаких «спасибо». Триста отжиманий за глупые разговоры! – гаркнул я и, подумав, добавил. – С паузами отдыха. Времени даю двадцать минут.

Молодой ревнивец бросил на меня благодарный взгляд (ну как же – вожделенные баллы «DU») и упал на землю.

– А ты что застыла?! Четыреста отжиманий! За…за…за то же самое!!!

Я резко отвернулся, чувствуя себя идиотом, сунул ноги в ботинки и пошел прочь. Ладно, пусть доллары им на пользу, но если взглянуть правде в глаза – что я мог ей вменить, будь разговор по справедливости? Что она – женщина? И все делает по зову крови?

Через милю почва превратилась в скользкую корку, и темп моего движения упал так, что я уже с десяток раз выругал себя за тягу к приключениям. Надо было идти по тропинке, а не лазать по пустошам Прайда.

– Хухлик! Ху–ух–лик!!!

Стимфалиец лег на крыло, срезал очередной круг и спланировал на землю в трех шагах от меня.

– Птица! Лети вперед и ищи дорогу. Я подожду тебя тут.

Он обернулся за несколько минут и доложил, что тропа находится справа, и до нее меньше мили. Когда я выбрел на пешеходный тракт, то неожиданно напоролся на небывалое зрелище. Сбоку от дороги стоял не то трон, не то постамент из костей. Его высокую спинку украшали два вытянутых звериных черепа, а сиденье было застелено красным бархатным покрывалом. Между безглазыми набалдашниками примостился здоровенный остроухий нетопырь. На этом прихотливом пьедестале возлежал маленький демон в маске обезьяны, а вокруг сидели штук десять эдусов и нестройно подвывали незнакомую литанию. Он был одет в какие–то мохнатые лохмотья, видимо, призванные имитировать звериную шкуру. Сбоку от трона била струйка маленького родничка с питьевой водой.

Я молча подошел к ручью и наполнил флягу. Демон–примат не спускал с меня глаз, а руконогие големы прекратили пение и принялись рычанием выражать свое недовольство. Я с наслаждением напился прохладной воды и вновь подставил под фонтанчик свою походную емкость. Демон продолжал исследовать меня пристальным взглядом.

– Привет, мартышка, – прервал я наше молчание. – Не жарко твоей заднице на такой подстилке?

– У меня кондиционер в сиденье, – буркнул демон, сбитый с толку моим фамильярным обращением.

– Удобно. Жратва тоже там?

Хозяин трона предпочел сей вопрос обойти молчанием. Не любит, значит, откровенничать на личные темы.

– Далеко до Пурпурного дворца?

– Нет, не далеко. Но тебя там не ждут.

– А ты откуда знаешь?

– Мое имя – Риши. Я прорицатель и знаю многое.

– Ого. Риши, значит. А летучая мышь у тебя на ходу? Или так,

вместо украшения?

– Его зовут Уле. Он – снежный нетопырь.

– Хорошее место для зимовки выбрал твой Уле. В Прайде снега пока не наблюдается. А речевой блок у него есть?

– Это неважно.

– Важно, поверь мне, – проникновенно сказал я, подходя ближе.

Крайний эдус прервал рычание и позволил себе угрожающее движение. Немедленно получил пинок в корпус, откатился в сторону и завыл. Остальные быстренько очистили пространство на несколько шагов.

– Ты ломаешь имущество Пурпурного Дворца! – завопила демонская мартышка.

– Перед тем, как начать ломать тебя, мне необходимо было размяться, – как бы извиняясь, пояснил я и облокотился на костяной поручень. – Пластик. Хвала Творцу, а то я уж подумал… Чего же ты отодвинулся? – я схватил его за мохнатый загривок и заговорщицки зашептал демону в самое ухо. – Значит так, Риши! Раз ты знаешь, что меня не ждут в Пурпурном Дворце, стало быть, ты оттуда, прорицатель. И торчишь тут явно не как часть пейзажа, в этом тоже есть какой–то замысел. А твоя снежная тварь – типа телеграфа. Электронная рация на крылатом ходу. Я просто рассуждаю вслух, усек? Какой отсюда вывод? У гонца обязательно должен быть речевой аппарат. Отлично. Сейчас ты своим голосом надиктуешь нетопырю маленькое сообщение. Будешь повторять за мной. Дословно. Понял, пародия на обезьяну?

– Ты – Велчер! – выдохнул он с ненавистью. – Скоро с тобой покончат! Об этом все говорят!

– Твое утверждение может быть верным, но оно способно привести меня в состояние ярости. Ярость – отсутствие контроля. Находясь в припадке, я могу скатать в рулон твою маску Ханумана и аккуратно забить ее прямо тебе в глотку. Или ты – мазохист и стремишься меня разозлить?

Не то, чтобы я очень любил давить на людей, просто мне нужно было достичь своей цели, а такой способ, на мой взгляд, был самым быстрым. Тактика запугивания принесла свои плоды. А меж тем, я даже пальцем его не тронул, даже не собирался. Когда нетопырь отчалил, его место занял верный стимфалиец. Риши то косился на блестящие когти моего птенчика, то вертел головой на меня, в общем, он оказался непоседой. Я подумал, что нужно развлечь отшельника разговором.

– Ну и что ты прорицаешь, мой друг? Можешь применить свое искусство на мне. Разрешаю.

– Я предсказываю грешникам их судьбы, – угрюмо буркнул

Риши. – Только им.

– Ага. Всем, кто идет по дороге в сторону Велчерона, ты наверняка обещаешь жизнь, полную несчастий и лишений, но без малейших надежд на «DU»? А тем, кто сворачивает на Пурпурный Дворец – наоборот, скорейшее избавление и освобождение из Лавакрона. Верно?

Риши опять не наградил меня ответом. Но мне и так все стало ясно. Азриза и Хормуст применили тактику блокады. Интересно, а как к этому относится Гэгэн? Совсем утратил родственные чувства к брату? Как раз ему я отправил послание. Только не от своего имени.

«Риши просит Гэгэна срочно подойти к нему. Есть маленькое, но неотложное дело».

Маленькое – чтобы монгол пришел один, а неотложное – чтобы не махнул рукой на обезьянью просьбу. Младший брат Тенгира появился через полчаса. Значит, предсказатель не соврал – до Пурпурного Дворца и впрямь было недалеко. Он шел по дороге вразвалочку, такой походкой обычно передвигаются спортсмены и в ней есть суть угрозы. Сухопутная рыба–тяжелоатлет. До чего же улыбательное зрелище! Гэгэн увидел меня и остановился, а я встал от подножия костяного трона и зашагал к нему навстречу. Надо мной просвистел ускорителями снежный нетопырь. Летучая мышь сверзилась прямо на колени своему хозяину, поскольку на его штатном месте по–прежнему торчал Хухлик.

– Спасибо, Риши, ты оказал мне услугу. Птица! Режим наблюдения! – стимфалиец послушно взмыл в воздух и начал закладывать свой обычный широкий круг.

– Зачем ты пришел сюда, Велчер? – хмуро спросил Гэгэн.

– С тобой увидеться.

– Из–за тебя я потерял брата. Мы теперь враги! – монгол не сказал, а выплюнул мне эти слова в лицо и повернулся, чтобы уйти.

– Погоди, Гэгэн. Дай мне пару минут, – я попытался задержать монгола за рукав, но Гэгэн зло выдернул руку, хотя и остановился:

– Чего тебе от меня надо?

– Помирись с Тенгиром.

– Ни за что! Он всю жизнь мной командовал, а я подчинялся. Даже когда ему светил трибунал, я как брат поддерживал его. У всех в армии были начальники, а у меня всегда было одним больше. Единственный раз мне понадобилась его помощь! Один раз ему нужно было встать на мою сторону, но он выбрал чужого. Он выбрал тебя, Велчер. Почему? Разве родство для него ничего

не значит? Он предал меня.

– Ты не прав, Гэгэн. Тенгир не менял брата на чужака. Просто ты уже сам выбрал Азризу. Сейчас ты не понимаешь, но у этой женщины душа настоящего ракшаса. Тенгир боялся за тебя, хотел предостеречь, но его брат пошел вслед за распутной женщиной.

– А разве он сам не попал на службе в беду из–за девчонки? Но ему все можно, ведь он старший!

– И все–таки, Гэгэн, вам лучше помириться. Вы оба будете несчастливы порознь.

– Пока рядом с ним Велчер, Тенгиру наплевать на брата.

– В том–то и дело, Гэгэн. Я скоро ухожу из Прайда. Так нужно. Тенгир останется один. Он не справится против тебя и Хормуста. Но сдаться, покориться, он не сможет по причине своей гордости. Неужели твоя обида так велика, что ты уничтожишь родную кровь?

Гэгэн молчал, презрительно скривив губы. Его лицо было непроницаемым.

– Ладно. Я сказал все, что хотел. Решать тебе.

– Куда ты уходишь и когда?

– Через неделю или чуть позже мне нужно надолго спуститься на нижний этаж.

Гэгэн ничего не сказал в ответ. Я не стал протягивать ему руку на прощанье, потому что был уверен, что монгол не пожмет ее, а просто кивнул и пошел в обратную сторону. Гэгэн остался на месте, глядя мне вослед.

Когда между моей спиной и костяным троном оказалось не менее мили, я резко свернул с тропинки в направлении редкой для Прайда древесной рощи. Судя по толстым, похожим на винные бутылки стволам, это были агатисы. У меня созрел такой замысел – выйти к переправе с северной стороны, через бездорожье. Мне хотелось понаблюдать, как там обстоят дела, прежде чем пуститься в путь через Джабель Мести. Все долги уплачены. Осталось выяснить отношения с Шаксом. Хухлик улетел куда–то в сторону и, чтобы его подозвать, мне пришлось использовать трещотку. В ответ на щелканье кротала, стимфалиец вынырнул из–за темно–зеленых крон и под острым углом спикировал прямо на мою фигуру. Он набрал такую скорость, что пришлось резко отскочить в сторону. Бестолковая птица выпустила когти, цапнула ими гранитный валун, но не успела затормозить и по инерции несколько раз кувыркнулась через голову. Хухлик вскочил на лапы и застыл на месте посреди облака пыли. Мне даже показалось, что вид у него был виноватый.

– Срочный вызов хозяина выполнен!

– Молодец. Чуть шею себе не сломал. Птица, ты сейчас летишь в Велчерон к Тенгиру. Передашь сообщение: «У меня все превосходно. Затор по грешникам ликвидирован. Хухлика отправляю для экстренной связи». Принял?

– Сообщение записано.

– Угу. Ты, Хухлик, будешь ждать меня в Велчероне. Функции – патрулирование окрестностей по произвольному маршруту. Доклады лично Тенгиру. Понял?

– Команда принята.

– Слушайся Тенгира, как меня. Питание получать через него же. Усвоил?

– Команда принята.

– Ну, тогда чеши домой.

– Имею доклад по недружественным гуманоидам в окрестностях.

– Отставить. Сам разберусь. Лети, птица.

Я не просто так отправил стимфалийца, а устранил свой главный демаскирующий фактор. Именно по нему меня, похоже, вычислил Риши, который до этого мою персону ни разу в глаза не видел. Питомцев заводили себе многие демоны. Крыс, летучих мышей, птиц. Но Хухлик оказался такой один. Никто другой, кроме безбашенного Велчера, не догадался вбухать в пернатую компьютерную сущность свой заработок на полгода вперед. Я проводил взглядом летучую торпеду и зашагал к деревьям.

Когда до рощи оставалось немногим более ста футов, в меня полетела шрапнель из гравия. Один из снарядов угодил бы мне прямо в лоб, если бы я истуканом стоял на месте. Но мое тело уже совершило нырок, перекатилось за ближайший валун, уходя с линии обстрела. Я лежал, прижавшись к камню затылком и надевая перчатки, пытался понять, что вообще происходит. А мелкие кусочки щебня продолжали с треском отскакивать от моего укрытия. Жаль, что я не разрешил Хухлику доложить обстановку. Он как раз хотел мне рассказать что–то интересное об этом растительном заповеднике. По линии баллистической траектории – они засели в кронах, а судя по скорости, лупили из рогаток или пращей. Неплохо работали, даже высунуться не давали. Ничего, на деревьях камни вызревают плохо, а судя по плотности обстрела, у моих противников скоро закончатся боеприпасы.

Я попробовал на ощупь «шоквокеры», аккуратно сместился в сторону и пальнул в направлении стрелков. Отпрянул обратно, но успел получить камнем в предплечье. На руке тут же вздулся кровавый рубец. Не вовремя мне отхватывать такие травмы, ох, не вовремя. Я отполз на несколько шагов, стараясь держаться под

прикрытием валуна, и рванул вперед, к раздвоенному земляному холмику. Пращники сопроводили мой бросок порцией снарядов, один из которых пропорол штанину и задел правую ногу. С новой позиции мне было удобно высунуть вперед обе руки, и я принялся бить сдвоенными импульсами по ближайшему к опушке дереву. Буквально на втором залпе из сплетения сучьев вниз рухнул человек. Каменный дождь сразу ослаб. Я встал в рост и теперь, не прячась, обрабатывал рощу. На каждый камень мгновенно следовало два выстрела. Не прошло и минуты, как еще пара стрелков доказали верность второго закона Ньютона, а я был дважды ранен в грудь. Последний из моих противников сделал верные выводы о расстановке сил, но оказался совсем не мужественным бойцом. Он спрыгнул со своего дерева и попытался удрать. Оставить поле боя – проявление трусости, поэтому я не без наслаждения влепил ему в спину несколько залпов из боевых перчаток.

Когда я вступил под сень агатисов, то первым делом сволок в кучу тела моих недругов. Конечно же, это были демоны, причем ракшасы классического вида – с тигриными башками и накладными когтями поверх кистей рук. А приятное местечко они облюбовали! Как я его раньше не замечал? Тень, прохлада. В Прайде вообще до обидного мало деревьев, да и те представляли собой жалкие зрелища. Стоп. Этой рощи попросту не было. Она возникла тут недавно. Значит, рельеф Прайда еще не до конца сформирован, и архитекторы продолжают вносить в него изменения. Мои четверо приятелей, как черви копошились на земле. Тот, кому досталось больше остальных, слабо стонал и пускал слюну сквозь тигриные клыки.

– У меня нет времени ждать, пока вы оклемаетесь, поэтому разговор начинаем немедленно. Герой, что покажет чудеса стойкости, будет премирован зарядом прямо в морду. Дошло?! – я для убедительности пнул ближайшее тело. – Кто такие и почему стреляете сразу? Почему в ход идет травматическое оружие, а не «шоквокеры»? Отвечай, ты!!!

– Мы защищаем рощу, – едва ворочая языком, просипел ракшас. – Таков приказ.

– Кто его отдал?! Ну!!!

– Хормуст, Высший дух Пурпурного дворца, – второй тигродемон пришел на помощь товарищу.

Ай да китаец! Молодец, что говорить. Везде успел.

– Высший дух, значит… Чем метали камни?

– Рогатками…

– А почему вы без боевых перчаток? Так недолго и глаз выбить!

– Мы еще не присягнули на верность Дворцу. Завтра должен состояться торжественный «оммаж», после чего нам выдадут «шоквокеры».

Вот как. Хормуст вербует новых сторонников. А боевые рукавицы превратились в атрибут дворянской знати. Далеко пойдет этот малый. На моих глазах творилась история Лавакрона. Так складываются ритуалы, вводятся церемонии. Как говаривал некто с Востока… не то Конфузлум, не то Конфуций: «Без ритуала слова не скажи!». Что же, придется от себя добавить пару официальных нововведений.

– Вы побеждены мной в бою. Ваши жизни принадлежат мне, правителю Велчерона. Я, а не Хормуст теперь ваш новый повелитель. Возражения?

Скорбное молчание и осознание собственного глубокого залета.

– В моей власти вас казнить или помиловать. Я поступлю справедливо и оставлю вам жизнь, но заберу свободу. Вы пойдете на север по тропе, что находится за моей спиной. Дорога выведет вас к Флегетону, на берегу которого вы увидите поселение. Разыщете там демона по имени Тенгир, скажете ему, что посланы Велчером на искупление вины. Будете служить ему верно. А если ослушаетесь меня, то ваши ничтожные шкуры навсегда будут заклеймены печатью бесчестья. На всех уровнях Лавакрона любой демон, что увидит клятвопреступника, будет обязан предать его хуле или просто убить. Понятно? Не слышу!!!

– Понятно…, – проскулили в ответ неудачники.

– А теперь клянитесь в верности мне и городу Велчерону! Повторяйте за мной!

После того, как присяга была принята, я, очень довольный собой, оставил побежденных демонов и зашагал в направлении Флегетона. В этой области Прайда грунт очень походил на нормальную землю, на некоторых участках подрастала даже настоящая зеленая трава. Интересно, сколько новых геномов вкатили в ее состав наши гениальные биотехнологи, чтобы она спокойно взошла тут, в аду? Бородавки холмов вспучивались, становились выше, начали попадаться первые лавовые ручейки. Я приближался к берегу реки, вне всяких сомнений. Прожекторы Прайда уже понемногу смыкали свои стальные веки, на третий ярус медленно накатывался очередной безрадостный вечер. Становилось прохладней. Пора было раскладываться на ночлег. Я выбрал одну из последних травяных лужаек и уселся посередине растительного пятна. Достал из заплечного мешка рацион, вскрыл прозрачную упаковку. Нехитрый, по питательный ужин – брикетированные овощи, мясной гуляш из тюбика и нарезанные

квадратиками прозрачные кусочки сала. Я утолил жажду какой–то сывороткой из прямоугольного пакета, расстелил на траве свой плащ и, плотно закутавшись в него, сразу провалился в сон. Чего–чего, а мгновенно отключаться в любое удобное время служба меня научила.

Проснулся я глубокой ночью. Зубы задавали ритм, тело дрожало в соответствии с ним. Интересно, а как мой друг и скиталец Набуяг переносит эту промозглую стужу? Хотя, с его жировой прослойкой любая непогода нипочем. А вот грешникам не позавидуешь. Я перебрался с травяного пятна на землю, негнущимися пальцами достал огненную таблетку и разжег костер. Кто–то толковый ее создал. Тепла она давала столько, что я быстро согрелся. В плотной ночи Прайда, вдалеке, с разных сторон мерцало еще несколько таких же огоньков. Наверняка, кающиеся. Со всех сторон их обступает тьма, а они сидят, вытянув ладони к маленькому спасительному пламени, и думают, какая же злая судьба закинула их в это нереальное место? Одиночество сжимает горло, голоса поневоле становятся тише, только отсветы огня выхватывают во мгле блеск глаз и губы, что шевелятся в немом послании кому–то. Жаль, что у меня нет адресата для ночного письма. Лазарь, Тенгир, Набуяг – вот и все фигуры, которые оживали в моем сознании среди бестелесной вереницы лиц, что окружали меня. Это, как детская карусель. Ты стоишь на месте, потом маленький пластиковый конь подвозит к тебе нового человека, вы улыбаетесь друг другу, а затем механизм жизни утаскивает уже расцвеченную узнаванием фигуру, и ее сменяет новое незнакомое лицо.

Я понимал, что круговорот этой демонской жизни меня закружил. Прежние помыслы поблекли. Антропоморфы, Метрополия и все дела поверхности Земли меня уже не беспокоили, как раньше, но все равно внутри оставалась уверенность – капитан Слик еще сказал своего слова. Судьба еще предоставит мне шанс. Нужно только его дождаться и упустить.

Тепло от костра распространилось по моему телу, я укутался плащом и на этот раз уснул до самого утра. Когда я вновь открыл глаза, прожекторы Прайда уже набросили на землю желтое покрывало первого света. На холмы вылезли механические уборщики, округлые цилиндры с кучей суставчатых лапок. Один из них подполз ко мне как раз, когда я заканчивал приводить свою физиономию в порядок с помощью гигиенического набора. Из его тельца высунулся округлый хоботок и быстренько втянул в себя пепел от ночного костра. Я кинул рядом с ним пустой тюбик зубной пасты и смятую влажную салфетку. Он немедленно запихал мусор в свой накопительный контейнер, словно сова

повертел вокруг верхней частью корпуса и покатился дальше. Мне тоже пора была двигаться с места. Сегодня мы решим наши разногласия, Шакс. Ты сам хотел этого.

Часу не прошло, а я уже лежал за крайним к подвесному мостику холму и обозревал окрестности. На переправе и вокруг нее не было ни души. Утреннее тепло подсушило почву, испарило последние капли ночного конденсата, и на жителей Прайда уже спускался с потолка обычный знойный день искуплений. Я выждал еще полчаса, но никакого движения не происходило. Решив, что дальнейшее промедление бессмысленно, я поднялся из своего укрытия и зашагал к мосту. Пора было переходить неофициальную границу владений южан, мои дела ждали меня на той стороне.

От переправы наверх, к хребту, поднималась протоптанная дорожка. Джабель Мести начинался плавно – со скопления базальтовых глыб, переходящих в скользкие от застывшей магмы склоны горного образования. Пройдя между очередными двумя холмами, я неожиданно вывалился на ровную горизонтальную площадку, на которой толклась куча демонского отродья и вдвое больше грешников. Первые развлекались в стрельбе по живым мишеням, вторые отбивались «драммерами», одновременно зарабатывая очки искупления. Тренировка шла полным ходом, так что несколько секунд меня просто игнорировали, пока один тип в облачении волколака не поднял вверх руку и не заорал:

–А ну, стойте! У нас тут чужак!

Уханье «шоквокеров» мгновенно смолкло. Ко мне тут же выдвинулась группа недоброжелателей во главе с этим самым оборотнем. Всего человек пять. Они окружили меня со всех сторон, и кто–то в качестве затравки беседы грубо ткнул мне в спину кулаком. Решение в таких случаях нужно принимать очень быстро, потому что через пару секунд тебя могут запросто начать топтать ногами. Я нырнул вниз, вывинтился из круга, одновременно выдергивая из ножен кинжал. Схватил ближайшего демона, рванул на себя и приставил к горлу лезвие ножа. Скорчил просто–таки жуткую рожу, будто хочу немедленно пустить кровь заложнику.

– Полегче, приятель, – волколак предостерегающе поднял вверх руку.

Я потащил демона назад. Тот последовал за мной, словно верная овечка за своей Мэри. Еще бы, уравнение его жизни сейчас зависело от двух переменных: остроты кинжала и моего настроения. Остальные южане молчали, не зная, что предпринять.

– Кто такой и чего здесь забыл? – поинтересовался оборотень.

По всему этот мохнорылый был тут наподобие вожака. И он

оставался спокойным, несмотря на критическую ситуацию.

– К вам нет вопросов, у меня разговор с главным.

– Каким главным? – уточнил волколак.

– С Шаксом. Вызывай его побыстрее прямо сюда. Скажи, что его ждет Велчер для финальной беседы. И если Шакс не появится, то он – трусливый койот и не достоин быть главарем. Терпение – не главная моя добродетель. Я собираюсь сначала перерезать горло этому барашку, а потом займусь остальным стадом.

Таков изначально был мой план – вызвать Шакса на поединок при его банде, и чем больше будет свидетелей нашего боя, тем лучше. Шансы остаться в живых у участников нашей схватки повышались прямо пропорционально количеству зрителей. Но южанам не обязательно было пока это знать, меня устраивало то, что в их глазах добыча мгновенно превратилась в хищника. Дворовые шавки поджали хвосты при появлении матерого волка. Выглядели они при этом довольно жалко. Желания броситься на меня никто проявлял, а я время от времени поворачивал свой тесачок то острием, то лезвием, чтобы так оно и оставалось. У их старшего в глазах появилось подобие понимания.

– Значит, с Шаксом…, – протянул он. – А что у вас за дела с Шаксом?

– Это касается меня, Шакса и армии.

Волколак присвистнул.

– Так ты – один из ветеранов? Хм… Тут такое дело… Ты бы отпустил Галвора. Он здесь вообще не причем. А Шакса ты вряд ли дождешься, приятель. Даже если выпустишь кишки всем демонам и грешникам в округе. Его нет по эту сторону хребта.

– То есть, как нет?!

– Обыкновенно. Теперь у нас всем заправляет Флаурос. Шакс низложен.

Я опустил кинжал и оттолкнул от себя заложника. Тот пролетел пару шагов, грохнулся на колени, но потом вскочил на карачки и, бодро помогая себе руками, бросился подальше от меня. Остальная четверка отодвинулась немного назад.

– Давно ли его разжаловали?

– Позавчера, – волколак кашлянул. – Отойдем?

Я раздвинул плечами остальных южан и вышел из круга. Мы обогнули ближайший холм, после чего я повернулся к оборотню:

– Выкладывай.

– Рассказывать особо нечего. Была свара, Шакса выперли из начальников. Ты не первый, кто им интересуется. При всем к тебе уважении, вчера по его душу приходили ребята посерьезней. Сдается мне – Шакс скрылся потому, что не желал с ними встречаться.

– Неужели саламандрины?

– Они самые. Среди них был один с золотым гребнем, я его никогда раньше не видел. У этого красавца на поясе болтался армейский «Блоуган». Думаю, что это как–то напрямую связано с Шаксом.

– Разбираешься в типах вооружений?

– Пять лет в военной полиции. Потому–то и помогаю тебе информацией, хотя вы, служивые, не больно нас, копов, жаловали.

– Понятно. Нет, что–то ускользает. С чего бы саламандринам разыскивать Шакса, если его метка наверняка у них на радаре? В каждом из нас находятся вшитые датчики. Иначе просто быть не может.

– Не мое это дело, но я слышал, как Шакс бахвалился, что сумел вытравить из себя все метки.

– Ловок, пройдоха.

– Угу.

– Ладно, спасибо тебе, приятель. Передай Галвору, чтобы не сердился. Мне не нужна была его жизнь.

Мы пожали друг другу руки, словно пара закадычных товарищей. Когда я отошел на десяток футов, волколак окликнул меня:

– Эй!

– Чего?

– Ты ведь – Велчер, верно?

– Какая тебе разница?

– Значит, Велчер. Ваши с Шаксом разборки… Что–то личное?

Я широко улыбнулся в ответ:

– Небольшие разногласия касательно того, в каких войсках почетнее служить.

Оборотень выразительно глянул на нож, который я до сих пор сжимал в руке:

– Небольшие разногласия, значит… Ну, да ладно, тебе видней.

Сделал прощальный жест ладонью, повернулся и направился к своим соплеменникам. А я так и не узнал его имени. Странно, оказывается, даже в военной полиции попадаются приличные люди.

Мостик уже остался за спиной, а я так и не придумал, что делать дальше. Где искать Шакса? Почему его выкинули из вожаков – понятно. Если человек совершенно точно съехал с резьбы, это, в конце концов, отражается и на остальных его деловых качествах. Южане просто не смогли пройти мимо того факта, что ими руководит шизофреник. Но как мне быть с нашей

вендеттой? Оставалось только надеяться, что до Шакса быстрее меня доберутся саламандрины, и ветеран «Хорнета» обретет свою койку в какой–нибудь тихой психушке для пробитых службой котелков. Или куда там общество девает нас таких…

Похоже, у меня не было иного варианта, как добраться до Хибары и готовиться к выходу. А остальное поручить судьбе или тому, кто у Творца этим делом заведует.

Несколько переходов спустя местность вокруг пошла на понижение. Велчерон был уже почти рядом, в часе пути, не более. Через пару ориентиров мои глаза различили под сводом тушку стимфалийца. Хухлик летел мне навстречу на форсаже, будто соскучился, однако, когда птица поравнялась со мной, из его речевого аппарата полетели совсем не слова приветствия:

– Внимание! Экстренная ситуация! Внимание! Правителю нужно срочно появиться в Велчероне! Экстренная ситуация!

Стимфалиец заложил вираж и продолжал кружить у меня над головой, не переставая голосить. Мои попытки на бегу добиться от питомца вразумительного ответа успеха не возымели. Пришлось напрячь ноги. Вот и знакомая ложбина, над которой возвышался бруствер берега Флегетона. На косогоре стоял староста и отчаянно махал мне рукой:

– Повелитель, этот жуткий демон схватил магистра и затолкал его в нору! Он говорит, что Велчер должен прийти и попробовать забрать своего человека, – прокричал он, как только мы приблизились.

Я буквально пролетел последние шаги, перемахнул через пригорок и скатился вниз по прибрежному песку. Встал на колени, жадно хватая знойный воздух. Вокруг, наверное, столпилось все население города. Ко мне протолкался Тенгир.

– Он появился из глубины Прайда. Видимо, кто–то из грешников указал ему на Набуяга. У него в руках ножи, так что мы ждали тебя. Может быть, удастся уладить дело без крови? – в голосе монгола прозвучали нотки вины – наша демонская стража показала себя полными неумехами.

Ножи. Заложник. Шакс, а мы с тобой похожи. Методы, по крайней мере, мы используем одинаковые.

– Без крови? Вряд ли получится. Почему не вырубили его из «перчаток»?

– Он взял с нас слово, что мы ими не воспользуемся. И только после этого убрал кинжал от горла Набуяга.

– Понятно. Демонское слово тверже алмаза.

– Это тот гад, что чуть тебя не прикончил? – спросил Тенгир.

– Похоже на то. Рога у него есть? Ага, значит, точно он.

Народ Велчерона подался в стороны, расчищая мне путь.

Шакс стоял под прикрытием отвесного берега, прямо перед входом в одно из жилищ. Руки он скрестил на груди, а одну ногу картинно выставил, будто позировал. На открытых плечах бугрились мускулы, два кривых кинжала были зажаты в кулаках и смотрели остриями в землю. На безопасном расстоянии от могучей фигуры толпились грешники, но никто не рисковал приближаться. Бывший предводитель южан увидел меня и расхохотался неестественно зловещим смехом, вернее, он так для себя решил, что этот смех будет выглядеть зловещим, а по мне – так он смотрелся нелепо и даже глупо.

– Где заложник?

– Если хочешь увидеть своего друга, тебе придется пройти сквозь меня, мой враг, – торжественно заявил рогатый демон.

– Шакс, – устало сказал я. – Как ты мне надоел, урод несчастный!

Ненавистник бригады «Форекон» озадаченно потер костяную бляшку на лбу:

– Я ожидал от тебя более достойного поведения.

– Ага. С чего бы? Вот есть среди животных такая болезнь – бешенство. Зверь, пораженный ей, на определенном этапе инкубационного периода инфекции становится крайне агрессивным. Кидается на всех подряд. Отсюда вопрос: почему вы, твари, сами себя не кусаете? Зачем стараетесь схватить кого–то здорового?

– Велчер, эти оскорбления тебя не красят.

Сзади послушался удивленный гомон грешников. Я обернулся. Полным ходом, стремительно, словно планировала по траектории глиссады, по Флегетону летела лодка саламандринов. Она даже не до конца погасила скорость, когда выбросилась на берег чуть выше моего парома. Грешница, что забралась на плот постирать одежду, громко взвизгнула, прежде чем ее с головой накрыла волна от патрульного катера. Четверо ящеров–охранников Лавакрона выпрыгнули на берег. Один из них, с позолоченным тритоньим гребнем, ткнул в направлении Шакса пальцем и крикнул:

– Этот пойдет с нами! Велчер, дай ему дорогу.

Ага, южный оборотень рассказывал мне именно о нем. Странно, как совпали наши появления в Велчероне? Но мне какая разница? Военная вендетта завершилась. Финал. За сказочным злодеем явились официальные ангелы мщения. Удивительно, но в этот момент чувство жалости к несчастному полупомешанному опять захлестнуло мне разум.

– Ну, и чего ты добился? – тихо спросил я и кивнул головой назад.

Лицо моего врага исказилось. На нем вдруг появилась совсем по–детски обиженная гримаса:

– Велчер, я не хочу так!

– Раньше надо было думать. Ничего, отдохнешь на больничной койке, подлечишься.

– На больничной койке?! Ты сам–то этому веришь? Думаешь, я доживу до больницы?

Я пожал плечами.

– Ты же понимаешь, что они забирают меня не для того, чтобы лечить! Нет, Велчер. Только не так! – умоляюще повторил он и прибавил тихо. – Пожалуйста, Велчер.

Несколько секунд я смотрел на ветерана, потом внутри что–то дрогнуло. Ноги сами сделали первый шаг. Шакс радостно потер ладони и отбросил ножи на песок. Он рванул на меня и вместе с прыжком выкинул вперед правый хук. Моя голова слегка отклонилась, смягчая удар, а ребро ладони врезалось в его бычью шею. Массивная башка рогатого мотнулась, и тут же мой локоть с глухим звуком воткнулся ему в грудину. Из легких безумца с хрипом вылетел весь воздух. Я отчаянно молотил его в средний уровень, кулаки лупили по почкам, печени, селезенке. Мощные лапы Шакса стиснули мои плечи, но я ударом снизу подбил захват и нырком выдернулся из его объятий. Шакс вновь попытался зацепить меня размашистым крюком. Я уклонился и выбросил вперед ногу с проносом корпуса. Моя ступня вошла ему точно в подбрюшье. Он тяжело рухнул навзничь, попытался приподняться, но я успел сместиться за его спину и взять горло в замок. Мои бицепсы канатами вздулись на скручивающем движении. Шакс сипел, его глаза налились кровью.

– А–а–ах, – выдохнул он.

Не знаю, что это было – укор или благодарность.

– Сам виноват, – прокряхтел я сквозь зубы.

И с жутким хрустом позвонков сломал ему шею. Все. Кончено. Один из последних антропоморфов лежал у моих ног с неестественно вывернутой головой. Неизменно верны. Таков наш армейский девиз. Я опустился рядом на землю.

– Вот чего тебе не жилось? Скажи, а? Э–э–эх! – я махнул на труп рукой и воскликнул. – Ну, почему так все глупо? Творец? Ты слышишь меня?! Это ты все задумал? Ну, почему у нас все так глупо?!

Небеса ничего не ответили, как и следовало ожидать. Я повертел головой. А где саламандрины? Они по–прежнему стояли у кромки воды. Заметив, что я смотрю на них, охранники переглянулись, потом главный, златогривый, тяжело зашагал в мою сторону. Подошел к Шаксу, нагнулся, проверил пульс.

Выпрямился и сказал с удовлетворением:

– Нам больше здесь делать нечего. Только забрать тело.

– Мы позаботимся о нем. Его смерть принадлежит Прайду.

– Точно?

– Точно.

– Хорошо. Все видели, как он напал первым. Осложнений не возникнет.

Саламандрин дошел до своего катера, на ходу бросил несколько фраз остальным охранникам, после чего вся компания вновь загрузилась в лодку, взвыла турбиной и отчалила.

Ко мне острожными шагами приблизился Тенгир. Сзади подступили Лазарь и Набуяг, который успел выбраться из пещеры.

– Похороните его. Со всеми почестями! Это ветеран, он воевал на благо Системы!

– Системы? – недоуменно переспросил Тенгир.

– Общества нашего, – поправился я. – Да какая, к черту, разница?!

Линия Слика. Крыса всегда спасается внизу

Моя убогая обстановка теперь преобразилась. Магистр Велчерона нагнал мне в берлогу с десяток молодых грешниц, которые до глубокой ночи вывозили из нее грязь, вытирали пыль. По–моему, ребята просто не хотели оставлять меня в одиночестве после инцидента с Шаксом. Девушки закатали свои рубища чуть ли не до пояса, их бедра блестели в желтоватых лучах светильников, но сегодня меня не трогали женские прелести. И я выгнал всех из Хибары, едва стемнело.

– Велчер, думаю, нам стоит побыть рядом, – нерешительно предложил Тенгир.

– Я в порядке, старик. Развлекитесь на берегу, устройте вечеринку. А мне нужно посидеть и крепко подумать.

– Как знаешь.

Разве я мог ему рассказать, что Хухлик уже передал сообщение моего обезличенного друга? «Вечером, сразу после заката». Надо было отдать ему должное – парень проявил деликатность, когда не стал использовать стимфалийца, как разговорный коммуникатор. Мы оба понимали его возможности, но продолжали общаться через голографическую точку. И вот, друг напротив друга сидели двое – живой человек и проекция. После того, как я дал свое согласие на экспедицию, беседа вдруг пошла странно. Она удивительным маневром съехала на дорожку искренности. Началось с того, что мой злой гений внезапно

засветил свою физиономию. Передо мной за добротным письменным столом устроился молодой парень с узкими скулами и близко посаженными к переносице глазами. Взгляд цепкий, властный, но жилки настоящего командира в нем не читалось. Скорее, он походил на типичного штабиста. И еще меня поразили его слова:

– Велчер, прости меня за Шакса. Видит Творец, я совсем не предполагал, что ситуация повернется таким образом.

Я промолчал в ответ. На что смотрел мой собеседник? Он видел усталого человека в ободранном кресле. Мои руки тяжело лежали на коленях, мрачная татуировка закрывала фиолетовыми разводами грудь, которую подпирала снизу шахматная доска пресса. Но морщины уже посекли лицо демона Велчера, и набрякшие на предплечьях вены тоже указывали на возраст. Я казался себе старым волком, еще полным силы, но уже чувствующим сердцем смертельную тоску при виде охотничьих ружей. Облава Системы много лет травила меня по земным полям, пока, наконец, не загнала в нору с одним входом.

– Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, – доброжелатель замер, словно вглядываясь в себя, проверяя, правду ли он говорит, и повторил. – Думаю, да, понимаю.

– Да ладно. Шакс сам нарвался.

– Все уже позади. Лавакрон не подсуден Метрополии, кроме того, ваши действия являлись естественной обороной, – поспешил успокоить меня собеседник.

Я усмехнулся:

– Не пойму тебя, приятель. Вроде бы, даешь понять, что ты – человек Системы и вообще при делах, а сам при этом ведешь какую–то тайную игру.

– Ценю вашу сдержанность. Вы не упомянули саламандринам о моих посещениях. Не то, чтобы такая огласка мне повредила…

– Я понял, что вы заодно. И даже не возражай! Но кое–что все равно не укладывается у меня в голове. Зачем ты затеял эту возню? Почему не отправил народ на служебном лифте? Он же существует, правда? Саламандрины могли бы быть конвоем. На кой я тебе нужен? Что за резон у тебя, парень, а? Какие–то игры? Или твои туристы обожают рисковать своей шкурой, а я вроде егеря во время сафари? Только не ври мне! Я хоть и не секретчик, но ложь от правды отличить сумею.

– Хорошо. Поговорим начистоту. Все перемещения по лифтным шахтам фиксируются. Несколько регистраторов иден–кода обойти можно, но сотню обмануть не получится. Малейшая проверка сопоставит данные. Кроме электроники имеется визуальное наблюдение внешней охраны. Одни и те же люди

ежедневно ходят на работу, они уже познакомились. Нет, охрану не проведешь. Вернее, не таким способом. Как я уже упоминал, Лавакрон неподсуден и автономен. Служащим, как ни странно, абсолютно нет дела до тех, кто оказался внутри. К тому же, грешники имеют полное право перемещаться по вертикали уровней вниз. Повторяю, на них реально всем наплевать, их лица слились в пятно. Саламандрины действуют по жестким канонам и ни во что не вмешиваются. Если не притягивать к себе внимания, то вы пройдете весь путь без особых проблем.

– А вдруг проверка? Стоит первому же любопытному охраннику залезть в свой банк данных, как нас мгновенно спеленают. Тогда что?

– В том вся и штука. Саламандрины понятия не имеют о личном деле конкретного кающегося. Человека ведет контроллер «Кодекса». Это… как бы объяснить… В общем, активирована глобальная система подсчета грехов и их компенсации. Она сейчас накрыла всю планету. У каждого грешника в руках собственный клубок с разматывающейся нитью. Охрана лишь получает уведомление – тот или иной отступник с сегодняшнего дня свободен. И метку на него. Весь процесс, по сути, автоматизирован. Ваша четверка во главе с тобой должна проследовать внутри системы, так и не обнаруженная ею. Я гарантирую…

– Стоп. Четверка. Их будет четверо?

– Да. Но один останется в Прайде, точнее, прямо в Велчероне. Взамен ты возьмешь с собой другого грешника. Вообще, у группы свои цели, давай договоримся, что они тебя не касаются. Хорошо? Твоя функция – охрана, прикрытие. Велчер… Я понимаю, что прошу невозможного, но мне очень хочется, чтобы ты научился мне доверять. Весьма вероятно, что от тебя и впредь понадобятся аналогичные услуги.

Перешел на личное обращение. Пытается расположить к себе.

– Доверять? Тебе?! Смеешься? За прошедшие сутки ты умудрился дважды меня облапошить! Сначала с Сарой, потом с Шаксом!

Незнакомец вздохнул.

– Я сам делаю ошибки, верно. Мне приходится во всем разбираться на ходу. Но я разберусь, обещаю. Потом, когда ты вернешься, мы можем и дальше вести дела. Я организую тебе любой товарный кредит. Хочешь отстроить Велчерон лучшим городом Прайда? Нет проблем. Лишь бы ты согласился сотрудничать. Кстати, как ты ловко разобрался с Пурпурным дворцом. Это политика. По мне, так хоть весь третий уровень себе подчини, я не возражаю. Лавакрон только формирует свою структуру. А я смогу оказать тебе любую помощь.

Новый приятель оказался щедр на посулы. Весь мой опыт подсказывал – чем красочней обещания, тем меньше шансов, что они исполнятся.

– Ладно, посмотрим. Пока от тебя одни только проблемы. Тенгиру и Набуягу придется крутиться изо всех сил до моего возвращения. Южане с северянами вкупе очень хотят их сожрать. Я ухожу из Велчерона с тяжелым сердцем. Кстати, раз ты заговорил о возвращении… Путь вниз свободен, а как мне быть с обратной дорогой?

– Обратно ты отправишься один. Воспользуйся помощью саламандринов. Ты – не грешник, ты – демон Прайда, свободный человек. Они не станут чинить препятствий.

Ха. «Свободный человек». Не хочет он себе такой свободы? Но я уже решил не выдавать своих планов, а изображать телка–недоумка.

– Понял. Что там насчет грешника из Велчерона? Кого ты навязал мне в компанию?

– В твоем поселении находится один человек. Низенький старичок с седой бородой, что растет от самых ушей…

– Ага, у него еще лысина розовая, как задница макаки–резуса! Это – Лазарь.

– Лазарь? Любопытно. Знаешь, а его звали по–другому.

– Этот старичила плюнул на свое бывшее имя. Теперь он откликается на Лазаря.

– Хорошо, пусть будет так. Ты берешь его с собой. Вниз.

– С этим проблема, землячок. По–моему, Лазарь вполне доволен жизнью, и уговорить его на путешествие будет не легче, чем уборщику очистительных сооружений уболтать межпланетную стюардессу на свидание.

Мой злой гений задумался.

– Велчер, ты можешь устроить мне переговоры с этим Лазарем? Скажем, завтра с утра?

– В девять часов подойдет?

– Да.

– Хорошо. Будь в это время на связи, я приведу его.

– Договорились. Небольшие изменения по срокам…

– Что еще?

– Грешники уже в Прайде. Тебе пора выходить им навстречу.

– Так скоро?

– Да. Им пришлось спешно покинуть Инфиделити. Возникли кое–какие проблемы, но они остались на втором уровне. Я подготовлю для тебя всю информацию и завтра кину в Хухлика. На его радаре появятся метки твоей группы.

– С тобой не соскучишься. Хорошо. Завтра я выдвигаюсь. Идет?

Архитектор благодарно кивнул, потом обвел взглядом мою Хибару, будто искал повод для завершения разговора. Я решил помочь парню:

– Если все сказано, будем прощаться.

– Пока, Велчер. И огромное спасибо!

– Бывай, дружище. Надеюсь, что тоже смогу сказать тебе «спасибо». Когда–нибудь…

Не знаю, о чем они там толковали, но Лазарь выбрался из берлоги крепко озадаченный. Я пристроился на валуне около входа и осторожно забрасывал в пасть Хухлика куски органики, когда староста изнутри распахнул мою треугольную дверь. Видок у него был настолько отрешенный, что даже лысина пошла морщинами.

– Что скажешь? – я метнул последний шматок, отряхнул ладони и встал на ноги.

– Кому передать дела? Магистру? – вопросом на вопрос ответил Лазарь.

– Ему, утробе. Слушай, зачем тебе это? Прайд – скверное место, но остальные уровни еще хуже. Чего ты там забыл?

Лазарь нерешительно посвистел носом, потом медленно сказал:

– Знаешь, Велчер, если бы я мог, то забыл бы всю жизнь до Лавакрона. Дела зашли так далеко, что мне стало наплевать – когда и как я помру. Здесь, в аду, жажда жизни вновь проснулась. Ты не поверишь, но мне тут нравится. Здесь мое место. И я хочу узнать его получше.

Мне не оставалось ничего, как только мрачно кивнуть в ответ:

– Что же… узнаешь.

Когда староста утопал в направлении переправы, я залез в функциональное меню Хухлика. И, конечно, там внезапно обнаружился полноценный коммуникатор с файлами входящей почты. Папки для ответных писем предусмотрено не было. Мне

следовало просто исполнять приказы, как в армии. Таков был расчет. Первым делом я изучил карты уровней и проложенный для нашей группы маршрут.

В Стим нам предстояло спускаться через водопад. Я так и думал, вернее, подозревал. Если у моих будущих подопечных не окажется с собой надежного шпагата, придется полностью ликвидировать склад веревки в Велчероне. Хорошо, что Лазарь догадался запастись ей, как следует. Сам Стимоний надлежало пересечь по диагонали и достичь Томболы. Не знаю, какой смысл Архитектор вложил в название, но именно так он окрестил переход на пятый круг. Веселенький нам уготовили аттракцион, я сразу это оценил. Подземный грот, залитый водой и населенный всеми гадами Стимония, разветвлялся на несколько рукавов, два из которых заканчивались глухими тупиками. Кому–то из нас нужно было срочно возлюбить нырки в глубину на рекорд. И усердно тренировать задержку дыхания. Вновь поможет веревка, но от нее будет мало толку, если товарищи вытащат вместе с ней утопленника.

Немного упорства пополам с везением – и мы сквозь бутылочное горло Томболы проваливались в Атернум. Милое местечко – песок и мухи. Чтобы добыть воду, нужно было превращаться в экскаватор. Аналогичным способом, через раскопки, нам предлагалось покинуть уровень. Розетта прожекторов, что заменяла в Атернуме светило, без спешки двигалась посередине потолка и выжигала потроха всем его обитателям. Группа туристов должна была следовать за ней и наблюдать, когда одна из ламп станет ярко–голубого цвета. Мы ловили этот знаменательный миг, чертили воображаемую прямую до грунта и снова рыли песок. Рыть предстояло упорно, поскольку края ямы станут осыпаться. Девять футов мучений – и вот он, вожделенный люк вниз. Спуск по лестнице тоже нельзя было назвать легкой прогулкой, потому что специальные воздушные пушки устраивали из песка, который летел сверху, настоящую бурю. Мой заботливый доброжелатель давал ценный совет – заблаговременно обзавестись повязками, чтобы защитить лица и органы дыхания. Спасибо ему. Интересно, как он себе это представляет? Веревки, припасы, вода, прочие нужные вещи. Саламандрины закрывают глаза на мелкую поклажу грешников, но что они скажут, когда обнаружат тяжело груженую разным барахлом экспедицию? Придется обзавестись компактными товарами, чтобы вести меновую торговлю на местах. Иначе спалимся.

Следующим по списку способов релаксации шел Сарварий. Смотреть там, собственно, было не на что по причине кромешной

тьмы. Разве только полюбоваться местными биотехнологическими страшилками, коих устроители Лавакрона понатыкали в Сарварий великое множество. Тем более, что они выкрасили их морды живописными фосфорными разводами и наделили склонностью маячить во мраке на манер привидений. Не иначе, как создатели Лавакрона к финалу своего творения усомнились: «А все ли мы сделали для того, чтобы морально и физически прикончить грешника? Пожалуй, нет. Нужно срочно добавить чудовищ». Этот уровень имел спиральный рельеф. Остроконечные холмы сливались в лабиринт, похожий на раковину улитки. Грешнику оставалось следовать по уготованной ему дороге. В центре имелась абсолютно ровная площадка с комфортным и благоустроенным переходом на Эпрон. С чего бы Архитектор расщедрился на такой легкий способ спуска? Разве что траволатор не разместил. Ответ терялся в самом Эпроне. Туман, эхо, пустота. В нижнем уровне скрывалась какая–то жуткая загадка, от которой человек должен был сказать: «Пусть тьма, пусть жуткие твари, но лишь бы не Эпрон». И вот этот ребус нам предстояло решить, используя собственные шкуры в качестве проверочного реактива. Оставался еще один маленький вопросик. Совсем крохотный. Что–то не увидел я в лихой схеме маршрута ни малейшего смысла в виде конечной цели. Проверка, инспекция? Смешно. С их–то возможностями! Неужели на поверхности и вправду начали продавать в Лавакрон экскурсионные туры? Ничего. Разберемся. Для начала взглянем на личности грешников.

Ожил встроенный радар моей птицы. Оранжевые клетчатые волны огибали плавные линии холмов. На юго–западе проступили четыре белых точки. Они пробирались вдоль берега Флегетона. Разумное решение – если не терять реки из виду, то меньше шансов заплутать. Я поднялся, размял затекшую левую ногу. Пора встречать гостей. Что же все–таки они забыли на седьмом круге?

– Держи нос по ветру, Велчер. У тебя на руках скверная комбинация. Но пришло время посмотреть на прикуп, – пробормотал я и скомандовал Хухлику. – Птица! Курс на радарные метки. Следовать в зоне моей видимости. При обнаружении живых объектов приказываю – не атаковать, а совершать круговые облеты.

Еще на подходе к пристани я услышал отборную площадную брань. Судя по голосу, увертюра принадлежала изобретательному Набуягу. Тропинка петляла, словно двенадцатиперстная кишка, и следующие двадцать шагов мне повезло наслаждаться затейливыми речевыми оборотами Ома. Лжемонах стоял в

окружении грешников и крыл бедолаг последними словами.

Я окрикнул его:

– Ом! Ты чего разошелся? Давай полегче!

К моему удивлению грешники возмущенно залопотали в ответ. Набуяг повернулся. На его потной физиономии бродила довольная ухмылка:

– «Доллары» раздаю. Вообще–то, их система должна накапливать проклятия и отрубаться начисто. Двенадцать оскорблений равны одному «DU». Потом – шабаш, грешный коммуникатор на сутки переключается на другое наказание. Но сегодня там, наверху, что–то глюкануло, и ребята смогли получить втрое больше. А мне что? Мне не жалко!

– Магистр очень щедр, – подобострастно проблеял кто–то из грешников.

– Хорошо. Продолжайте упражнения, – разрешил я и направился дальше.

Хухлик с путеводной звездой радара летел впереди и показывал дорогу.

До грешников получилось добраться без приключений. Берега Флегетона резко оформлены, около них всегда меньше ловушек и лавовых ручьев. Так что я двигался быстрым шагом, не отвлекаясь на прощупывание почвы. Приключения ждали меня на месте встречи. Вокруг «моих» путешественников злобно скакала небольшая группа демонов непонятной масти. Они изрыгали проклятия и потрясали кулаками. Как я понял, дело шло к потасовке. Особенно неистовствовал мелкий ракшас в костюме нежити. Я не силен в мифологии и мне сложно угадать, какой объект для подражания избрал этот тип, но вся шкура его была испещрена бутафорскими костями, а на голове красовался череп неведомой саблезубой твари. Когда я подошел поближе, то обратил внимание, что череп сильно поврежден: левая глазница была вмята вовнутрь страшным ударом, а один клык повис на тонком проволочном каркасе. Грешники сбились в кучу, спина к спине. Такая сплоченность пришлась мне по душе. Вся пестрая компания была так увлечена процессом разборок, что даже не среагировала на появление Хухлика.

В плане полов мои подопечные разделились пополам, две женщины и двое мужчин. Постоянные пары? Мужики – невысокий крепыш с худым, костлявым лицом и рыжий гигант с огромными кулачищами. Они стояли так, чтобы максимально прикрывать собой девушек – белокурую длинноволосую красотку и миниатюрную брюнетку с короткой стрижкой. Я почему–то сразу подумал, что испорченный костяной шлем – дело рук громилы. Мои предположения тут же подтвердил потерпевший ракшас

очередным воплем:

– За это ты подохнешь, собака! Грешники должны терпеть притеснения! Они не имеют права бить демонов! Я лично выпущу тебе кишки!

И для убедительности продемонстрировал короткий нож, что сжимал в руке. «Шоквокеров» у этой братии не имелось, стало быть, они не принадлежали ни к одному из трех официальных кланов Прайда.

– Что ты копаешься, Якша! Рубани ему по рукам! – поощрил своего приятеля один из демонов. – Да я сам…

Он хотел еще что–то добавить, но увидел меня и оборвал фразу. Остальные злодеи подались в стороны, образуя живой обруч вокруг моей персоны. А вот это уже не пришлось мне по вкусу. Всего их было пятеро. Многовато для меня одного. Я понял, что пора брать инициативу в руки:

– Остынь, незнакомец. Никто никого резать не будет. Сегодня, во всяком случае.

– Кто ты такой? – с нескрываемой агрессией в голосе поинтересовался «костлявый».

– Велчер с переправы. Эти грешники направлялись ко мне. Кто рискнул их задержать?

Когда я назвал свое имя, ватага слегка приуныла. Они явно что–то обо мне слышали. Но их мелкий предводитель решил не сдаваться. Отчаяние от того, что добыча ускользает, придало ему отвагу:

– Они пойдут с нами. Этот здоровяк поднял на меня руку. Им всем придется ответить за его проступок.

– Я же сказал – сбавь обороты! Тебе придется пережить оплеуху, потому что мне на это плевать. Уточняю, плевать и на следствие и на причину разногласий.

Красотки. Вот из–за кого весь сыр–бор. И пять пар демонских глаз тут же уперлись в женщин, подтверждая, что я попал в точку. Но медлить было нельзя. Я кивнул головой себе за спину:

– Вы! Четверо! Проходите! Хухлик! Обеспечить сопровождение группы до Велчерона.

Но не тут–то было. Этот недомерок настолько распоясался в своих желаниях, что дерзнул схватить меня за рукав плаща. Немедленно получил кулаком в свою костяную башню, отчего теперь обе его глазницы стали похожими друг на друга.

– Рви его! – прозвучал клич, и свора демонов навалилась на меня со всех сторон.

Я успел заехать локтем в лицо ближайшему противнику, вывернуться из коварного залома руки, но тут мне под ноги подкатился какой–то живой колобок, и мое тело грохнулось

наземь. В плечо и под ребра сразу же врезались два недружественных ботинка.

– Хухлик! На помощь! – завопил я, катаясь по земле и отбивая пинки.

И хотя мне удалось подмять под себя одного из врагов и успокоить его ударом лба в переносицу, исход стычки решила стимфалийская птица. Хухлик неотвратимым роком рухнул из поднебесья на неприятеля. Его перископические когти подправили скальп двум демонским особям, после чего вся их пестрая компания пустилась наутек. На земле остался тот бедолага, что попался под мое «веретено», да главарь, который лежал с раскинутыми руками, как морская звезда, хрипел и моргал глазами. Хрипел, потому что над ним нависал громила–грешник и нежно сдавливал ему горло носком здоровенного ботинка. Я, кряхтя, поднялся на ноги. Воздух зашел в легкие через боль. Ребро вряд ли было сломано – над ним у меня предусмотрительно наращен солидный мышечный корсет, но внушительная гематома не заставит себя долго ждать.

– Хухлик! Отставить преследование! – скомандовал я, так как мой питомец продолжал методично пикировать на хребты отступающих врагов. Нужно было его отозвать, пока он не насадил на свои лапки чьи–нибудь глазные яблоки. Разобравшись с птицей, я наклонился над поверженным вожаком:

– Я же объяснил, что забираю этих людей! Но ты зачем–то решил использовать силу. Зато теперь тебе, дураку, наверное, все ясно?

Грешник слегка свой ослабил обувной пресс так, чтобы поверженный демон мог отвечать.

– Да–а–а, – просипел он. – Я извиняюсь…

– Вали отсюда! Бегом!

«Черепушка» выскоблился из–под ноги громилы и метнулся в направлении остальной своры. Уже на безопасном расстоянии он проорал, не сбавляя темпа:

– Мы подадим жалобу саламандринам!

А вот это серьезно. Как ни крути, нападение на демона – однозначный «залет». Саламандрины не любят вязаться в наши разборки, но тут здоровяк посягнул на святое. Оказалась задета привилегия демонов на применение силы. Я исподлобья обозрел туристическую группу, что свалилась на меня по милости неизвестного друга с поверхности:

– Дело оборачивается скверно. Бежать сможете?

Мне ответила маленькая брюнетка:

– Сможем.

– Тогда держитесь в моем фарватере. Теперь у нас мало

времени. Хухлик! Курс на Велчерон.

Грешники показали себя настоящими спортсменами. На первый и единственный передых мы свалились уже в окрестностях Альтамиры. По моей, между прочим, инициативе. Усевшись на безопасные с виду холмики, мы хватали ртами горячий воздух Прайда и передавали друг другу фляги с водой. Я решил, что нам пора познакомиться.

– Меня зовут Велчер, если кто не понял. Я – ваш проводник вниз. Знаю, знаю про штуки с именами грешников, но как–то же нужно мне вас называть.

Брюнетка оторвалась от питья и облизала губы. Потом по–старомодному обычаю протянула мне свою маленькую ладошку:

– Беата.

На вид ей было около тридцати лет, и для девушки у нее оказалась довольно сильная кисть. Кроме крепкого пожатия, у Беаты на ближней дистанции обнаружились глубокие омуты карих глаз и тонкие черты лица. Вполне себе симпатичная особа, может быть, только чуть более строгая, чем мой идеал женщины. Впрочем, и обстановка не способствовала к расслаблению.

Рыжий здоровяк салютовал мне рукой:

– Элки.

Несмотря на свою массу, он даже не запыхался. Только лицо запунцовело, что нормально для людей с молочно–белой кожей.

– Яри.

Это отозвался смуглый мужик с ястребиной физиономией. Недобрый у него был взгляд. От таких типов не знаешь, чего ожидать: то ли приятельского кивка, то ли удара в подбородок. Последней подала голос светловолосая красотка:

– Эрика, – представилась она.

Сразу скажу, что я никогда не был большим поклонником блондинок, хотя и не разделял предрассудков насчет их умственных способностей. По мне, так в большинстве живых «барби» все равно есть что–то пластиково–кукольное. Но красота этой девицы смотрелась очень естественно, и от этого еще более эффектно. Настоящая обложка журнала, которую не сумело испортить даже серое рубище грешника. Каково ей пришлось в Лавакроне? Здесь людские нравы скатились в первобытную область, а женские прелести стали вроде лесного ореха: ничье – значит, будет мое, пойду и возьму.

– Как добрались до Прайда?

Я бросил эту расчетливую реплику, не обращаясь к кому–то конкретно, а так, в пространство. Они уже долго вместе, и наверняка в маленьком коллективе появился свой лидер. Он и ответит на мой вопрос. Брошенную перчатку подняла Беата,

брюнетка.

– Нормально.

И все. Никаких комментариев.

– Мне изначально сообщили, что вы прибудете на следующей неделе.

– А мы сумели ускориться.

Резкий, кинжальный взгляд на блондинку. Та в ответ кротко опустила глаза. Хм, любопытно, что у них там произошло. Надо будет выяснить при случае.

– Из–за чего случилась свара с демонами?

Несчастная Эрика совсем повесила голову. Я фыркнул:

– Ясно, тут можно не объяснять. Теперь слушаем меня! Эти твари не постыдятся накляузничать саламандринам, могут быть неприятности. Обычно стража держит нейтралитет, но в ситуации, когда покусились на демона, может о нем и забыть, – я посмотрел на Эрику и подумал, что ее внешность будет способствовать амнезии охраны. – Поэтому нам сегодня же ночью придется трогаться в путь на Стимоний. Возражения?

Четыре голоса синхронно сказали:

– Нет.

– Хорошо. И на будущее – никаких стычек с демонами. Без меня. А если встретите саламандринов, то глаза вглубь почвы и голос тихий–тихий. Понятно? – я получил утвердительный ответ и поднялся. – А теперь в колонну по одному и за мной.

На берегу, как всегда, было оживленно. Демоны муштровали грешников, шныряли охотничьи команды, и еще целая серая толпа под руководством Набуяга занималась благоустройством города. Откуда–то натащили груды плоских камней. Ими сейчас мостили дорожки. Мужчины с лопатами рыли лавоотводные канавы. С другой стороны Флегетона слышалось уханье «шоквокеров» – это Тенгир натаскивал своих демонов. Я шел впереди и, как обычно, привлекал к себе всеобщее внимание. Четверка лавакроновских туристов дисциплинированно двигалась следом. Когда мы добрались до переправы, я первым делом разыскал Лазаря:

– Старик, собирай свои пожитки, мы выдвигаемся сегодня же. Дела сдал? Хорошо. Принимай шефство над этой командой, – я жестом указал ему на грешников, которые сгрудились за моей спиной. – Накормить, обеспечить возможность для отдыха.

– Яри остается тут, – Беата сделала шаг вперед и очутилась между мной и Лазарем. – У него есть незаконченные дела в Прайде.

Я нахмурился и посмотрел на смуглого мужика со злым лицом:

– Ты уверен? Ваш «залет» с демонами будет иметь продолжение. Тебе опасно задерживаться в Велчероне.

– Это Элки врезал тому, с костяной башкой, а я его и пальцем не тронул. А что касается риска, то – да, он есть. Но я готов пойти на риск, – ответил Яри. – Таковы мои инструкции.

– В Стимонии мы тоже оставим человека, – добавила Беата. – В этом и состоит причина нашего путешествия. Вернее, одна из причин.

Очень важная оговорка, которая, похоже, вырвалась у Беаты случайно. Хорошо. Я запомню эти ее слова. Препираться смысла не было. Мне оставалось только пожать плечами:

– Ладно. Сейчас далеко за полдень. В вашем распоряжении есть пара часов на отдых. Потом мы выходим. Лазарь, я сейчас продиктую тебе список вещей, которые мы берем с собой. Позаботься о том, чтобы все предметы были собраны и надежно упакованы. Веревки двести пятьдесят футов, не меньше, фляги под воду на общую емкость в два галлона, двадцать пищевых рационов, сотню таблеток для розжига, остальное додумаешь сам.

Закончив свои сборы в Хибаре, я внимательно осмотрел топор, подогнал к телу широкий кожаный пояс, что без надобности висел полгода в кладовой, вытащил с полки новый плащ из непромокаемой ткани. Ботинки менять не стал – только законченные кретины пускаются в поход в ненадеванных башмаках. В небольшой дорожный рюкзак закинул десяток рационов, аптечку. Подумав, зашвырнул в него пару коммуникаторов. В Лавакроне отсутствовала связь, но может, они сгодятся для обмена на нижних кругах? Достал из потайного отделения армейские очки с тепловизором, а также десяток одноразовых шприцов с универсальными наноботами. Мое снаряжение дополнили нож и несколько метательных лезвий, которые я заткнул в специальные «патроны» на ремне. Хухлик сидел рядом, посреди прихожей, и внимательно наблюдал за моими приготовлениями.

– Ну что, стимфалиец? Как ты будешь тут один без хозяина?

Пернатый молчал. Его близорукие линзы таращились на мой рюкзак.

– Ты во всем должен слушаться Тенгира. Выполняй его приказы!

– Принято. Объекту «Тенгир» присвоен командный статус.

– Прощай, птица. Ты – славный питомец. Надеюсь, что я вернусь, и мы еще немало покуролесим вместе.

– Режим ожидания хозяина задействован. Хухлик будет ждать Велчера.

От удивления я даже рот открыл. Прозвучало совсем по–

человечески. Но Хухлик невозмутимо блестел фотоэлементами. Он так и остался сидеть, нахохлившись, перед дверью, когда я заворачивал за ближайший холм. Я бы с удовольствием взял стимфалийца с собой, но его присутствие делало нашу группу слишком приметной. Мой доброжелатель ясно высказался – миссия должна быть скрытной. Демаскирующего Хухлика пришлось с великим сожалением оставить.

Мои друзья ждали меня на берегу Флегетона. Расставание с соратниками прошло четко, по–армейски. Набуяг предрек скорое процветание Велчерона под своим руководством, а Тенгир пообещал присматривать за югом и севером. Я еще раз попросил ребят набраться терпения и выжидать.

– За нами дело не встанет. Главное, чтобы твой новый приятель не слишком смущал народ, – веско заметил монгол и кивнул на другой берег.

Искусственные сумерки уже потихоньку плели над Прайдом свою вечернюю паутину, когда мой уже бывший плот доставил нашу троицу к пристани города. Группа туристов, плюс Лазарь дисциплинированно торчали на причале.

Когда я к ним приблизился, от глянцевой прибрежной пленки вдруг оторвался пузырь воздуха. Он поплыл мимо нас, сверкая и переливаясь. Машинально я выставил вперед руку. Пузырь натолкнулся на нее и лопнул, брызнув в разные стороны масляными каплями.

– Ой! Там была радуга, – воскликнула Эрика.

Я тут же дал себе слово – никогда больше не протыкать мыльных пузырей. Потому что кто–то, быть может, сумеет разглядеть радугу в их зыбких контурах.

Буквально в пятидесяти шагах от нас прямо на земле расселась толпа жителей – почти все население поселка. Народ расположился в виде многоярусного живого кольца, в центре которого занял позицию Яри и вещал. Беата порывалась мне что–то объяснить, но я сделал предостерегающий жест, подобрался поближе и прислушался. Вот какие слова донеслись до меня:

«…Вступившим под своды Лавакрона надлежит оставить за дверями его все помыслы суетные и обратить свой взор внутрь собственной души, для познания и искупления грехов своих. Им надлежит пройти через великие притеснения, чтобы очистится полностью. Подобно как золото открывает свойства свои в огне, душа человеческая светлеет в страдании. Лишь страдание дает нашей сущности преодоление и возвышает ее. Гордыня и безнаказанность искушают душу, а праздный мозг, как известно, мастерская дьявола. Тот, кто полагает о себе, что стоит твердо – трепещите и берегитесь, чтобы не упасть. И будут наказываемы

грешники по мере грехов их, и воздастся каждому за деяния его на Земле. Да не тяготятся обличениями павшие духом, не отвергают страданий, ибо свершается в этом великое благо для них самих. А искупившим злочинства как в поступках, так и в помыслах будут возвращены судьбы их и показан выход из бездны Лавакрона. Общество порицает и отвергает чуждое, но само врачует раны и принимает обратно очищенных от грехов детей своих. Чтобы измерить глубину падения человеческой души, под сводами Лавакрона введены «Dolor Unit» («DU») – «Единицы Притеснения». Они же – Баллы Боли, Баллы Усердия. Ими измеряется терпение падшего в преодолении страданий. «DU» применяют к грешникам демоны Лавакрона, как носители злобности. Они угнетают людей, причиняют им немалые бедствия, но таким образом исцеляют их души. Получая баллы «DU», отступник шествует по дороге испытаний и становится ближе к тому, чтобы очиститься полностью и вновь занять свое место в обществе. Но память об уроке Лавакрона навсегда останется в его памяти или жизненный путь вновь приведет его к Вратам, увитыми телами гадов…»

Глаза Яри пылали, его некрасивое лицо раскраснелось. На коленях лежал какой–то прямоугольный предмет, вроде кирпича. Люди внимали ему молча, некоторые беззвучно шептали фразы, что изрекал проповедник. А сам Яри уже ничем не напоминал грешника. Как будто и не было на нем серого рубища. Теперь он превратился в духовного пастыря, его речь лилась плавно и назидательно. Такого хочется слушать, его голос затягивает в водоворот интонаций, за таким хочется идти. Я вернулся к своей команде и строго спросил Беату:

– Объясни мне, что за ерунда тут творится?

Инициативу ответа неожиданно перехватил Лазарь:

– Вы имеете возможность наблюдать, дорогой Велчер, исторический момент становления нового учения. Обычно сначала почву вспахивают, потом удобряют и лишь затем засеивают культурой. В человеческом обществе порядок нарушен – всходы поднялись, и для власти пришло время их удобрить.

Элки и Беата посмотрели на него с неприязнью, а лицо Эрики не поменяло своего ангельски–безмятежного выражения. Я зло сплюнул себе под ноги.

– Ладно, любители острых ощущений. В колонну по одному, Элки – замыкающий. Потопали!

Линия Моллоя. Опьянение властью

Архитектор поднял бокал со стимулятором и слегка пригубил

из него. Только усилием воли он удержал себя от изрядного глотка. Права Лори – в последнее время он стал слишком часто пришпоривать себя антидепрессантами. Может быть, из–за этого она теперь избегает его общества? У Лори появились новые друзья на работе, с которыми девушка все чаще проводила свободное время, а Моллой предпочитал отсиживаться в своих роскошных комнатах. Неизвестно куда канули их мысли о ребенке. Как вспыхивала, оживала она, когда они строили совместные планы в первые недели после ее переезда! Теперь она отмалчивалась, прятала глаза. Сначала Моллой демонстративно обижался, потом на смену обиде пришел страх, что он ее теряет. Незримая ватная пелена отчуждения вползала между ними, заполняла собой пространство. В ней глуше звучали голоса, гасли эмоции. Иногда Моллою страстно хотелось подбежать к Лори, схватить ее на руки и закружить по комнате. Осыпать ее лицо поцелуями и сказать:

– Давай забудем все. Начнем заново. Просто попробуем опять быть счастливыми. Подарим друг другу это чувство.

Но ледокол его чувств вяз в паковых льдах ее отстраненности. Моллой вздыхал и снова садился за компьютер, спиной ощущая ее чужой взгляд.

У него совсем не осталось друзей. Полди растворился в шестеренках системы, Паула получила назначение в одном из пограничных «арриалов» и ее следы потерялись. Моллой несколько раз набирал номер рыжей красотки, но его вызовы остались без ответа. С исчезновением четы Полди в жизни Архитектора образовалась дыра, которую до сих пор некем было заполнить. Недостаток общения он заменил работой, стимуляторами, да невинным флиртом с помощницей креолкой. Тониа поначалу изумленно игнорировала его знаки внимания, но потом с видимым удовольствием включилась в игру. Оба уже успели схватить несколько грешных баллов за вольное поведение с коллегой. Это их не останавливало, а лишь добавляло азарта. Они постоянно придумывали способы, чтобы обойти бдительность коммуникаторов. Вот–вот между ними должно было состояться первое свидание, которое могло перевернуть все. Когда Моллой возвращался домой после двусмысленных пикировок с Тониа на работе, он чувствовал себя последним мерзавцем. Но холодность подруги вновь заряжала его аккумуляторы вредности. Имея Тониа в качестве эмоционального противовеса отношений с Лори, Моллой врачевал свою душу злым превосходством и пренебрежением.

В дополнение ко всему, пропал Проектировщик. Моллой по–прежнему ставил его в копию, отправляя еженедельные отчеты,

но теперь на них не поступало никаких откликов или комментариев. Кроме одного единственного письма без подписи. Оно пришло с того же адреса, но стиль послания был абсолютно иным:

«Ожидайте вторую группу через три недели. Будьте готовы принять 7 человек. Все пойдут до самого низа. Позаботьтесь о персоне проводника. Подтверждение о готовности необходимо прислать не позже, чем за пять дней до начала операции».

Моллой был уверен, что письмо написал совершенно другой человек. Не было мягких, вежливых оборотов, столь характерных для Проектировщика. Просто сухое указание.

Архитектор подошел к ростовому окну и посмотрел на бушующий за стеклянной поверхностью Венторис. Его вызвали сюда на заседание Департамента Лавакрона, в котором он председательствовал. Кроме Моллоя в него входил Зельден из Безопасности, Эйхбаум от Здравоохранения и новый представитель из Департамента Нравственности по имени Ольсен. Промышленников и Земледельцев привлекать не стали – Лавакрон в настоящее время обладал уже собственным мощным производственным потенциалом. И потенциал этот продолжал стремительно нарастать. С ними, как и со строительным Департаментом, Архитектор находился в постоянном контакте. Левиафан пожирал пространство, увеличивал свое чрево. Две недели назад сотни клатчеров сформировали новый пейзаж неподалеку от Главных Врат. Под прикрытием их лучей из Земли выбрали гигантский куб породы – резервуар для дополнительных площадей Лавакрона. Моллой лично просчитал архитектурный проект, по которому Пургатор увеличивался в три раза. Новые коридоры, новые спальные гнезда. И новые заводы, лаборатории на всю глубину семи уровней.

Главы Департаментов прибыли точно к назначенному времени. Ольсен оказался светловолосым эндоморфом с улыбкой, приклеенной к аккуратным усикам. Он неловко сунул Моллою потную ладошку и испортил воздух лживыми словами приветствия.

– Рад, весьма рад, – вкрадчиво прошелестел толстячок. – Э–э–э… отношения между нашими структурами всегда были очень близкими, кроме… э–э–э… недопонимания, которое случилось незадолго до моего назначения.

– Будем координировать наши действия и впредь, – сухо ответил Моллой.

Департамент нравственности был вечным соглядатаем системы. Лукавой кошкой, что ходит сама по себе, но норовит всюду сунуть любопытный нос. Архитектор поискал глазами

взгляд Зельдена.

– Пока ничего, – одними губами ответил всесильный «силовик» на незаданный вопрос.

Видимо, Полди и Иса Коэн влипли по уши. В современной жизни суды и приговоры вершатся молниеносно. А раз для них ничего нельзя сделать, то дела этой парочки совсем плохи.

Чиновники расселись на свои места вокруг овального стола из натурального бука, седоволосый крепыш Эйхбаум фыркнул сифоном с содовой в свой бокал.

Моллой откашлялся. Таким маркером он обозначил начало официальной части.

– Накануне нашего заседания в Лавакроне состоялось долгожданное событие. Вернее, – Архитектор позволил себе слабую улыбку, – Мы приурочили одно к другому. Запущены пятый и шестой энергоблоки нового энергетического комплекса. Все реакторы работают в штатном режиме. Пуск произведен в срок и без осложнений.

– Отлично. Теперь вам хватает мощности? – поинтересовался Зельден.

– Да. Для советника Ольсена проясню ситуацию: мы готовили к старту новый проект, новую систему управления Лавакроном, но стремительно нарастающие потребности в товарах под его брендами отодвинули наши планы. Теперь мы можем их реализовать. Полностью.

– Насколько я понял, речь идет о пресловутом всемогуществе демонов, – заметил толстячок.

– Именно о нем.

Ольсен нахмурился. Светлые кустики бровей сгруппировались возле пуговичного носа.

– Департамент нравственности не уверен, что, давая демонам всемогущество, мы поступаем правильно.

Неожиданно для самого себя Моллой взорвался:

– Всемогущество демонов плотно ложится в саму концепцию Кода Лавакрона! Мы базировались на нем! Вы в последний момент начали сомневаться? Отлично, давайте все сломаем. Уничтожим десятилетний труд населения Земли и возведем новый! Вам стоит только пожелать!

В кабинете повисла тишина. Зельден легонько похлопал ладонью о теплый массив столешницы. «Успокойся!» – говорили его тонкие пальцы. Моллой принял сигнал, нервно дотянулся до своего коктейля и выплеснул в себя половину стакана. Ольсен молчал, не переставая улыбаться, только теперь его улыбка походила на гримасу парализованного мима.

Через несколько секунд Архитектор вернул себе

самообладание.

– Проект о всемогуществе демонов одобрен всеми Департаментами. У вас, «нравственников», есть право «вето», но тогда я, как администратор Лавакрона, созыву Ассамблею.

Ольсен отшатнулся. Ассамблея советников могла собраться в ответ на запрос одного из глав Департаментов. Все чиновники Земли должны были разрешить глобальный вопрос, вроде угрозы космических пришельцев или приближения смертоносной кометы. Так было задумано и прописано в Уставе правительства Земли. За последние десять лет Ассамблея созывалась примерно раз в год.

– Я воздержусь от применения права «вето», – тихо сказал Ольсен.

Моллой прочитал в его глазах, что отныне они – смертельные враги. Эйхбаум от Здравоохранения решил разрядить обстановку:

– Когда запланирован исход саламандринов?

– Мы будем выводить охрану постепенно, начиная с самых нижних уровней, – ответил Моллой. – Думаю, что через три месяца Лавакрон перейдет под самоуправление и станет полностью независим от поверхности. Это навсегда закроет вопрос о возможных сговорах и злоупотреблениях власти.

За это время Велчер успеет вернуться и подмять под себя Прайд. Если Моллой в нем не ошибся, потом можно будет распространить влияние на Стимоний.

– Значит, теперь всем будут заправлять демоны, – глухо сказал Ольсен. – Творец Всемогущий, что там начнется!

Зельден рассмеялся. Его смех напоминал писк придушенной мыши:

– Вот уж действительно – адское получилось местечко.

– А как проходит техническое оснащение? – поинтересовался Эйхбаум.

– Магнитные стержни проложены под всеми уровнями. Грави–ранцы заказаны в достаточном количестве. Это самое главное. Демоны смогут летать, они получат новое оружие, у них откроются сверхъестественные способности. О грешниках мы тоже позаботились. С введением нового положения в Лавакроне заработают десятки автоматических медицинских пунктов и линий раздач рационов.

– Превосходно, – Зельден от избытка чувств даже хлопнул в ладоши. – Стимоний был выбран, как полигон для всевозможных экспериментов. Вот и посмотрим на его примере, как функционирует система. Моллой, завтра же начинайте там раздачу оборудования.

Архитектор вздрогнул:

– Мы еще не готовы, нам нужна еще хотя бы неделя…

Зельден прервал его на полуслове:

– При всем уважении к вам, дорогой Архитектор, вы все же неисправимый педант. У нас ведь давно все было на мази, не так ли? Просто не хватало мощности энергоблоков? Теперь эта проблема решена. Хорошо. Я помогу вам переступить черту. Стимоний курируем мы, военные. Я завтра же отдам распоряжение саламандринам, чтобы начинали выдачу ранцев и магических жезлов.

У Моллоя во рту стало, словно в безводной пустыне. Его группа…

– Послушайте, Зельден, я настаиваю…

– Успокойтесь, Архитектор. Мы берем все трудности на себя, – отчеканил Зельден. – И ответственность тоже.

Моллой поник. Эйхбаум, чувствуя, что атмосфера опять накаляется, снова сыграл роль мокрого одеяла:

– Перейдем лучше к более насущным вопросам, коллеги. Кроме локальных проблем у нас есть еще долгосрочные планы. Как вы считаете, Моллой, вашей команде по силам выполнить поставленную задачу? Половина процента от всего валового продукта планеты… Даже дух захватывает от таких цифр. И всего за четыре года. Справитесь? До сих пор вы действовали безупречно.

– Есть совместно утвержденный план, график строительства, – безучастно ответил Моллой. – Мы укладываемся во временные рамки. Но такой махине понадобится огромное пространство. И, несмотря на автоматизацию, колоссальное количество рабочей силы.

Эйхбаум расхохотался.

– Чего–чего, – промолвил он спустя минуту, – А этого материала у вас будет в избытке. Мы увеличиваем преисподнюю втрое, не так ли?

Линия Слика. Мокрый прием

Все узлы были завязаны мной лично. Никому не доверил. Зато теперь чувствовал себя спокойно. Еще бы, именно мне предстояло первому шагнуть в пропасть. Мой связчик Элки навертел вокруг пояса два оборота шпагата, уперся пятками в каменный выступ и сказал, что готов.

– Пополам же разрежет, олух, – выругался я.

– За меня не беспокойся, – солидно пробасил громила.

Но я все равно, на всякий случай, пропустил веревку через шкив в виде двух каменных глыб и бросил конец Беате:

– Придерживай.

Говорить приходилось в самое ухо, потому что водопад ревел не хуже армейского духового оркестра. В воздухе клубилась прохладная водяная пыль. Прайд уже погрузился в ночь, и правильней было бы отложить переход на завтра, но я хотел поскорее выйти из–под юрисдикции саламандринов нашего уровня. Мало ли… Не очень приятно будет проснуться под дулом автоматического пистолета. Луч фонарика обшарил ровную площадку, на которой мы находились. В ее углу еще тлели угольки недавнего костра. Похоже, что закрытый от ветров и любопытных взоров пятачок в скале успела застолбить за собой группа грешников, но наше приближение их спугнуло. А за рваными краями валунов под чернильным мраком воздушной толщи разлились просторы Стимония. В Лавакроне немало странных и впечатляющих пейзажей, но это место очаровало всех даже во тьме. От котлована явственно исходила сила и мощь. Сознание того, что все вокруг создано человеком, потрясало. Интересно, а каков Стим при дневном свете? Право, жаль, что я шесть месяцев назад поверил на слово охранникам и не выбрался лично обозреть перспективу. Полгода жить в нескольких милях от перехода на четвертый уровень и ни разу не заглянуть вниз! Вот они, армейские установки. Нам сказали, что внизу – настоящий ад, мясорубка, а мы послушно слопали информацию.

Там, в глубине Стима, горели десятки огоньков, их янтарные отблески дрожали за призмой водяных капель. Кто–то согревал себя в ночи этим теплом. Хотелось что–нибудь крикнуть или, наоборот, послушать звуки четвертого круга, но грохот водопада покрывал все.

Я еще раз проверил узел спусковой петли, поправил накрученную на торс смотку плаща и, понемногу вытравливая шпагат, стал придавать телу горизонтальное положение. Через десяток секунд подошвы моих ботинок уперлись в отвесный срез скалы. Камни под ногами были влажные и скользкие. Действовать предстояло крайне аккуратно. И уповать на протекторы армейской обуви. Фонарик я предусмотрительно повесил на шею так, чтобы он освещал пространство внизу.

Двадцать футов все шло отлично, а потом я провалился в пещеру. Ну как в пещеру, скорее, в узкий лаз, вроде жилища ласточек–береговушек. Причем, до самого мгновения, пока мои ноги не скользнули в пустоту, я его не видел – он был укрыт нависающим базальтовым сводом. Я чертыхнулся и полетел внутрь. Оказалось, что меня там поджидали. Какой–то субъект сразу попытался приставить к моей шее кривой нож. Без малейшего желания свести знакомство поближе. Вот так вот –

взял и напал. Пришлось резким тычком ладони в локоть срочно убирать лезвие подальше от своей шкуры. Одновременно левой рукой я дернул его за ворот одежды к себе и на встречном движении ударил лбом в лицо. Несчастный взвыл и на четвереньках бросился вглубь норы. Я прислушался к эху. Судя по нему, нора была глубокой. Вот нежданная проблема. По нашему плану мне надлежало добраться до низа и сразу превратиться в противовес для остальных. Дальше ребята оборачивали веревку вокруг валуна со сточенными острыми гранями (наверняка, как раз для этой цели) и спускались следом. А тут, посередине пути, оказывается, притаилось такое чудо. Нож себе раздобыл, гаденыш. Не говоря уж о том, что Элки наверху, конечно, до крови сорвал себе ладони, когда я свалился в убежище этого душегуба.

– Эй, ты! Выйди, поговорим, – предложил я гулкой пустоте.

Никакого ответа. Обиделся, значит. А веревку уже нетерпеливо дергали сверху. Народ наверняка переживал, что же со мной приключилось. Я просигналил в ответ: «Все в порядке. Погодите». Такие условные коды мы придумали. Рывки и паузы. Всего десяток команд, но самых необходимых. Нужно было что–то срочно предпринимать, а то моя группа начнет нервничать всерьез. Я выбрался из пещеры и продолжил спуск, но теперь мой фонарь торчал уже в зубах и светил наверх – не появится ли из лаза рука с кривым ножом.

Земля встретила меня еще через тридцать футов скольжения. Я так торопился, что успел ободрать колено о какой–то каменный скол. Фонарик выхватил пустое пространство со всех сторон. Почва под ногами была мягкой от влаги. Я просемафорил группе: «Спуск окончен». Через минуту ко мне упала тонкая бечевка с привязанным клочком бумаги. Я достал карандаш и накорябал в неверном свете фонарика: «Держитесь левее. В двадцати футах от площадки пещера. Там окопался чудак с тесаком. Я буду прикрывать».

Руки у меня теперь освободились. Под скалой я нашел несколько подходящих камней, осветил лучом склон и стал ждать. Через несколько минут появилась Беата. Девчонка двигалась шустро, как будто ночное скалолазанье по мокрой отвесной скале было для нее привычным делом. Мой необщительный приятель не заставил себя долго ждать. Когда Беата миновала его нору, из нее высунулась рука и попыталась дотянуться до веревки. В луче фонарика блеснула сталь. Я сразу зарядил в него целую очередь из галечника. Не попал, зато спугнул. Беате повезло меньше – один из моих снарядов на отскоке задел ее по скуле. Девушка от неожиданности выпустила

веревку и рухнула вниз. К счастью, до земли оставались считанные футы, да и грунт не был жестким. Она упруго приземлилась, перекатилась через плечо и мигом вскочила на ноги. На щеке алела свежая ссадина.

– Что это за тип? – спросила она.

– Понятия не имею. Он со мной попрощался, прежде чем мы успели с ним поздороваться.

Беата нырнула в сумрак, но через несколько минут вернулась с кучкой щебня в руках. Во время спуска Эрики мой отшельник вновь принялся за свои маневры и наконец–то схлопотал камнем по предплечью. Это Беата выполнила безупречный по точности бросок. Нож вредителя спикировал к нашим ногам, а сам он на этот раз окончательно пропал из поля зрения.

Следующим шел Лазарь, и старик заставил нас поволноваться. Сначала он несколько раз срывался, потом перекрутил стропы и повис, как куль с песком. Пришлось мне стравливать трос и спускать его в таком неподвижном виде. Когда его отвязали, выяснилось, что Старик от боли не может стоять на ногах. Пока Беата хлопотала над ним, к нам уверенно присоединился Элки. Этому великану скала оказалась нипочем. Он соскочил на горизонтальную твердь, быстро выпутался из страховочной петли и вдруг так оглушительно заорал, что перекрыл даже шум водопада. Просто стоял и вопил, потрясая кулаками:

– Свобода!!! Сво–бо–о–да!!!

Я подошел поближе и толкнул его в плечо:

– Чего ты кричишь, дурень? Успокойся!

– Все! Теперь я – отпущенник.

– Кто–кто?

– Отпущенник, – самодовольно ответил здоровяк.

– Как только мы пересекли границу Стимония, Элки отпустили все грехи, – пояснила Беата.

– И что эта хрень значит?

– С этой минуты он равен любому гражданину. Юридически. Тебе, например. Так что если захочешь его оскорбить, рекомендую сначала подумать.

Я с деланным смирением покивал головой:

– Ладно, учту. А вас–то с Эрикой можно обзывать? Или вас тоже отпустило?

Беата засмеялась, но ее веселость прервал встревоженный голос блондинки:

– Велчер, у Лазаря серьезные повреждения. Он, похоже, бедро сломал.

Пришлось доставать аптечку. Диагност вынес суровый

вердикт – закрытый перелом шейки бедра со смещением. Видимо, Лазарь как следует приложился о скалу при спуске. Я быстренько вкачал ему двойную порцию наноботов–репарантов, а потом запенил фиксирующим составом место травмы. Когда я возился с его одеянием, что–то задело меня острой гранью по лодыжке. Какой–то прямоугольный предмет в кармане рубища. Но я не стал шарить в вещах старикана – мало ли, какую реликвию может таскать с собой отверженный грешник. Медицинская пена застыла, и на диагносте высветился срок реабилитации – 288.46.32. В сутках получалось – почти две недели. Народ приуныл. С таким больным нам и думать было нечего о продвижении вперед.

– Всем отдыхать! Завтра разыщем местных саламандринов и попытаемся разрешить проблему, – распорядился я, чтобы хоть как–то отвлечь подопечных от невеселых раздумий.

Мы разожгли уютный костерок из трех топливных таблеток. Еще пять огоньков я расположил в виде лучей пятиконечной звезды на случай возможного появления противников. Что–то подсказывало мне – наши неприятности с местными только начинаются. Пришлось делать себе взбадривающий укол – мне были нужны стимуляторы, чтобы продержаться в карауле до утра. Грешники порывались организовать вахты, но я не согласился. Тот парень из норы представлял реальную опасность, и у меня не было ни малейшей уверенности, что девчонки смогут с ним справиться, если тому взбредет в голову посетить ночью наш бивуак. На Элки я тоже не возлагал особых надежд – здоровяк пока ничем себя не проявил.

Воздух был насыщен водяными парами, наша одежда уже пропиталась влагой. Из дорожных мешков грешники извлекли непромокаемые накидки – щедрый дар Велчерона. Они подтащили Лазаря ближе к огню, а сами расположились рядом. Спина к спине. А я принялся отмерять шагами пространство вокруг. Пламя от наших костров вырезало из черной мглы изрядный освещенный кусок, так что я нашел для себя занятие – принялся его исследовать. Скала стояла вертикальной громадиной. Сбоку полыхал потоками водопад. Флегетон извергался в Стимоний всей своей мощью, наполнял его. Осторожно пробуя подошвой рыхлую землю, я добрался до среза воды. Кто–то, кажется, Набуяг, утверждал, что здесь можно без опаски утолять жажду прямо из озера, но я решил повременить с проверкой его заявления. Мой фонарик пошарил лучом по темной глади. Ничего. Пустота. Я продолжил свой обход и через десяток минут установил, что наша площадка напоминала по форме высунутый язык. Словно старина Прайд решил им

слизнуть немного жидкой каши из стимонийского блюдца. Когда я вернулся к огню, все уже спали. Лазарь вырубился под действием анестетиков, а остальных сморила усталость долгого дня.

В дрожащем свете костра я еще раз рассмотрел своих спутников. Небрежно вырубленную физиономию Элки, мягкие очертания смазливой мордочки Эрики, точеный абрис строгого лица Беаты. Занятная компания. И очень непростая. Я понял их цель, когда увидел преображение Яри. Они посланы сюда, чтобы окончательно задурить грешникам головы. И было в этом что–то мерзкое, типа внезапного удара в промежность. Плохо пинать ногами человека, который простерся пред тобой ниц. А их слова – да, они пинали. Я вдруг представил Элки в роли духовного наставника и не смог сдержать ухмылки. Вот будет комедия! Пожалуй, мне обязательно стоит посмотреть на его сольное представление. Или взять Эрику. Кого и как может вдохновить, научить эта кукольная блондиночка с характером берберийской овечки? Какой идиот встанет под ее знамена? Нет, тут что–то другое. А Лазарь? Вот зачем мне навязали его на шею? Несчастный старик едва одолел спуск. А что будет дальше? Стимоний – площадка выживания, Атернум – еще хуже, про Сарварий и Эпрон я даже не говорю. По слухам, каждый из них – оживший кошмар. Какой болван с поверхности догадался отправить его на верную смерть? Ладно, мое дело маленькое. Я спасу себя, своих друзей, Велчерон. Как договаривались. Хотя старика, конечно, жалко. Еще одна игрушка бесчеловечной Системы. Может быть, она приоткроет мне свою тайну во время путешествия? Не тот ли это шанс, которого я ждал столько времени?

Перекатывая в голове тяжелые комья мыслей, я коротал время до утра. Костер согревал мое лицо и руки. Через гулкую вечность вокруг начало сереть. Скорее бы новый день!

Вдруг меня кольнуло в грудь чувство приближающейся опасности. Гиллис как–то объяснял мне про генетическую память и работу подсознания. Когда они шуруют на пару, получается та самая интуиция, которая вроде и есть, но откуда берется – непонятно. Мозг даже не врубается, когда интуиция фиксирует признаки надвигающейся беды. В ход идет память предков. Может быть, один из моих древних пращуров так же сидел у костра в дозоре, и именно в похожей предрассветной пелене на него напали враги. Или просто сквозь монотонный шум водопада пробился посторонний шорох? Меня, словно пружиной, подбросило на ноги. Небо прояснялось, но со стороны озера наползал густой шлейф тумана. Я переложил фонарь в левую

руку, а правой подхватил с земли увесистый булыжник. Вот плотная пелена поглотила участок косы. Ее пушистые руки уже смыкались вокруг нашего бивуака. Я толкнул ногой Элки. Здоровяк вскинул голову.

– Просыпайся. По–моему, к нам пожаловали гости.

Через мгновение он был на ногах. Голову втянул в шею, принял профессиональную стойку борца.

– Ты кого–то заметил?

– Да. Нет. Не знаю. Короче, держи глаза открытыми и будь готов!

В мутной хмари мелькнули темные силуэты.

– Эй! Мы вас видим! – зычно крикнул я.

Поняв, что они обнаружены, люди не стали таиться. Фигуры неторопливо обходили наши костры со всех сторон. Я насчитал семь человек. Они были одеты в зеленые куртки из блестящего материала, лица скрывали тканевые маски с прорезями для глаз.

– Держим круговую оборону!

Элки кивнул и послушно сместился на другую сторону от наших девушек. Они обе уже проснулись и теперь испуганно вертели головами.

– Сидите на месте. Не мешайте нам! – шикнул я на Беату, когда та попыталась подняться.

Меня немного напрягало то, что наши противники даже не пытаются вступить в диалог. Хоть бы кто слово сказал! Нет, они молча брали нас в клещи, словно выполняли нудную работу. Дорого же мы им дадимся! Великанами они не выглядели. Самый высокий едва доставал мне до плеча. Да Элки один, шутя, раскидает их команду! Вдруг я заметил у ближнего неприятеля за спиной кусок полотна. Нет! Это не полотно! Это – сеть! И через секунду он взмахнул рукой, чтобы меня ей стреножить. Но не успел. Мой камень раздробил ему голову. Справа ко мне бросилась фигура, но я сместился с линии атаки и круговым движением опустил противнику на череп свой тяжелый фонарь. Брызнули осколки стекла, а нападавший ничком рухнул прямо на девчонок. За спиной раздался визг Эрики. Не беда. Этот тип уже не встанет. Разве что в очередь на утренний прием к Творцу. На меня летел еще один субъект, но я воткнул ему в живот ботинок, и бедняга укатился в обратном направлении. В драке образовалась пауза, и я успел кинуть взгляд на Элки – как он там справляется? Ничего, парень в порядке. Элки стоял, словно колосс, до колен вмурованный в туман. Его левая рука держала одного из врагов за горло, а правая методично выбивала из противника душу. Еще пара фигур нелепо ползала у его ног по земле, видимо, в попытках заново идентифицировать себя в этом

мире. Остальные недруги попятились и скрылись за хлопьями марева. Элки разжал свои железные пальцы и его оппонент тихо сполз вниз. Два туловища в виде военных трофеев беспомощно валялись у наших ног, а их соратники позорно бежали. Над стимонийским пляжем вновь повисла тишина.

– Алло! – гаркнул я вдаль. – Своих заберите!

Никакой реакции.

– Элки, пойдем, перетащим их от лагеря. Нечего им тут прохлаждаться. Берем первого, – предложил я гиганту.

– Велчер, мне по силам унести обоих. А ты шагай рядом, на всякий случай.

– Идет.

Отпущенник бесцеремонно прихватил поверженных неприятелей за шивороты их курток и поволок по земле. Мы оставили обоих у среза воды и вернулись к группе.

Лазарь, лежа на здоровом боку, заторможено хлопал глазами, а девушки застыли в испуганных позах.

– Кто это был? – голос у Эрики дрожал.

Беата ласково погладила подружку ладонью по золотым прядям.

– Понятия не имею. Какие–то оборванцы, – ответил я. – Вряд ли они представляют местную власть. Власть так не действует, она приходит и спокойно берет то, что ей нужно. Скорее, просто шакалы, любители легкой наживы. Бояться не надо. Больше они не заявятся. Гарантирую. Э–э–эх! Фонарь единственный сломал…

Небо Стимония светлело ускоренными темпами. Туман плавился, словно жир на сковороде, и через час исчез совсем. Теперь нам открылась вся перспектива четвертого уровня Лавакрона. И она оказалась еще более внушительной, чем я предполагал. От водного зеркала до потолка на глаз было футов пятьсот, не меньше. И в этом пространстве плыли настоящие облака, представляете? А я уже больше полугода не видел неба. Они были разных цветов – от ярко–синего до свинцового, а между ними в воздухе застыли острова. Некоторые плоские, словно блюдца, другие в виде неровных сфер. Одно из них, что висело к нам поближе, напоминало по форме бычье сердце. Острова со всех сторон оплетали лианы и плющи, а на поверхности даже росли деревья. Между воздушными объектами я углядел натянутые канатные дороги или просто густые сплетения веревок. По этим ячеистым полям, наверное, можно было лазать с одного небесного атолла на другой. Иначе для чего их настропили в таком изобилии? На поверхности озера я так же заметил участки суши, покрытые пальмы и кустами. Только наш пляж был пуст, как лысина Лазаря. Неудивительно, что тут никто не захотел

обосноваться. По озеру ходила бойкая волна. Там и сям поверхность воды вспарывалась стрелками от движения рыб. Не знаю, что нашло на Архитектора, когда он проектировал этот уровень, но парень сотворил подлинный шедевр. Какую–то сказочную страну. Вот зачем меня определили в Прайд, а не сюда? После этого зрелища мне стало удивительно, что у нас в Прайде вообще остались грешники. Почему же они не сваливают на такой курорт, а предпочитают неуютный мир с магмовыми ручьями, слюдяными потеками и озверевшими в конец демонами? Загадка. Сзади подошла Беата и легонько тронула меня за плечо.

– Лодка, – сказала она, указывая пальцем куда–то вбок.

Я сделал ладонь козырьком и присмотрелся. Весельная посудина приближалась к нашей косе под прикрытием отвесного берега. На ее пузатых бортах могло разместиться человек двадцать, но я смог рассмотреть только шестерых. Четыре гребца, рулевой и еще один мужик на носу. Он стоял враскорячку и глазел на нас в короткий армейский бинокль. Я не узрел саламандринских масок, не видно было также и демонской бутафории. Кто же к нам пожаловал? Судно приближалось. Теперь мне стала различима их одежда – обычные плащи из прорезиненной ткани. Все, как один, угольно–черные, от чего компания походила на группу водоплавающих грачей. Я вышел вперед, Элки встал за правым плечом, уступом, Беата расположилась за моей спиной. Для солидности надвинул на лоб капюшон и скрестил руки на груди. Пусть видят, что тут их не боятся. Лодка разрезала носом грунт, и человек на носу спрыгнул на землю. Причем сделал он это, легко перемахнув борт с упором на одну руку. Потом быстро зашагал к нам, ощупывая окрестности взглядом. Его голову покрывали короткие кудрявые волосы, на вид жесткие, словно кабанья щетина. Растительность с черепа плавно переходила в широкие бакенбарды и закругляла нижнюю челюсть шкиперской бородкой. Под дождевиком у него обнаружилась черная, под цвет плаща, майка, которую изнутри распирали мощные грудные мышцы. Крепкий оказался дядя, хоть и не великан, как Элки. И глаза. «ЛоДЖо». Вот что было в его глазах. Полный командный набор. Не знаю, откуда взялся этот мужик, но такие матерые вепри обычно в рядовых не ходят.

Он упругой походкой резиновой шины переместился к нам и безошибочно остановился напротив моей персоны. Протянул руку и сказал, как отрубил:

– Си–Так.

С дистанции в один шаг я отметил жуткое количество шрамов на его лице. Такое чувство, что этого мужика без

перерыва то лупили, то штопали.

– Велчер, – и пожатие у него было под стать всему остальному. Настоящее, мужское.

– Из Прайда спустились?

– Да. Я – демон. Остальные – грешники. И они под моей защитой, – последние слова я произнес медленно, со значением.

– Я не грешник! Я – Свободный человек! – высунулся с репликой Элки.

Длинный язык часто является признаком короткого ума. Не нужно бы сейчас демонстрировать чужаку какие–либо наши разногласия. Но Си–Так только рассмеялся, сверкнув крупными белыми зубами:

– Значит, отработал грехи сполна? Поздравляю! – и тоже пожал Элки руку, не забыв заново представиться. – Си–Так!

– Что–то ты не похож на индейца, – заметил я.

– Это прозвище.

– Прозвище?

– Да. Название тюряги, куда я заехал на первый срок, – просто ответил крепыш.

Я опешил.

– Тюряги?!

У меня уже была мысль спросить, в каком подразделении он служил, а тут вот оказывается что.

– Угу. Есть такое заведение вблизи Омахи–шестнадцать. Тепленькое местечко. Как коровий навоз. А вы, я вижу, молчунам отгрузили, как следует?

– Молчунам? – уточнила Беата, потому что я исчерпал свой лимит попугайского переспрашивания. – Кто такие молчуны?

– Смешная… Так вот же у вас парочка валяется! – Си–Так повернулся к лодке и залихватски свистнул.

Он указал пальцем на два тела, что остались на пляже после налета головорезов. С похвальной быстротой из лодки выпрыгнула пара «грачей» и побежала к пострадавшим. А Си–Так шагнул в сторону и бесцеремонно прошелся по девушкам оценивающим взглядом. Особенно он задержался на Эрике. Ох, и не понравилось мне выражение его лица!

– Значит, подались из Прайда в наши мокрые края…, – задумчиво пробормотал он, не отводя от Эрики глаз. – Что же… у нас таким гостям рады!

– А у нас – это где? – уточнил я.

От первого знакомства пора было срочно переходить к политической обстановке. Пока мы не сморозили чего–нибудь лишнего. Си–так официально откашлялся:

– Клан «Доминорум» приветствует новых граждан Стима. Я –

его вожак, и по–дружески приглашаю вас пополнить наши ряды.

За моей спиной я услышал презрительное фырканье Беаты:

– Тоже мне, друзья! Зачем тогда назвали себя «Повелителями»?

Она перевела клановое имя с латыни. Си–Так даже бровью не повел на ее вопрос. К нам подбежали парни со шлюпки:

– Один из «молчунов» готов. Второй шевелится. Диагност определил, что сломаны три ребра и повреждено левое легкое.

– Раненому вколите лекарства и в лодку. После разберемся. Если выживет, то используем для обмена. Жмурика столкните в воду.

– Они напали первыми. Их было семеро. Остальных мы раскидали, а эту парочку помяли в толкотне. Мы ничем не провоцировали нападение, – я счел нужным прояснить обстоятельства стычки.

Вождь «Повелителей» пренебрежительно махнул рукой:

– «Молчуны» никого не волнуют. Они живут тут, поблизости от водопада, в скалах. Промышляют тем, что грабят и захватывают беженцев из Прайда. Потом продают нам. Ко всем относятся, словно дикие звери. Никого, даже себя не уважают. Главное то, что вы смогли с ними справиться. Это – лучшая характеристика боевых качеств, – и без всякого перехода спросил, кивнул на девушек. – Ваши подружки?

Я видел, как он напрягся при вопросе, как насторожились, будто гончие, почувствовавшие запах жертвы, его подручные и помедлил с ответом. Беата попыталась по своему обыкновению продемонстрировать авторитет и едва не сотворила непоправимую беду:

– Почему именно подружки? Мы – грешницы, которые направляются…

Вдруг я понял, что за ожидание таилось в глазах Си–Така. Пробудившийся во мне безотчетный инстинкт древнего самца подсказал слова:

– Помолчи, Беата, – грубо прервал я девицу, не замечая ее гневно распахнувшихся глаз. – Сейчас говорю я. Си–Так! Если ты спрашиваешь, наши ли это женщины, я отвечаю – да, наши! Мы за них отвечаем. Если кто–то попробует к ним прикоснуться, будет иметь дело со мной и моим приятелем.

Элки с готовностью сжал кулачища. Глаза Си–Така потухли.

– Ладно. Мы еще к этому вернемся, – процедил он. – Итак? Добро пожаловать в клан?

– Вынужден тебя разочаровать. Мы тут по своим делам и двинемся дальше.

Лидер «Доминорума» рассмеялся:

– Советую вам договориться с нами. Иначе, – он показал кивком головы куда–то мне за спину. – Придется иметь дело с ними.

Все тут же обернулись. С другой стороны к пляжу приближалась еще одна лодка с бушпритом в виде русалочьей фигуры. Судно разбрасывало в стороны высокие буруны, потому что над его планширом красовался силуэт здоровенной бабищи с лихим разбойничьим платком на голове. Избыточный вес этой особы заставлял лодку клевать носом и зарываться в волну. Из–за глубокой осадки шлюпка ткнулась в дно, не дойдя до берега. Целая туча брызг поднялась в воздух, когда осанистая пассажирка спрыгнула в прибой. А лодка закачалась так, что едва не выбросила за борт гребцов. Гребцов? Нет, гребчих. На веслах тоже сидели женщины. Я наклонился к Си–Таку:

– Это еще что за женская сборная по гребле? С балластом вместо капитана?

– Феминистки, – беззаботно пояснил Си–Так. – Твари редкостные. А верховодит ими Марша. Сейчас ты с ней познакомишься.

Марша, попирая твердь колоннами ног, грозно на нас надвигалась. Ступни барышни вязли в грунте – земля не держала ее такую. Пожалуй, ростом она была не ниже Элки, но намного превосходила здоровяка в обхвате. Я подумал, что в первый раз вижу женщину, которая весит больше, чем ее самомнение. На подходе к нашей компании атаманша уперла в литые бока сосиски пальцев и потрясла атмосферу сильным грудным голосом:

– Си–Так! Какого черта?! Я заявляю решительный протест! Ты совсем обнаглел?!

– Марша, остынь. Эта группа уходит с нами, – примирительно сказал вождь «Доминорума».

– Мы должны были говорить с ними одновременно. Ты забыл соглашение?

– Это когда мы выкупаем невольников у «молчунов». Но перед нами свободные люди. А один из «молчунов» сегодня пойдет на корм рыбам.

– Хм… Все равно! Ты не имеешь права так поступать! Группа смешанная! Ладно, если бы здесь были одни мужики, – при слове «мужики» ее даже перекосило от презрения. – Но тут присутствуют женщины!

– Они пришли вместе. И девушки готовы следовать за своими мужчинами.

Хвала Творцу, что у Беаты и Эрики хватило ума не уточнять сейчас наши отношения. Марша и так находилась на грани

взрыва.

– Не смей при мне проводить дискриминационное разделение! Это для вас, похотливых самцов, важно отличать девушек от женщин! – проревела слониха, но потом смягчилась и деловито добавила. – Я желаю поговорить со своими сестрами наедине. Хочу убедиться, что не было насилия над их волей… И–и–и телом!!! – рыкнула она напоследок.

Происходящее меня, признаться, позабавило. Люблю наблюдать, как взрослые люди валяют дурака. Мне до зуда хотелось отколоть какую–нибудь шуточку относительно тоннажа главной феминистки, но внушительный облик Марши и ее неподдельный гнев навеял мысль, что пока скромность для меня – лучшая из добродетелей.

Она просунула свою лапищу под руку Беаты и увлекла девушку за собой по косе. Эрика последовала следом, боязливо оглядываясь.

– Занятные дела у вас тут творятся. Всех паломников продают в рабство. Люди проламывают друг дружке головы почем зря. Пожалуй, что я начинаю понимать, почему экзотичный Стимоний не слишком популярен у грешников.

Си–Так в ответ на мое утверждение блеснул зубами и с размаху хлопнул меня по плечу:

– Ты и десятой части не знаешь. У нас здесь такие баталии проходят… А что будет послезавтра, и предположить страшно…, – он удивленно покосился вниз, а я ощутил прикосновения к своей ноге и вздрогнул.

Это Лазарь, словно червяк, подполз к нам. Медицинский раствор лишил его подвижности, сковал бедра, поэтому любопытному старику пришлось осваивать перемещение на манер ужа. Он что–то вполголоса ворчал себе под нос, так что мне пришлось нагнуться, чтобы разобрать его речь сквозь шум водопада.

– Какой превосходно он все реализовал! – безмятежно шептал Лазарь. – Вывести гендерную проблему в основу конфликта. Противопоставить Прайд и Стимоний. Я не перестаю им гордиться…,– но увидев, что я прислушиваюсь к его словам, старик осекся.

Похоже, наркоз крепко задурил ему мозги. Но я все равно поинтересовался:

– О чем ты толкуешь?

– В Стимонии мгновенно сработала инверсия моделей поведения мужчин и женщин. Не понимаешь, Велчер? – Лазарь многозначительно показал глазами на фигуру Си–Така и добавил. – Позже.

Дамы вернулись с тет–а–тета спустя десять минут. За это время я успел выяснить, что в Стиме нет разделения на грешников и демонов. Последние по праву первенства стали начальниками или, как их тут именовали, бригадирами. Бригады делились по территориальному принципу, в зависимости от места поселения. Их уплотняли вновь прибывшими грешниками, а ведал распределением лично Си–Так. Прав у новичков было, как у любого рода неофитов, то есть, никаких. На вопрос о питомцах местный главарь ответил, что ничего подобного в Стимонии не водится, а если и появляется кто залетный, то сразу падает замертво. Выходит, здешняя система не поддерживает их жизнедеятельность. Как хорошо, что я оставил Хухлика в Прайде!

Нашу светскую беседу прервало появление на горизонте кучевого облака по имени Марша, с Беатой и Эрикой в арьергарде. Атаманша проследовала по курсу «берег – лодка», не удостоив нас и единым словом. И только угнездившись на адмиральском месте, она обернулась ко всем присутствующим и громогласно заявила:

– Мужчины! Через день, в сражении на Платформе мы от вас костей не оставим! Долой сексуальное рабство! А вы, – она грозно направила палец, словно орудие главного калибра, на наших девушек. – Вы еще пожалеете о своем решении!

Процесс отчаливания их шлюпки занял не меньше минуты. Когда, наконец, усилиями гребцов–шестовиков, лодку удалось стронуть с места, я повернулся к Си–Таку:

– Что она там вещала насчет сражения, не подскажешь?

Бывший зек озабоченно поскреб затылок:

– Да послезавтра у нас запланирована большая драка по случаю распределения новой техники. Та еще ожидается мясорубка. И вы, как временные члены клана «Доминорум», будете в ней участвовать!

Какие грациозные позы принимают девушки перед зеркалом! Моллой любовался Лори, а та крутилась напротив гардероба, примеряя новый наряд – его, Моллоя, подарок из командировки в Венторис. Что там на прощание спросил Зельден? «У вас все в порядке, Архитектор? Я имею в виду личную жизнь». Моллой смущенно ответил, что все прекрасно, а старая ищейка многозначительно хмыкнула – тебе, дескать, виднее. В первую секунду в мозг стукнула мысль – он намекает на роман с Тониа. Эти совсем ненужные отношения стоили Моллою чудовищной суммы с баланса Добродетелей. Департамент социальных связей совсем не поощряет секс на рабочем месте. А если бы у них с Лори был полноценный контракт на постоянное партнерство?

Тогда бы его похождения рассматривались, как адюльтер. И это уже считалось бы преступлением. Больше. Смертным грехом «Кодекса». За такие проделки светит Лавакрон – Моллой знал об этом лучше, чем кто–либо другой. Но сначала он, погруженный с головой работу, откладывал брачное соглашение, а потом Лори перестала об этом напоминать. Теперь Моллой сам был готов отдать что угодно, лишь бы вернуть те дни, но время было безвозвратно упущено. И Лори примеряла подарок, чтобы отправиться на вечеринку без него. Со своими друзьями. Такой уклад – жизнь порознь настолько прочно въелся в их отношения, что Моллой даже не имел повода как–либо попрекнуть свою девушку. Свою ли? А может быть, Зельден говорил не о нем, а о Лори? Но Моллой успел утратить право на недоверие. Шашни с Тониа поставили его в этом смысле «вне закона». Зачем он допустил, чтобы глупый флирт зашел так далеко? Хотел отомстить. За что? За пренебрежение к себе? Стремился заполнить пустоту, трещину, в образовании которой винил Лори? Что ж, у него получилось. Вышло так, что теперь его сердце рвалось от осознания непоправимой ошибки, сожаления о содеянном и лицемерной жалости к себе.

Лори чмокнула его в щечку и умчалась по своим делам. А Моллой доплелся до компьютера: в числе его приятелей остались только каналы обозрения Лавакрона. Серая тундра Инфиделити, кровавые гроты Прайда, сине–зеленые переливы Стимония. Он кусал губы, когда Рими беспомощно болтался на страховке, его кулаки сжимались вместе с кулаками Велчера во время боя с работорговцами. Демон проявил себя, как прирожденный лидер. Напрасно Проектировщик в нем сомневался. Когда было нужно, Велчер мгновенно брал ответственность на себя и делал это непринужденно. Моллой флегматично сбросил на коммуникаторе вызов Тониа и с мрачной улыбкой чокнулся с экраном бокалом. Ядовито–желтый стимулятор, когда плеснулся, оставил кляксу на столе, но Архитектор не обратил на это никакого внимания. Лавакрон вновь раскрывался перед своим создателем, чтобы без остатка всосать в себя последние осколки его души.

Линия Слика. Красота имеет цену

– Ну, как дела, старикан? – с этими словами я вошел в шатер, в глубине проема которого блестела розовая лысина Лазаря.

– В голове немного шумит. И все тело точно наэлектризовали. Хочется бежать куда–то, сломя голову, только вот бедро в гипсе…

Матерью нашему несуразному жилищу приходилась

армейская палатка, а отца подобрали из деревенского рода ивовых прутьев. Отпрыск вышел на диво отвратного вида, зато хорошо защищал своих обитателей от ветра и влаги, благодаря толстому синтетическому полу. Справа от входа торчал похожий на вертикальный гроб шкаф с припасами, а слева в потолок упирался сучковатый ствол дерева, с успехом заменявший вешалку. Распяленная шкура крокодила лежала на пороге вместо придверного коврика. О зубы нижней челюсти хозяин, видимо, счищал с ботинок прилипшую грязь.

– Я поставил предельный режим в аптечке. Тебя фаршируют наноботами, как чемпиона кроуд–файтинга перед финальным боем. Туалет в пяти шагах, но если будет трудно подняться, просто выползи за порог палатки. Роботы–ассенизаторы за тобой приберут.

Мы находились на воздушном острове в самом центре Стимония. Половина группы без труда преодолела подъем по веревочным лестницам, но Эрике и, само собой, Лазарю потребовались отдельные условия. Второго пришлось волочь наверх в виде куля с припасами через несколько понижающих шкивов, а наша нежная блондиночка вдруг вздумала истерить и паниковать. В результате ее запеленали страховочными ремнями и подняли, несмотря на визги и стоны. Поглазеть на это зрелище со всех сторон привалило не меньше трех десятков лодок. Наш гостеприимный хозяин еще долго о чем–то беседовал с народом, как мне показалось по жестикуляции, в успокоительно–увещевательном тоне.

Старика сразу определили в один из трех шатров, что выделил нам Си–Так для размещения, после чего мы принялись обихаживать лагерь и готовить ужин. Меня слегка смущала стража из пяти крепких ребят, что толклись возле подъемного механизма, но главный «Повелитель» заверил – так будет надежней, а за своих парней он ручается. Потыкав пальцами в припасы и удобства, Си–Так опять отвалил вниз, на озеро, заявив, что ничем не желает нас стеснять. Я обратил внимание, что сборище внизу и не думало расходиться, а даже наоборот – увеличило численность. Слова и голоса до острова не долетали. Их напрочь сносил ветер. Оставалось надеяться, что суета среди населения вызвана не нашим появлением, а предстоящей битвой, о которой, кстати говоря, нам пока ничего не разъяснили. Но на всякий случай я шепнул Элки, чтобы он не ловил ртом мух и держался настороже.

Мои тревожные размышления прервал вопросом Лазарь:

– А где наши девушки? И Элки?

– Готовят ужин. Как полагается. А здоровяк поглядывает по

сторонам, чтобы чего не случилось.

Неожиданно старик радостно захихикал и потер маленькие ладошки:

– Вот именно, Велчер! Как полагается! Действительно, все мгновенно и верно расставилось.

Похоже, что у него небольшая несовместимость с лекарствами. Странно, что электронный диагност не выявил аллергии. Но на башку ему препараты давят – это точно. Я вздохнул:

– Не пойму, о чем ты толкуешь. Думаю, что тебе стоит немного вздремнуть. Когда еда будет готова, я тебя растолкаю.

Но он схватил меня за руку и горячо заговорил:

– Нет, ты не понимаешь! Посмотри сам – женщины сразу сами определили для себя область ответственности, а именно – очаг, а Элки безоговорочно принял роль среднерангового самца. Именно они исполняли в доисторических племенах роль охранников. Что касается вождя, то он, как и полагается вождю, ни черта ни делает, но всем руководит.

– Между прочим, я зашел проведать твою старческую шкуру, – мне даже стало обидно от его слов. Индюку было понятно, что под вождем он имел в виду конкретно меня.

– Прости, Велчер, я совсем не хотел тебя задеть. Речь идет лишь об инстинктивном распределении ролей. Стоило выключить нейросеть и отобрать у людей сложные игрушки, как они тут же вернулись на первобытный уровень поведенческой базы. И что это доказывает, осмелюсь спросить? А то, что у нас по–прежнему в ховерах и космических аппаратах повсюду сидят обезьяны с каменными топорами. Как и в других местах, кстати! – Старик закончил свою речь и воззрился на мою персону торжествующим взглядом фанатика.

– Погоди–ка! – я уже собрался вон из шатра, но последние слова Лазаря заставили меня обернуться. – На пляже ты бредил о каком–то гендерном доминировании… Это что–то насчет баб? Речь шла про амазонок?

– Ага, – с готовностью подтвердил Лазарь.

– И типа, ты в силах прояснить причину стимонийской смуты? Лазарь! Нам с Элки послезавтра придется участвовать в их разборках, а я даже понятия не имею, куда мы ввязываемся! – я уселся на пол прямо перед его носом. – Если ты можешь мне рассказать о здешней кутерьме – делай это немедленно!

– Охотно, Велчер, охотно, – Лазарь даже зажмурился от предвкушения удовольствия. – Прайд и Стимоний. Зной и прохлада. Противопоставление. Но не только в данном аспекте. Обрати внимание, что в Прайде женщинам отведена

второстепенная роль при главенствующем положении мужчин.

У нас вроде как лекция получилась. Старик – профессор, а я – прилежный курсант.

– Ты не прав. В Прайде есть одна шустрая дамочка, так она подмяла под свои каблучки добрую треть демонов.

– Это единичный случай. А в массе?

Я должен был признать, что в массе на первые роли вышли мы, мужчины.

– Во–о–от…, – удовлетворенно протянул Лазарь. – Для примитивного общества, каким задуман Прайд, культ физической силы и природной агрессии характерен. Все закономерно. Отсюда – патриархальная модель поведения. Теперь Стимоний. Не зря здесь собрали самых подготовленных и жестких людей. Бывших военных, заключенных, коих до сих пор немало на Земле, прочих асоциальных типов…

– Стой! А ты откуда знаешь?

– Так… Слышал…, – уклончиво ответил Лазарь и тут же вернулся к своей лекции. – Женщины тут точно такие же. Привыкшие ни в чем не уступать мужчинам. И, естественно, мы имеем конфликт на гендерной почве. Одни хотят доминировать, вторые отвечают: «А мы вам не позволим! Мы сами привыкли приказывать и распоряжаться!» Какой смелый социальный эксперимент!

– Ты хочешь сказать, что всю кашу заварили яйцеголовые ребята с поверхности?

– Не совсем. Они лишь создали для этого определенные условия. Обрати внимание – какой мягкий мир Стимоний. Это не случайно. Среда не должна быть настолько агрессивной, чтобы против нее, как внешнего врага, объединились и те, и эти. Присутствуют всякие крокодилы, акулы и анаконды, но это так, чтобы люди до конца не расслаблялись. В Прайде же наоборот – много работы для норадреналина, много опасностей со стороны декораций. Дополнительный стимул, чтобы раскрыть все необходимые для устроителей Лавакрона качества.

– Ах, какие же они поголовно гады! И зачем, интересно, им все это нужно?

– О–о–о! Нельзя же пропустить возможность проверить то, что мы знаем лишь из исторических фолиантов. Ведь они закладывают фундамент нового общества, им нельзя ошибаться. Велчер, даже если ты строишь пирамиду до самого неба, ты все равно начнешь с одного единственного камня. И неважно, какой она будет формы! Пусть это будет куб. Или сфера. Но все равно она состоит из камней. Понимаешь? Монархия, республика, федерация – плевать, как ты назовешь общественный строй. Он будет настолько эффективен, насколько в нем сильна основа. Что у нас основа? Мы! Люди! Мужчины и женщины. Лавакрон – колыбель нового общества, он же – полигон для экспериментов и проверки теорий. Нет, но какой он все–таки гений. Сколько он привнес в первоначальную идею!

– Ты сейчас о ком? – подозрительно спросил я.

Лазарь на секунду сконфузился, потом, помедлив, ответил:

– Об Архитекторе. Об этом человеке ходит множество легенд среди грешников.

– Ты рассуждаешь о главном боссе Лавакрона, как о своем знакомом…

– Ха–ха! Велчер! Кто я и кто он. Я – грешник, без надежды на помилование, а он – величайший ум Земли.

В матерчатом проеме шатра я увидел, что от пятерки охранников отделилась фигура и направилась в нашу сторону. Я мигом вскочил на ноги:

– Ладно, старик, после договорим. Отдыхай пока. И не сильно шевели извилинами, не то мозги вскипят.

Я вышел из палатки и со значением бросил взгляд на Элки. Громила тоже стоял на ногах, готовый в случае необходимости прийти мне на помощь. Я сделал ему знак: «Оставайся, где был», потому что увидел – это Си–Так собственной персоной почтил наш временный лагерь своим присутствием. И что–то подсказало мне – у нас будет содержательный разговор с глазу на глаз.

Так, в принципе, и получилось. Не сговариваясь, мы проследовали через половину острова на площадку наблюдения, откуда открывалась картинка на весь Стимоний. Не дать, ни взять – две кумушки собрались посидеть за домашним пирогом с бутылочкой сидра. Предо мной лежало огромное озеро с сотней карманных архипелагов и воздушной взвесью разнокалиберных летающих платформ. А посередине зеленоватого блюдца, в окружении прихотливого вида островков с множеством бухт, торчал нелепый прямоугольный кусок суши. Словно строители использовали эту твердь для каких–то своих целей. Они навели порядок, размалевали Стимоний натуральными красками, прорезали сотни фьордов, но почему–то забыли про собственный

плацдарм. Он таким и остался – странным и искусственным образованием в естественном мире.

– Отличная картинка, Си–Так, уважаю за выбор резиденции, – я сделал вежливый комплимент нашему хозяину. – А в центре что за уродство? Недогляд Архитектора?

– «Туррис Кустос».

– Чего?

– «Вышка надзирателя». Так я окрестил свое логово. С моего высокого насеста удобно проводить рекогносцировки. Если у тебя нет акрофобии, конечно. А квадратная плешь в центре – наша знаменитая Платформа. Там мы решаем все разногласия. Послезавтра вода вокруг Платформы будет кишеть крокодилами и акулами. Животные быстро просекли свой интерес.

– Не понял…

– Трупы. Они пожирают трупы.

На остров медленно наползало пушистое облачко. Оно уже посеребрило траву гроздьями тумана и теперь деловито поглощало очертания подъемника.

– Ты пришел поговорить о войне? – без обиняков спросил я.

– Не только, Велчер, не только, – осторожно ответил Си–Так. – Сдается мне, что в вашей шайке ты – главный. А такие вопросы всегда следует решать с нужным человеком. Понимаешь?

– Тогда давай быстрее разроем эту помойку и дело с концом. Из–за чего пошли ваши разногласия с феминистками?

Си–Так хмыкнул.

– Поначалу все в Стимонии устроилось для нас, бригадиров, наилучшим образом. Свобода, женщины, дармовая еда. Признаю, может, где–то мы перегнули палку в плане дамочек. Смекаешь? Не всегда интересовались таким интимным предметом, как взаимность.

– Вот как? – нахмурился я.

Мне, жителю пограничных районов, где равенство и братство впитывалось вместе с молочной смесью, претило любое насилие и неуважение к свободе выбора. Особенно в вопросах секса.

– Время было такое. Нам сказали, что закон в Лавакроне не действует. Совсем. Мы ошалели от свободы. Но потом откуда не возьмись, на сцену выперлась Марша с подругами и заявила: «Все, шабаш. Теперь мы будем жить по–другому». Они быстренько под предлогом защиты уболтали примкнуть к их кодле почти всех женщин. Кого не удалось убедить, отбивали силой.

– Ого. А вы куда смотрели? – спросил я, а сам подумал: «Лазарь бил в точку!».

– Велчер, у Марши имеется силовой отряд в пару десятков таких оторв, что до них далеко инструкторам по рукопашному

бою. Это не бабы, это – бестии. По мне, так им мужики совсем без надобности. Этим фуриям гораздо приятнее в обществе себе подобных. «Росомахи». Такое у группы боевых Гретхен прозвание.

– Ах, они, вонючки скверные. А дальше что было?

– Дальше «баш на баш». Они начали обменивать секс на всякие вещи и услуги. Хочешь счастья – валяй, отрабатывай. В общем, сложилась ситуация, когда мужики стали вроде вьючного скота, только без кольца в носу.

– И вы, бывшие отморозки, не попытались поговорить с этими феминистками с помощью силы? Что–то я не верю.

– Еще как пытались. Но среди бригадиров не было единства. Некоторые поддержали Маршу. Она сумела с ними как–то столковаться. В общем, на каждой битве против нас, мужиков, постоянно играют свои же. Марша с удовольствием покупает услуги наемников. И те просто встают в очередь ради награды. Платит, сам понимаешь, чем.

– Да кто на нее позарится! – расхохотался я.

– Велчер, ты ничего не понял, – терпеливо пояснил Си–Так. – У нее под началом почти все белые чепчики Стимония. И теперь у нас секс идет как валюта, и курс ее стабильный. Любая биржа позавидует. Стоит паре девчонок спуститься по веревке из Прайда, как приплывает Марша и предъявляет на них свои права. Как вас удалось отстоять… Чудо просто. Похоже тут дело в тебе, Велчер. У Марши звериный нюх на силу. Не физическую. Моральную. Она почему–то не решилась с тобой связываться.

– Ясно. Послезавтра, как я понимаю, день очередной поправки к конституции. При помощи дубья и кулаков.

– Совсем нет. В Стимонии наступает эра окончательного беззакония. Саламандрины уходят, а нам выдаются всякие полезные новшества, типа летательных ранцев и жезлов власти. Про жезлы вообще ничего не понятно. Барахло скинут на плоты по центру озера, рядом с Платформой. Кто сможет захапать больше, тот получит преимущество. Бойня предстоит небывалая. Марша что–то задумала, и я понятия не имею что. Эх, знать бы…

– А деремся чем? Ножи, дубинки?

– Только голые руки. И никаких доспехов. Но не обольщайся – тут немало специалистов с разными фокусами. Ладно. Про правила битвы мы еще поговорим. Давай перейдем к нашим делам.

– Давай.

– У вас раненый. Ему нужен покой, уход и главное – время.

– Мы с Элки отработаем твое гостеприимство. Будем сражаться за «Доминорум».

– Здесь мы говорим иначе. Женщины ведут коммерцию, а у

мужчин все строится на дружеских услугах. Вроде как, это наше, мужское. Я оказываю дружескую любезность вам, вы отвечаете мне взаимностью. Взаимовыручка. Идет?

– Идет, – легко согласился я. – Дружба – это хорошо.

Си–Так медленно достал из кармана дождевика кисет, не торопясь, раскурил самодельную сигарету. Протянул еще одну мне, но я отказался. Чего он медлит? Вождь «Доминорума» хитро прищурился:

– Твой больной – не единственная наша проблема, – он усмехнулся в ответ на мой вопросительный взгляд и добавил. – Девушки.

– Что с ними не так?

– Все так. Даже слишком. У меня четырнадцать бригад без единой женщины. Мужики с ума сходят. Готовы лизать Марше ее толстые пятки, чтобы получить возможность иногда сбрасывать пар… В общем, она крутит ими, как хочет. И вдруг появляется твоя четверка, половина в которой имеет сиськи.

– Девчонки – наши. Точка. Ты их не получишь, Си–Так.

– Не совсем по–дружески одному безраздельно владеть тем, чего лишены прочие.

– Сколько у тебя народу? Тысяча? Около того? Две женщины не решат твоих проблем, вождь. К тому же я за них отвечаю и не допущу, чтобы к ним прикасались. Таковы правила.

– Твои понятия могут быть хороши для Прайда. Но вся штука в том, что вы теперь уже в Стимонии. А тут у нас собственные порядки.

– Мы с Элки не отдадим своих женщин.

– По–моему, Велчер, ты втираешь мне очки. Не знаю насчет тебя и брюнеточки, но то, что Элки и блондинка не имеют друг к другу отношения – это точно. Я немало потерся среди людей в разных местах, и такие штуки просекаю на раз. Я пошел вам навстречу, предоставил свой остров, а ты меня обманываешь. Нехорошо это. Не по–дружески.

– Какая разница в том, кто кому кем приходится? Си–Так, ты вроде бы нормальный парень, но если ты попробуешь хотя бы приблизиться к нашим женщинам, то будешь иметь дело со мной.

– А я и не буду пытаться. Ты – серьезный чувак, Велчер, я понял это сразу. Мне достаточно лишь отойти в сторону. Тянуть за вас мазу перед своими людьми, наживать неприятности я не согласен. Зачем мне такие замесы? Ладно, если бы девчонки и вправду были вашими постоянными партнершами, такое я еще могу понять. Но ты надул меня, Велчер. Надул, по–крайней мере с Эрикой. Так, кажется, зовут беленькую? Ты вроде бы играешь крутого… ну и как, справится крутой парень с несколькими

сотнями озверевших мужиков? Думаю, без моей помощи вряд ли. Поэтому я и не базарю насчет сражения. Не хочу тратить время. Еще не факт, что вы с Элки до него доживете. Если ты продолжишь в том же духе.

Я кисло улыбнулся. Си–Так плотно прихватил меня клещами аргументов за все нежные места.

– Ладно, вождь, колись, что ты предлагаешь.

– Пока вы у нас гостите, блондинка будет проводить со мной каждую вторую ночь. Я не жадный. Нечетные дни мои, четные могу оставить Элки. Так будет по–дружески. Взамен я использую свое влияние, чтобы разрулить вопрос с подданными. Свару я потушу. Отвечаю. Велчер, по–моему, условия справедливые. От нее же не убудет, верно? Честно, последний раз я наблюдал такой цветочек еще до Маскоги.

– Что это? Еще одна тюряга?

– Ага.

– Похоже, ты задался целью побывать в самых дерьмовых местах на Земле, чувак.

– Точно, брат. Лавакрон из них еще не самое паршивое. Это значит, да?

– Повремени чуток. Я должен перетереть тему со своими.

– Ха. Разве твое слово для них не закон? А я думал, что ты – настоящий вожак.

Его слова прозвучали почти оскорбительно. Я не поднаторел в знании тюремных повадок, зато прекрасно представлял себе психологию подобных людей. За годы службы в армии кого только не встретишь. Они видят слабость и сразу переходят в наступление, пока противник это позволяет. Я ответил, постаравшись придать голосу максимально угрожающие интонации:

– Попридержи свой язык, Си–Так, когда рассуждаешь о предметах, до которых тебе, как до Луны. Твои законы – законы Стимония, как ты сам сказал. Мы живем по своим понятиям. Что касается того, кто из нас лучший вождь… если есть какие–то сомнения, то мы можем разрешить их прямо здесь и сейчас.

Я сжал кулаки и немного к нему придвинулся. Бывший зек осторожно подался назад, сохраняя дистанцию.

– Прости, Велчер, я не собирался бросать тебе вызов. Забудь, что было сказано, – мой жесткий отпор он воспринял спокойно, как должное, и мгновенно сбавил обороты.

– Жди меня здесь.

На подходе к костру я услышал лепет Эрики о красоте четвертого уровня, как он выгодно отличается в этом смысле от Прайда. Туман к тому времени накрыл собой почти всю «Туррис

Кустос», только два крайних к очагу шатра и сама поляна оставались пока во власти прозрачного воздуха. Похлебку уже сварили. Беата и Элки вдвоем снимали котел с плоских камней, что заменяли жаровню, а наша белокурая красавица мыла посуду под тонкой струйкой воды, которая текла из крана на массивном стальном баке. Стоило моей фигуре выпутаться из облачной изморози до половины, как навстречу шагнула Беата:

– У нас неприятности?

Видимо, что–то в моем облике подсказало ей тревожный вопрос. Вкратце я обрисовал спутникам наше положение. Когда они поняли, о чем идет речь, то Эрика вскрикнула и закрыла лицо ладонями, а молочная кожа Элки налилась темной кровью. Громила тяжело дышал, его кулаки сжимались и разжимались. Будь Си–Так рядом, я бы не дал за его жизнь ни гроша. Только Беата сохранила хладнокровие.

– Какой у нас выбор? – спросила она.

– Всего два варианта. Первый понятен, долго говорить о нем не будем. Если же мы отказываемся, то предлагаю не сидеть сложа руки. Действовать нужно на упреждение. Пятерку охранников подъемника надо аккуратно вырубить и скинуть в озеро. Си–Така тоже. Пока те, внизу, не очухались, мы перережем все веревки. Таким образом, остров превратится в крепость. Правда, послезавтра им выдают летательные ранцы, но какое–то время мы продержимся.

– Что дальше? – мрачно поинтересовалась Беата.

– Не знаю, – честно сказал я. – Перспектив особых нет. Будем драться. Но даже при самом худшем раскладе, смерть угрожает только нам с Элки. Ну, может, еще Лазаря пустят в расход за компанию. Вы, женщины, в безопасности. Насколько я понял, вы для них представляете слишком большую ценность, чтобы вас убивать. Таков второй вариант.

На самом деле, у меня в голове имелся и третий выход. Последние слова Си–Така подарили мне одну мысль. Вызов. А если бросить вызов вождю «Доминорума» и победить? Но я слишком туманно представлял себе реализацию этого плана, а посему оставил его на крайний случай. Точнее, выбором между первой и третьей возможностью, поскольку идти вторым путем я не собирался ни при каких обстоятельствах.

– Стало быть, блокада или гибель? Даже если удастся отбиться, то шансов выбраться отсюда нет, – резюмировала Беата.

– Верно, девочка. Ты все очень верно понимаешь, – подтвердил я ее правоту.

Вдруг наша скромница Эрика подала голос:

– Не стоит дальше это обсуждать. Я согласна.

Элки покраснел от ее слов еще больше:

– Ты не обязана…

– Не обязана что?! – почти взвизгнула блондинка. – Выбор стоит между моим телом и гибелью кучи людей! Вы думаете, что я бездушная тварь? – она прикусила губу, а потом выдохнула. – Творец Всемогущий… Ну какой же он страшный! Все лицо в шрамах…

– Зато душа у парня добрая. Уж лучше с ним одним, чем с распаленной толпой, что явится сюда, пройдя по нашим с Элки трупам, – я, как лидер, решил подвести итог. – Теперь мне остается поздравить Си–Така с победой. А вы будите Лазаря к ужину.

– И пусть это животное помоется, прежде чем подходить к нашей малышке! – крикнула мне в спину Беата.

Когда Си–Так узнал, что мы согласны, он запрыгал на месте от радости, словно баскетбольный мяч. Я сам на полгода был лишен женской ласки, но ничего такого не выкидывал. Видимо, тут дело в возможности и доступности. Или Эрика ему настолько приглянулась. Лидер «Доминорума» от избытка чувств подскочил и с размаху опустил обе руки мне на плечи:

– Я твой должник, Велчер! С этой минуты ты – мой друг на всю жизнь!

– Погоди скакать, приятель. Сначала еще раз проговорим наши кондиции. Ты получаешь девушку, а мы – кров и безопасность на все время пребывания в Стимонии. Более того, ты поможешь нам при переходе в Атернум и не будешь чинить препятствий…

– Но вы с Элки станете бойцами нашего клана!

– Пока мы здесь, да. И ни минутой позже выздоровления старика. Ты гарантируешь, что проблем по женской части с местными у нас больше не предвидится. Все правильно? – я ответно обнял бывшего уголовника и проникновенно заглянул ему в глаза. – Потому что, если вдруг по каким–то причинам что–то пойдет не так, я не собираюсь слушать отговорки. Тогда тебе, Си–Так, даже наша дружба не поможет.

– Спокойно, крутой парень. Слово у меня одно. Когда я его даю, назад не забираю. На том и держусь. Моя смелость и мое слово сделали меня тут главным. Пожмем руки в знак договора! И можешь выбирать для себя и брюнеточки отдельный шалаш! Во втором, как я вижу, уже обосновался Лазарь. В качестве временных постояльцев туда же попеременно будем наведываться мы с твоим Элки. А третий закрепим за нашей прекрасной жрицей любви.

– Погоди… Так вот почему их три? Значит, ты заранее обо

всем позаботился? Ах, Си–Так, ну ты и плут!

– Просто предусмотрительный. Ладно, я опять вниз, перед боем полно хлопот. К закату буду. Передай Эрике, чтобы ждала меня в своем шатре и не скучала. Скажи ей, что она не будет разочарована.

– Погоди. Ты не хочешь просветить меня насчет плана баталии?

– Поутру устроим маленький военный совет, – пообещал он мне почти на бегу. – Не волнуйся, дружище, у нас все происходит без обмана.

– Хотелось бы верить… Си–Так!

– Чего?

– Слушай… ты бы принял ванну, прежде чем обратно подниматься на «Туррис». Таково желание девушки.

Бывший зек блеснул зубами в широкой улыбке:

– Какая чувствительная! Скажи ей: непременно! Вам самим, кстати, воды хватает?

– Да, бак почти полный.

– Душевая лейка сзади. И прости, Велчер, у меня и вправду дела!

После ужина я отволок Лазаря в шатер и угнездил на ложе из спальных мешков. Наноботы исправно делали свою работу. Боль у старика прошла совсем, и теперь он отчаянно скучал от безделья. Из милосердия я в подробностях рассказал ему местные заморочки с феминистками, но умышленно опустил наши гешефты с Си–Таком.

– Вот такая тут теперь платежная система. Секс в обмен на все, – этими словами я закончил свой монолог.

– А что тебя удивляет? Если проституция – древнейшая из профессий, а деньги, замечу, тогда еще не изобрели, то так и получается. Плотская любовь, действительно, старейшая из валют. Шучу, Велчер, – прибавил он, видя, как вытянулось мое лицо.

Через порог шагнул Элки и едва не свалил меня с ног своей массой.

– А ты что тут делаешь? – удивленно спросил он.

– Как что?! – не менее удивленно переспросил я. – Развлекаю Лазаря и присматриваю себе угол для сна. Потом проделаю небольшой моцион на свежем воздухе, проверю лагерь, перекинусь парой слов с охранниками и спать. Завтра у нас военный совет, а через день – большая драка. Не забыл?

– Твое место не здесь, а в другом шатре, рядом с Беатой.

– С чего бы? Не то, чтобы я был против, но мужчина не должен навязывать девушке свое общество.

– Неужели ты решил изменить своей официальной подружке со стариком? – насмешливо поинтересовался громила. – Что подумает о тебе Си–Так? Он же уверен, что ты и Беата – пара!

– Проклятье. Я что–то упустил этот момент.

– Так я тебе и поверил, – ехидно фыркнул Элки. – Ладно. Ее действительно опасно оставлять на ночь одну. Эрика уже…

– Понял, – прервал я здоровяка.

– Да что у вас происходит? – взвился любопытный Лазарь.

Я не стал вдаваться в объяснения, а оставил их на долю Элки. Пусть отдувается увалень. Не смог подыграть и изобразить с Эрикой большую любовь. Впрочем, все к лучшему. Неизвестно, что еще придумал бы Си–Так, не оставь мы ему эту лазейку.

Снаружи стемнело. Еще одна особенность Стимония – рассвет тут начинался обычным образом, зато закат происходил, как по команде «Отбой!». «Пах–пах–пах» отщелкивались блоки прожекторов, погружая уровень в ночную мглу за считанные минуты. Почти на ощупь я добрел до наблюдательной площадки, заглянул за край острова и замер с раскрытым ртом. Внизу расстилалась огромная чаша, полная зеленоватого молока. Дно озера подсветили специальные лампы, отчего толща воды стала полупрозрачной. Интересно, почему этого не было накануне? Экономия энергии? Мне захотелось достать всех из палаток и привести сюда полюбоваться на невиданное чудо. Но потом я решил, что сегодня народу не до подводных фонариков, вздохнул и, пробуя подошвой землю, стал пробираться к душевому баку. Пару раз я спотыкался, едва не падал, и эти мучения отвратили меня от желания навестить охрану подъемника.

Прохладная влага щекотала мою кожу сотней иголочек, а я думал о Прайде. Как там ребята? Совесть пробовала на вкус мою печень. Бросил их на произвол судьбы, прохлаждаюсь тут среди озер, а они остались исправлять мои промахи. Решено. Если мне удастся вернуться – хватаю в охапку Набуяга с Тенгиром и переселяюсь на этаж ниже. Стоп. А Велчерон? А Хухлик? Здесь отключается электроника. Мой питомец погибнет. Легко оправдать себя тем, что погибнуть может лишь живое изначально, но не по мне такие подленькие подходы. Слишком часто стимфалиец выручал из беды своего хозяина, чтобы он так бессердечно с ним расстался. На секунду мне стало настолько смешно, что я едва не расхохотался. Чудны человеческие чувства. Я иду неизвестно куда, веду с собой крайне подозрительную компанию, предчувствую грядущие проблемы, а мыслями пребываю уже в родной Хибаре. Может, все от того, что я направляюсь на самое странное свидание в моей жизни и просто нервничаю? Беата смущает мой разум и чувства. Что–то есть в

ней совсем непонятное, не по–женски холодное.

Когда я проходил мимо палатки Эрики, то отчетливо услышал изнутри звуки возни, а также чувственные женские «охи» и «ахи». Стало быть, Си–Так вернулся и вовсю усердствует над нашей красоткой. «Я буду холодна с ним, словно лед!» – такой высокомерный лозунг выдала блондиночка, прежде чем отправилась на покой. Ну и куда девалась ее стойкость?

Я долго возился в темноте с пологом третьего шатра, пока не уразумел, что он не зашнурован, а просто завязан на обычный узел. Под потолком висел желтый светляк аккумуляторной лампы, ровно такой же, как и в моей прайдовской берлоге. Беата лежала под одеялом на боку, подоткнув кулачком щеку, и внимательно разглядывала мою персону. Чтобы как–то сломать купол молчания в палатке, я без долгих раздумий сходу сморозил глупость:

– Судя по тому, что слышали мои уши, у Эрики с Си–Таком все хорошо и взаимно.

– Знаю. Звуки долетают даже сюда.

–Хм…

Я повесил плащ на вешалку, а мокрое полотенце перекинул через сушильную веревку. Неторопливо уселся на низкий табурет и принялся стаскивать с себя задубелые ботинки. Беата за спиной не произнесла ни слова. Не знаю, как она, но я испытывал неловкость и чувствовал себя очень глупо.

– Я… э–э–э, могу лечь у входа, здесь полно всякого барахла, есть чем укрыться. Э–э–э.. вот.

Беата вздохнула, как бы досадуя на мою твердолобость, потом неторопливым движением откинула край своего одеяла. Я увидел смуглую кожу, плавный изгиб линии бедер, не прикрытых не единым лоскутом одежды. Она с шуршанием атласной кожи согнула ножки и гибко передвинулась вбок, освобождая мне место. Ее голос прозвучал совсем иначе, чем у костра, теперь с легкой хрипотцой в нем завибрировали нотки соблазна:

– Велчер! Хватит болтать! Иди уже ко мне.

В моем горле образовалась вселенская сушь, язык намертво приклеился к небу, а глаза – к ней. Почти физическим усилием я разлепил губы:

– Беата, все выглядит так, будто мы с Си–Таком договорились… Элки намекал мне на это… Клянусь, что…

– Да мне плевать на Элки! Велчер, я жду!

В моей голове закрутился вихрь. Тиа, Сара, Беата, Лавакрон, предстоящий бой. А если мне там проломят голову? Какими же отборными словами буду я тогда проклинать свою нерешительность, лежа где–нибудь на камнях и с ножом в боку!

Рука протянулась к выключателю, но отдернулась на полдороге. Голос Беаты хлестнул меня, словно кнут:

– Велчер, ты же не станешь подвергать меня унижению просить тебя в третий раз?

Сухо щелкнул тумблер лампы, будто отрезал кусочек времени «до», и тут же сразу осталось одно «после». Я неловко зашарил руками в темноте, но вдруг моя ладонь коснулась ее груди, а еще через секунду горячие губы Беаты раскрылись навстречу моему поцелую. Наверное, я конченый мерзавец. Решено. С этой успокаивающей мыслью разум захлопнул дверь и гордо удалился по своим делам до следующего утра.

Линия Слика. Некоторые основы истинно мужской компании

Утренний свет всего лишь на несколько минут опередил мою побудку. Я лежал, рассматривая изящный абрис плеч Беаты, и обдумывал свое поведение. К сожалению, ничего оправдательного в голову не приходило. Афера. Вот как я определил собственный вчерашний сговор с вождем «Доминорума». А девушки повели себя сверхдостойно в скользкой ситуации. Они ничем не дали понять, что осуждают мою постыдную роль, наоборот, с деланной легкостью приняли игру судьбы. Осталось лишь обложить себя несколькими эпитетами, которые со временем грозились стать дежурными и тихонько собираться на свежий воздух. Беата даже не шевельнулась, когда тяжелый полог шатра зашуршал под моей рукой. Вот они, привилегированные классы внутренних районов! Никакого чувства опасности!

Снаружи еще царил серый полумрак. Около потухшего костра сидела одинокая фигура с пунктиром сигареты возле лица. Остроконечный капюшон плаща делал Си–Така похожим на частично ожившую пирамидку.

– Салют, Велчер.

– Салют, вождь. Как настроение?

– Задумчивое.

– У меня тоже.

Какое–то время только птицы Стимония нарушали покой летучего атолла. Потом я не выдержал и задал с максимальной деликатностью важный вопрос:

– Твоя грустная рожа наводит на мысли, что Эрика не оправдала ожиданий. Или ты сам не оправдал?

Меня интересовал этот аспект, как основа нашего соглашения. Си–Так печально промолвил:

– Наоборот, Велчер, наоборот… Такая красотка… Нежная и сладкая, как мед. Вы скоро уйдете… Может быть, сломать старику

вторую ногу?

– Себе сломай! Нет в тебе почтения к возрасту.

У меня отлегло от сердца. Наш суровый вожак, похоже, просто влюбился. И тут же закралось новое опасение – в возвышенном состоянии человек способен на любую гадость. Любовь – это короткий прямой в челюсть разуму от фантазии. Но Си–Так, словно прочитав мысли, развеял мои сомнения:

– Велчер, ты зря насупился. В Стимонии любое обязательство весит побольше, чем правительственный указ на поверхности. Дружба и честь – вот наши идолы. Пойдем, растолкаем Элки. Пора заняться делами.

Наскоро перекусив, мы по очереди загрузились в «люльку» подъемника. Я с подозрением оглядел хлипкую конструкцию, прежде чем ступил на ее борт. Вчера здесь ничего подобного не было. Видимо, из уважения к нам, местные взяли долбленую лодку и плотно обвязали ее канатами. Узлы выглядели надежно. Пятеро дюжих охранников вцепились в зубчатый ворот шкива.

– Выдержат ребята? Нас трое, а до воды не меньше ста футов, – шепнул я на ухо Си–Таку.

– Не в первый раз, – отмахнулся вождь «Доминорума».

– Да, но тогда на «Туррисе» не оставались две беззащитные девушки…

Си–Так открыто встретил мой взгляд:

– Велчер, не суди о Стиме мерками Прайда. У нас такого просто не может быть. Добыча берется в драке или честным обменом. Предательством никогда.

Спуск, вопреки моим опасениям, прошел гладко. Ровно под воздушным островом Си–Така из озера выступал изогнутый кусок суши, похожий на хребет гигантского кита. Туда мы и приземлились. Нас уже ждали шесть лодок, в которых сидели вооруженные люди. В руках они сжимали гарпуны и остроги всевозможных видов. Такими хорошо охотиться на рыбу или крокодилов, но при случае можно выпустить кишки и кому–то более теплокровному. Наше появление вызвало общий галдеж, в котором мои уши различили несколько очень личных эпитетов.

– А ну, тихо! – рявкнул Си–Так. – Говорит бригадир–шесть.

В ближней к нам посудине на ноги поднялся невысокий, но необычайно широкоплечий мужик. Копия Тенгира, только чернокожий.

– Эти чужаки привели с собой женщин. Мы требуем справедливого раздела добычи.

Остальные дружно заорали в поддержку оратора, но когда Си–Так поднял руку, гвалт мгновенно улегся.

– Зато нет нужды спрашивать, все ли так считают, –

усмехнулся вождь. – Вы свое мнение прокричали, теперь мой черед.

Он сделал паузу и показал на нас с Элки рукой.

– Те женщины – собственность этих двух мужчин. Я утверждаю это. А люди «Доминорума» уважают чужое право. Тем мы и отличаемся от диких зверей, на которых охотимся. Кто посмеет отнять у человека сеть или украсть гарпун? Только сумасшедший, потому что «Доминорум» не оставит вора в живых. Так неужели мы переступим свою честь, чтобы отобрать имущество у его владельцев? Кто мы после этого?

– Почему мы должны тебе верить? – подал голос худой парень с выступающим на жилистой шее кадыком.

– Потому что я – ваш лидер. Меня избрали и мне доверяют. Или ты, Бальсо, хочешь бросить мне вызов? Но вопрос действительно необычный и ради общего спокойствия я сам нарушу наши законы и призову свидетелей своих слов. Хотя я не обязан это делать! Слово вождя принимается на веру безоговорочно! – Си–Так повернулся к нам и спросил. – Подтверждаете ли вы, Элки и Велчер, что женщины, которых вы привели за собой, принадлежат вам и больше никому?

– Подтверждаем.

– Подтверждаем.

– Нечестно! – опять завопил парень с кадыком. – Слово чужака – ничто для человека «Доминорума»!

Си–Так торжествующе улыбнулся:

– Эти двое – боевые кони нашего клана и они пойдут завтра на битву за его честь.

С тем же успехом он мог выключить звук на информационной панели. Теперь заткнулись все. Злобные взгляды сменились уважительными.

Но вождь на то и вождь, чтобы не давать спуску, и Си–Так вбил последний гарпун в глотку зверя по имени «разногласие»:

– Бальсо, ты дважды выразил мне неуважение тем, что недоверчиво отнесся к моим словам. Это – недружественный поступок, и я его запомню. Через пару недель у нас пройдет внутренняя площадка. Будь готов к этому сроку. А теперь отправляйтесь на охоту. Все, кроме первой бригады. Раненый «молчун» у вас, да? Приподнимите ему башку. Выглядит хреново. Как он? Не сдох? Хорошо. Я с бригадой–один иду на дикий берег за новыми грешниками. Остальные свободны, но помните, что вечером тренировка.

Шесть пар весел гнали нашу шлюпку в протоке между двумя островами. Си–Так стоял на корме с шестом в руках и правил курс. Мы с Элки сидели рядом, позади гребцов.

– Кто такие боевые кони? – тихо осведомился у меня здоровяк.

Его вопрос услышал один из местных и ответил, повернув голову:

– Это значит, что вы будете стоять рядом с вождем на большой драке. Боевые кони защищают лидера клана. Им приходится несладко, потому что на их долю всегда выпадают самые крепкие ребята. Все хотят добраться до Си–Така. А сделать это можно, только победив его телохранителей.

Мы прошли узкий залив и выплыли на большую воду. Я заметил, что ее цвет резко поменялся. В нем стало меньше зелени. Вдруг Элки заорал мне прямо в ухо так, что я едва не свалился за борт от испуга:

– Плавник!!! Я вижу акулу!

И правда, в полутора сотнях футов от нас водную рябь резал узкий серп плавника. Си–Так присмотрелся и определил:

– Сельдевая. Мы их еще называем Большими Селедками или Мадам Треска.

– Они же встречаются только на севере, – пробормотал я, машинально сунул руку в воду и тут же выдернул. – Ого! Какая холодная!

– Еще бы! Мы идем по Стылой Заводи. Тут купаться не стоит.

– А эти акулы опасные? – решил внести ясность Элки.

– Как тебе сказать…, – Си–Так задумчиво поскреб щетинистую щеку. – С ними, как с полицейской стражей. Не надо выпендриваться, и все будет нормально.

Через час мы добрались до знакомого места. Утро только вошло в свои права, над озером еще клубилась рассветная дымка.

– Все время туман. Бесит, наверное? – спросил я.

– Это ерунда. Не туман, а так – шалость детская, – пренебрежительно бросил Си–Так. – В Эпроне, говорят, такой туман, что до кишок пробирает. А вот и «молчуны»!

На бывшей нашей косе стояла группа людей в зеленых куртках. И только. Никого в серых рубищах Прайда меж ними не было.

– Обидно. Зря время потратили, – скривился один из гребцов.

По мере того, как мы приближались к берегу, «молчуны» подвигались к воде. Тихо, маленькими шажками. В их действиях было что–то жуткое. Не животное, а именно жуткое. Си–Так негромко свистнул, и в руках гребцов блеснули ножи. Мы с Элки тоже напряглись, но вождь нас успокоил:

– Простая предосторожность. Они на нас еще никогда не нападали.

В десяти шагах от суши «Доминорумы» затабанили шлюпку и

развернули ее параллельно берегу. Си–Так прошел между рядами гребцов на нос, туда, где валялся «молчун», взял его за вихор и предъявил собратьям. Потом показал им средний палец на левой руке, а на правой – растопыренную пятерню.

Один из «молчунов», тот, что стоял посередине, утвердительно кивнул. Раненого сгрузили на руки товарищам, после чего мы отвалили. Си–Так снова занял свое место на корме. У непоседливого сегодня Элки созрел новый вопрос.

– «Я пять раз собираюсь вас поиметь» Ты это хотел сказать? – осведомился он.

Здоровяк по–прежнему был настроен к «молчунам» весьма враждебно.

– В целом – да, но в частности я предложил им обмен один к пяти. Пять грешников Прайда за их одного полудохлого приятеля, – вежливо объяснился Си–Так. – Они согласились.

Обратно мы пошли другим маршрутом. Это я попросил Си–Така показать нам красоты Стимония. Без малого милю наша лодка плыла по открытому пространству, а потом сверху надвинулась тень, и мы заехали в настоящий растительный грот. Несколько летающих островков над нами сбились в плотную кучу и образовали что–то, похожее на виноградную гроздь. С них до самой воды свисали тысячи лиан. Пришлось первой паре гребцов бросать весла и браться за мачете. Из сплетения зеленых жгутов на нас обрушивались истошные крики птиц, а стая разноцветных мартышек с таким усердием подхватила звуковую перекличку, что мы выбрались из тесного тоннеля слегка контуженными. Едва наша посудина выползла на чистую воду, как перед ней воздвиглась стена мангровых зарослей. Воздушные корни кустов противно царапали днище лодки, но мы продолжали упорно двигаться вдоль литорали. Я заметил, что наши гребцы теперь едва касаются веслами воды, причем стараются делать это бесшумно. Си–Так загадочно подмигнул нам с Элки и принялся скидывать одежду. Раздевшись догола, вождь прокрался на нос бота. Все его движения говорили о том, что наш приятель изготовился к охоте, но руки были пусты. Ни ножа, ни гарпуна Си–Так с собой не захватил.

– Собрался поймать аллигатора, – диагностировал ситуацию Элки.

Внезапно лидер «Доминорума» предостерегающе поднял вверх открытую ладонь, а потом указал пальцем куда–то в сторону. Я до пояса высунулся из лодки, но ничего подозрительного не заметил. Водоросли, глянцевые мангровые стволы, стайки рыбешек. Разве что в нескольких футах от меня, прямо под поверхностью воды, извивался ярко–розовый червяк. В

ту же секунду Си–Так прыгнул в воду, подняв тучу брызг. Все местные, словно по команде, вскочили с мест, судно опасно накренилось на бок так, что вода почти сравнялась с планширом. Хорошо, что Элки проявил неожиданное здравомыслие и переместил свою тяжелую тушу на другой борт в качестве противовеса. А на поверхности, в месте, где скрылся Си–Так, вода забурлила, заходила волнами. Вот он вынырнул, жадно глотнул воздуха и с усилием принялся тащить наверх что–то очень тяжелое. Все гребцы дружно разразились одобрительными возгласами, и над водой сначала показалась омерзительная разверстая пасть, а потом и вся добыча вождя – огромная грифовая черепаха. Монстр не сопротивлялся, но издавал яростное шипение. Когда мы подошли вплотную, чтобы забрать охотника, один из гребцов не успел убрать свое весло из зоны досягаемости ее клюва. Последовал быстрый выпад, и деревянная лопасть разлетелась на мелкие щепки.

– Отличное будет жаркое, – пообещал Си–Так, флегматично перерезая амфибии глотку.

Элки передернуло. Заметив его брезгливость, местные стали подтрунивать над великаном. На белой коже здоровяка тотчас же расцвели пунцовые отметки гнева, и он принялся сопеть, как проколотый футбольный мяч. Си–Таку даже пришлось шикнуть на своих подчиненных, чтобы избежать ненужной ссоры.

Дальше мы долго огибали крупный остров, утыканный частоколом пальм, а когда обогнули, то выскочили в залив, посередине которого был воздвигнут полноценный торговый пакгауз. Его изладили из нескольких срощенных вместе понтонов с массивными железными поплавками по периметру. Со всех сторон это массивное сооружение окружало ожерелье из десятков пришвартованных лодок. По изобилию всякой снеди стало ясно, что мы видим перед собой продуктовый рынок. Только с нашей стороны мы различили на дощатом настиле пирамиду из кокосов и бледно–зеленый банановый холм. Один край пакгауза был целиком завален свежей рыбой, и ее чешуя серебряными ручьями стекала в озеро. Между лодками сновали кайманы в надежде чем–нибудь поживиться. То тут, то там из воды высовывались их вытянутые рыла. Как я понял, они были здесь вроде дворовых собак. Многочисленные люди на понтонах и лодках почти не реагировали на присутствие хищников, но иногда в их сторону летела рыбья голова или бурый клубок требухи. Тогда кайманы бросались на добычу и устраивали настоящую свалку.

– Маркет, – точно определил Элки.

– Бригада–десять орудует, – с ноткой презрения в голосе сообщил Си–Так. – Завзятые коммерсанты, зато на Платформе их

не дождешься. Они уже давно стакнулись с Маршей. Вот там у них полная любовь и уважение.

– Но они по–прежнему «Доминорум»? – спросил я.

– Давно бы вышли, если бы им позволили. Пара плодородных нижних островов, удобные верхние именья, богатые рыбные угодья. Все, что нужно для сытой жизни. Но «десятка» знает – стоит им хотя бы пикнуть насчет автономии, как они всего этого враз лишатся. Так и живут. И с нами, и с ними. Торгаши.

Я сначала хотел предложить причалить к пакгаузу, чтобы рассмотреть поближе богатые дары стимонийской природы, но последние слова вождь мужского сообщества выдохнул с такой горечью, что моя идея тут же погасла и улетучилась невидимым дымком. Не стоило бередить раны нашего приятеля.

Базар уже остался позади, когда я увидел узкую пирогу, которая неслась нам прямо наперерез. На ее носу был вырезан барельеф какой–то хищной твари с оскаленной мордой. Волны захлестывали пасть этой зловещей кариатиды, отчего казалось, что зверюга жадно лакает воду из озера. Несколько секунд я думал, что столкновение двух лодок неизбежно, но потом пирога набрала такую скорость, что без труда и с запасом смогла проскочить перед нами. За ее веслами сидели девушки. Все в кожаных безрукавках и с одинаковыми красными лентами в волосах. Еще я заметил у них на запястьях браслеты из зубов, не то акулы, не то крокодила.

– Вот они. «Россомахи», – сказал Си–Так.

– Серьезно? – удивился я. – Те самые? А вроде и не выглядят моральными уродками. Симпатичные, стройные. Алло, девчонки!!!

– Ты с ума сошел? – зашипел на меня вождь.

Пирога уже миновала наш курс, но в ответ на мой окрик девушки сбросили ход и повернули головы в нашу сторону.

– Я говорю от имени бригады–один! У нас есть вакансия прачки. Да и место кухарки свободно. Оплата невелика, зато много мужской любви и внимания. Парни готовы вас на руках носить! Ну, кто первый записываться?!

Одна из «Россомах» встала на ноги. На ее изящной кисти лежал кокос. Девушка высоко подкинула плод, дождалась, пока он начнет падать и резко хлестнула по фрукту ногой. У нее эффектно вышел проникающий боковой. Еще несколько секунд прекрасная фурия демонстрировала нам свою стройную ножку на высоте глаз, потом с достоинством поправила короткую юбку и уселась на место. А растительный снаряд, не снижая траектории, долетел до нашего судна, с чмоканьем впечатался в подставленную Элки кисть и грохнулся на дно лодки. Здоровяк с

оханьем стал трясти отшибленной рукой.

– Спасибо за подарок! – с чувством поблагодарил я. – Жаль, что стриптиз вышел коротким! Я даже не смог рассмотреть – носишь ты нижнее белье или нет!

К моему удивлению, в ответ не было ни возмущенного гвалта, ни озлобленных оскорблений. Пирога просто снова начала ускоряться. Но кое–что мне все же сказали. Девушка встряхнула гривой волос и произнесла ровным хрустальным голосом:

– Если нам доведется встретиться на Платформе, то обещаю – интересоваться женским бельем смысла для тебя больше не будет. Мои подруги передают тебе привет и присоединяются к моему обету.

Мой рот сначала открылся, а потом вновь захлопнулся. На ум почему–то не пришло ничего едкого, что можно было бы предъявить в ответ. Да и слушать меня никто не собирался. А о мой ботинок меж тем с ритмом волн бился кокос с разбитой мякотью и продавленной до белоснежной копры скорлупой. У этой птички оказался страшный удар.

Си–Так, видя мою вмиг поглупевшую физиономию, хмыкнул и дружески толкнул меня кулаком в плечо:

– Велчер! А ты умеешь заводить себе новых друзей!

После отбытия «Россомах» наш вождь так и остался на носу лодки. Шлюпка изменила курс и пошла строго на центр уровня, туда, где над озером висели воздушные угодья лидера «Доминорума». Вода под нами опять окрасилась в зеленый цвет, в ней стали попадаться темно–бурые клубки водорослей. Матрос, что остался без весла при поимке черепахи, поднял с днища длинный багор с загнутым стальным крюком. Он что–то выцелил в проплывающем мимо растительном салате и ткнул в его гущу свой снаряд. Через несколько секунд в шлюпке лежала спутанная охапка травы, увешенная крупными желтыми клубнями.

– Водяной картофель, – пояснил мне гребец, что сидел по мою левую руку. – Ничего на вкус. Еще встречается морская капуста, а под самыми берегами плавает озерная тыква. Только ее сложно достать – рыбы быстро объедают до корок.

– А картофелем, стало быть, брезгуют?

– Этого добра водится столько, что на всех хватает.

Мы добрались до «Турриса», чтобы поднять припасы наверх, да и самим подкрепиться. За время нашего отсутствия девушки успели скроить себе из запасов тканей Си–Така подобие туник, и теперь выглядели в них сногсшибательно. Куда лучше, чем в серых рубищах грешников! Даже я остолбенел на секунду от наряда Беаты, а Си–Так попросту впал в коллапс от кокетливой

юбки Эрики. Только стоял и хлопал глазами, когда блондинка в вызывающе короткой одежде продефилировала перед нами с подносом в руках. Лазарь наблюдал за всей картиной с видом, будто его разрывает изнутри от хохота.

После обеда мы с Си–Таком не обнаружили в себе желания покидать лагерь. Пришлось хмурому Элки вернуть нас на грешную землю бурчанием про завтрашний бой и его непонятные правила.

– Ладно, – вздохнул вождь «Доминорума». – Поехали на Платформу!

В этот раз мы обошлись без гребцов из числа местных. Когда наша троица спустилась на атолл, Си–Так разбросал руками кучу песка на берегу до появления из–под нее куска плотного брезента. Вождь потянул за матерчатое «ухо», и мы увидели аккуратное прямоугольное вместилище с деревянными стенками. В нем хранились разнообразные снасти, гарпуны и десятифутовая весельная лодка. Ее быстро спустили на спокойную воду озера. Мы с Элки устроились за уключинами, а Си–Так на правах капитана воссел позади с кормовичком в руках.

Около часа в наших плечевых мышцах выделялась молочная кислота, но потом из–за очередного острова на нас надвинулось грандиозное сооружение. Платформа. Ее края были облицованы шершавыми плитами из искусственного камня, а поверхность была пуста, как тарелка новобранца после первого марш–броска. На ней не прижилось ни одного из столь характерных для Стимония растений или вообще чего–то, что могло нарушить идеальную геометрическую плоскость. Мы подошли ближе, и я заметил, что повсюду из плит торчат специальные скобы для швартовки лодок. Си–Так быстро примотал к одной из них наш конец, после чего мы ступили на мягкое синтетическое покрытие Платформы. Огромная раскрытая шахматная доска, способная вместить несколько тысяч живых фигур. Только вот вместо клеток на ней были нарисованы белые круги, да и то почти по центру.

По всей Платформе без определенной цели разгуливало несколько субъектов в белом одеянии. Может быть, поэтому они показались мне похожими на цапель? Не хватало только длинного клюва и лягушки в нем. Я вопросительно указал на них глазами Си–Таку.

– Это – Праведники, – пояснил он. – Они исполняют у нас роль арбитров. Маленький клан, всего пара десятков человек. И попасть к ним очень–очень сложно. Они долго наблюдают за кандидатом, прежде чем пригласить его.

– Наверное, надо иметь кристально чистую душу? – насмешливо спросил я.

– Обязательно, – с полной серьезностью в голосе ответил Си–Так. – Чистую душу и конское здоровье. Потому что за правду им часто приходится пускать в ход кулаки.

Присмотревшись, я отметил, что бесформенные одежды Праведников не такие уж и нелепые. Они не стесняли движений, а наоборот, скрадывали их. И вообще, эти шмотки удивительно напоминали тренировочные кимоно спортсменов–рукопашников. Голос Си–Така прервал мое созерцание:

– Ладно. Пришло время мне вас просветить вас на предмет наших боевых ритуалов.

– Давно пора, – прокомментировал я.

– У нас в Стимонии любое изменение проходит проверку силой и болью.

– Мощно сказано. Прямо лозунг.

– Это и вправду так. Если ты хочешь что–либо поменять или заиметь какие–то льготы, то готовься отстаивать свои взгляды на арене. К примеру, я хочу отбить у тебя твою женщину…

– Си–Так! Ты опять начинаешь? Мало одной Эрики? Мне плевать на ваши установки, ты сейчас ляжешь отдыхать у меня прямо здесь!

– Тьфу, Велчер! Ты – просто порох! Я говорю для примера, и только. С тобой просто невозможно иметь дело.

– Ладно, болтай дальше, – проворчал я.

– Успокоился? Ха! Теперь я верю, что у вас с Беатой не просто игра в гляделки! Ха–ха! Все, все, молчу. Итак, если у одного человека к другому претензии, то вопрос решается на Платформе. То же самое – при разборках между кланами или бригадами.

– Погоди… Значит, слабакам в Стимонии не место?

– А ты как думал? Зато у нас есть свое право. «Право умелой руки». Но на ринге не обязательно иметь двести пятьдесят фунтов веса. Техника почти всегда берет верх над массой, – поспешил успокоить нас великий борец за истину.

Огромный Элки неодобрительно на него посмотрел, но смолчал. Си–Так принял позу патриция и указал нам на площадку:

– Две трети Платформы покрыты рисованными кругами.

– Ага. Похоже на линейки мыльных пузырей.

– В точку. Четыре линейки с одной стороны и столько же с другой. Между ними, посередине два здоровенных круга.

– Вижу.

– В них проходит предварительная жеребьевка. Перед началом боя туда вываливают две кучи повязок. Красные и синие. Не важно, какую проблему решают. Всегда есть те, кто «против», и те кто «за». Сторонники изменений выбирают синий цвет, а их

противники – красный. В условленный час приплывают бригады, и народ растаскивает повязки в зависимости от своих взглядов на предмет спора.

– Стоп. В потасовке нет кланового принципа? – я задавал вопросы, а Элки напряженно следил за беседой. С неподвижным взглядом исподлобья он сейчас походил на встревоженного сома–альбиноса. – Ты хочешь сказать, что люди из одной бригады могут очутиться по разные стороны баррикад?

– Запросто. У нас в Стимонии каждый волен иметь свою точку зрения. Особенно, если он готов получить за нее по морде. Попрекать человека его мнением – бесчестно. Поэтому я до самой жеребьевки не имею понятия, кого из моих людей на этот раз успела обработать Марша. Велчер, неужели ты не понял, почему вы так для меня ценны, вы оба?! Два могучих парня со стопроцентной вероятностью станут со мной плечом к плечу! Дальше – сама битва и решение проблемы. Например, в нашем случае, если мы завтра возьмем верх, то каждый мой человек получит из кучи технических новинок все, что пожелает. Проигравшие смогут раздербанить остатки. Все ясно? Ребята, завтра вы подходите к финальным кругам и берете из кучи синюю повязку. Не перепутайте! Цепляете ее себе на запястье и топаете на нашу сторону. Когда арбитр дунет в свисток, двигаете к рингу, что оказался напротив вас. Если ближайший ринг занят, проходите на следующую линию кругов. Перебегать, меняться местами запрещено. У нас это считается бесчестием и дисквалификацией. Начнешь петлять, как заяц – арбитр заметит и снимет с сессии. Когда ты нашел свой ринг, то вставай смирно и жди сигнала к началу боя. Напротив тебя с другой стороны арены встанет твой противник.

– А если никто не встанет? – прозондировал почву Элки.

Си–Так осклабился:

– Значит, тебе, счастливчик, повезло пройти дальше без трепки. По сигналу арбитра вы начинаете. Запрещено: кусаться, выдавливать глаза. Все остальное можно. Сессия продолжается три минуты, если не было досрочной сдачи. Для того чтобы сдаться, достаточно похлопать ладонью о ринг или просто сказать. Ударить соперника после сдачи – бесчестно, за это судья обязательно врежет арбитражной дубинкой между глаз. А дубинка у него деревянная. Если сдачи не было, бой продолжается до конца сессии. Кто остался на ногах – победил. Кто сумел выкинуть на этот момент противника за ринг – победил…

– Я правильно понял, что вышвыривать врага до сигнала без толку? Он может вернуться?

– Точно. Твой соперник должен находиться за линией именно в момент свистка главного арбитра.

– Да кто его услышит в общем реве и гаме!

– Арбитров двадцать человек, они сумеют обратить на тебя свое внимание, уж поверь.

– Той самой арбитражной дубинкой? – хмыкнул Элки.

Си–Так многозначительно ткнул пальцем в уродливый шрам на лбу. Элки посчитал разъяснение исчерпывающим. Слово перешло ко мне:

– Хорошо. Еще вопрос. Я просто поскользнулся в конце поединка. Не ушел в отключку, а лишь коснулся рукой ринга.

– Ты слил бой.

– Ясно. Если оба на ногах, то?

– Еще одна трехминутная сессия. А те, кто уложил соперника сразу, могут отдохнуть и получают преимущество. Так что желательно обтяпывать свои дела в первом раунде. Идем дальше… Победитель вновь становится на первоначальное место за линией. На вторую сессию все бойцы перемещаются по принципу правой руки. Короче, дальше ты будешь драться с первым, кто стоит справа на другой стороне рингов. Первый с левого фланга – ферзь. У нас это я, а на другой стороне Платформы будет Марша. Справа и спереди вожака прикрывают боевые кони.

– Значит, все–таки в шахматы играете, бездельники. Занятное расположение фигур, – прокомментировал я, а Элки заржал, как самая настоящая боевая лошадь.

– Скорее в шашки, поскольку нет разнообразия. Не отвлекайся, Велчер! Если клан дерется хорошо, то я проведу только финальные бои, а если моих боевых коней свалят, то мне придется сражаться раньше. Поняли принцип? Оба клана – как живые змейки, они продвигаются слева направо по мере выбывания участников битвы. Так продолжается до тех пор, пока в строю не останется менее двадцати человек из каждой команды. Тогда оставшиеся воины переходят в центр, к финальным рингам. В них сходятся десять на десять по тем же правилам.

– Ты сказал – менее двадцати человек. Не равное количество…

– Верно. Может случиться так, что нас пятнадцать, а их девятнадцать. При подобном раскладе между собой схлестнутся две полные десятки, и еще одна драка будет пять на девять. Если, конечно, в дело не вступят Праведники. Они могут заменить на финальном ринге любую из десяток, если посчитают, что арбитр не заметил бесчестья ее соперников во время первых сессий или верх берет та банда, которая изначально была не права. Они

могут наложить «вето», но каждый раз доказывают это право собственной кровью. Причем, независимо от результата боя никаких фишек они с победного дележа не получают. Праведники рубятся за общую справедливость.

– А кто наделил их такой мощной кличкой? Да и должность за ними закрепили нехилую!

– Мы все сообща так решили. Должна же быть незаинтересованная сторона. Тем более, что хоть Праведникам и достается по полной, они за это ничего не имеют. А иногда даже проигрывают в финалах.

– Слабаки! Выйти свеженькими на измотанного противника и сдать драку? Дохляки!

– Велчер, они впятером выходят на полную десятку, так что тут нет ничего удивительного.

– Впятером? Ого!

– Но я не позавидую десятке, что схлестнется с арбитрами в финале: Праведниками становятся только очень сильные бойцы.

Стимоний предстал для меня в ином свете. А я, признаться, считал Си–Така пройдохой и мошенником… Выходит, что честности у них побольше, чем в Прайде. Не зря они так часто употребляют всуе слова «дружба», «честь». Предательства здесь можно не опасаться. Ребята тут подобрались жесткие, привыкшие выяснять все недомолвки на кулачках. Но у них достало ума и смекалки, чтобы все грамотно обставить. Опять же выдумали себе этих Праведников. Любопытные, похоже, типы. Надо как–нибудь свести с ними знакомство!

Линия Слика. Свержение кумиров

После ужина Си–Так молча взял нашу блондинку за руку и повел в шатер. Правда, перед этим вождь наедине поинтересовался у меня на предмет чета и нечета – этих двух параграфов в наших первоначальных договоренностях. А не объединить ли их в одну полноценную неделю? В конце концов, жалко использовать такую прекрасную девушку, как бесправную наложницу. Я не возражал при условии, что он, Си–Так, с этой минуты начнет считать себя моим должником. Мне было глупо становиться в позу по двум причинам. Первая: когда я рассказывал ребятам о предложениях Си–Така, то благоразумно опустил из них все относящееся к Элки, так что здоровяк в любом случае проходил стороной. Вторая: Эрика все с большей приязнью воспринимала общество бородатого зека, и вряд ли ее женская благосклонность распространялась в той же мере на живое стенобитное орудие с глазами новорожденного поросенка. Вот и

сейчас она с покорностью древней женщины пошла за своим мужчиной, но на полдороге к милому гнездышку с лукавой улыбкой выскользнула из его рук и упорхнула в сторону душевой площадки. А я не удержался, чтобы не бросить Си–Таку вдогонку ехидное замечание:

– Эй, вожак! Ты давай, аккуратно расходуй силы! Не забудь, что у тебя завтра битва!

Си–Так в ответ прочертил взглядом ехидный пунктир между мной и Беатой, после чего фыркнул:

– Сам не забудь!

Лазарь валялся у костра на теплой шкуре неизвестного зверя и наблюдал за нами с восторгом ученого, открывшего новый микроб. Я так и заявил ему, на что Старик мгновенно парировал:

– Не новый, Велчер! Совсем не новый. Старый, как мир, микроб. Но все равно очень интересно следить за его штаммами. Как они развиваются, двигаются.

– Ой, не врубаюсь я в твои мудреные речи!

На самом деле мне был предельно понятен смысл его слов. Гораздо сложнее было с пониманием самой причины его нахождения тут, а также дальнейшей цели нашего путешествия. Меня мучил не вопрос: «Куда?», меня терзало неведение относительно слова: «Зачем?».

Эти загадки настолько не давали мне жизни, что я даже попытался ночью, в разгар любовной игры разговорить Беату, но потерпел унизительное поражение. С девушки в одну секунду слетела пылкость, она отстранилась от меня и с морозным холодом в голосе заявила – мое дело доставить их до самого низа, а больше ничего знать мне не полагается. Поняв, что добиться от этой кошечки со стальными коготками правды не легче, чем разжалобить мусороуборщик, я с максимальной энергией попытался загладить свою вину и вскоре сам отвлекся от тревожных мыслей.

Мы валялись на мягком спальном мешке в обнимку, а за пологом палатки Стимоний трещал всеми своими сверчками.

– Славное место. Я подумываю переселиться сюда по возвращению из экспедиции. Если вернусь, конечно…

– Вернешься, – прошептала Беата, лежа с полузакрытыми глазами.

– Слушай, а Эрика, похоже, серьезно запала на Си–Така. Как и он на нее. Не потерять бы тебе подругу! Плюнет на все ваши планы и останется здесь.

Беата приподнялась на локте и пристально посмотрела на меня каким–то особым женским взглядом. Я не мог его встретить в темноте, но отчего–то знал, что он особый.

– Проблема не в том, что Эрика потеряла голову. Влюбленность пройдет, разум вернется. Проблема в том, что мы стороной миновали медицинский осмотр в Пургаторе, и ей не вкололи временную стерилизацию. Мне, кстати, тоже, – тихо добавила она напоследок.

– Ой! – вырвалось у меня.

– Странная реакция, – вздохнула девушка и повернулась ко мне спиной.

А мне осталось только смотреть в матерчатый потолок и проклинать себя за глупость, легкомыслие и… за все, словом. Утром я проснулся позже Беаты. Сказался гнет тревожных мыслей, который обеспечил мне полубессонную ночь. Когда я вышел из шатра, до моих ушей донеслись звуки ожесточенной женской перепалки. Это обе наших девушки сошлись в словесном поединке около очага. Едва они заметили меня, спор мгновенно прекратился, но напряженные позы обеих красноречиво говорили о том, что это отнюдь не перемирие, а лишь временная перегруппировка сил.

– Салют! – бросил я, проходя мимо.

– Салют, Велчер, – ответили они хором.

В двух простых словах мне поступило внятное интонационное пожелание побыстрее убраться. Я его услышал и направился вокруг огромного бака с водой к умывальнику. Когда я отфыркался под холодным душем и с мокрым полотенцем на шее вновь появился на костровой поляне, туча скандала рассеялась. Девчонки разливали по кружкам горячий травяной настой. Глаза у Эрики были влажные.

Я что–то хотел сказать, пошутить, но из своего балагана на полусогнутых выкатился Элки и проорал:

– Только силой!!!

В поле моего зрения тут же возник Си–Так с маникюрными ножницами в руках. Он собирался слегка подровнять клумбы на своем подбородке. Вождь вежливо поинтересовался по поводу смысловой нагрузки призыва нашего великана. Получив эмоциональный, полный предбитвенного адреналина ответ, глава мужского населения Стимония пригласил всех к завтраку.

Дальше мы чмокнули наших девушек в душистые щечки и сбросили с ртутного столба немного делений. Ниже, на атолле, собрался весь цвет клана. Вздымались руки, потрясались гарпуны, словом, люди делали все, что обычно предпринимает человек, когда хочет скрыть свой испуг. Целая орда лодок двинулась от «Туррис» к Платформе. Орали все, словно на разминке перед соревнованиями хоров. И даже местные крокодилы спрятались в тину, досадуя на нашу звуковую несдержанность.

Прямоугольную плиту Платформы сегодня опоясывало монисто из сотни лодок, плотов и катамаранов. В эту толчею влилась наша делегация, чем вызвала окончательный и бесповоротный транспортный затор. Пока пришел наш черед высаживаться на арену, прошло не меньше получаса. Си–Таку нужно было отлучится на совещание по регламенту боев, а нам с Элки он велел пока осмотреться и не влипать в истории. Суперприз сегодняшнего противостояния уже находился здесь и приковывал общее внимание. В одном из углов Платформы успели сложить большую груду технических новинок, которую надежно защищали две цепи саламандринов. Я впервые увидел стимонийских ящеров. Они отличались от привычных уже охранников Прайда бурым цветом шкуры и более квадратными рылами. И одета стража была иначе, не говоря уж об оружии. Никаких тебе палок с шипами или прочих архаичных инструментов подавления – торс саламандринов защищал настоящий полевой экзоскелет, а на бедрах болтались всамделишные кобуры, совсем не пустые. Поверх броневых пластин на ящерах висели широкие пояса с экранами вместо застежек – ровно такие же, как и в груде барахла, что лежала за их спинами. Рептилии хранили высокомерное молчание. Стоило кому–то из жителей приблизиться к их строю на пару шагов, как лапы охранников многозначительно ложились на пистолеты, и народ сразу шарахался назад.

Спустя полчаса возбужденного топтания на месте в обществе нескольких бригадиров, сквозь толпу к нам пробрался Си–Так:

– Новости такие: мы договорились о формате сражения сто сорок на сто сорок. Это значит, что каждому придется провести пять схваток, включая финальную. Поэтому экономьте силы. На противоположный от коней и ферзя фланг обычно ставят самых слабых – мешков, по–нашему. Их задача не победить, а максимально измотать своих соперников, чтобы ведущие бойцы противника вышли на последние сессии уставшими. Старайтесь победить их малой кровью. Но и совсем не расслабляйтесь. На Платформу не выводят полных слабаков. Если человек попал сюда – что–то он все–таки умеет. Помните о трех минутах. Я буду подсказывать хронометраж. Вперед, «Доминорум»!!!

Ответом вождю был нестройный рев из полутора сотен глоток. Представьте себе, что Маугли собрал половину джунглей и предложил проорать боевой клич. Павианы, шакалы, волки и медведи – каждый завыл на собственный лад. Вот так и мы.

– А теперь танцы! – неожиданно заявил Си–Так и уступил место перед строем приземистому мужику с покатыми плечами.

– Это традиционная «хака» мужского сообщества, – сказал

вождь, становясь рядом с нами. – Просто смотрите и копируйте движения остальных.

Наш новый хореографический предводитель развернулся боком, так, чтобы его могли видеть и мы, и соперники. Все темное тело мужика было покрыто разводами татуировки сложного, но красивого орнамента. Прямо на груди, например, была стилизованная древняя маска не то маори, не то бушменов. Да и сам он, судя по разрезу глаз и цвету кожи, мог быть оттуда. Первым делом чувак максимально выпучил глаза и высунул изо рта язык. Мы сделали то же самое. Дальше весь «Доминорум» принял танцевальную стойку – колени согнуты, ноги широко расставлены, руки перед лицом, кулаки сжаты. Затем последовали резкие движения на фоне гортанных криков на непонятном языке: мы хлопали ладонями по сгибам локтей и коленям, резко прыгали вперед и отскакивали назад, стараясь сохранить общий порядок. Не знаю, насколько устрашающе это смотрелось, но кровь по жилам у меня потекла в два раза быстрее. Этакая физическая разминка в сочетании с запугиванием противника. Мне очень понравилось.

Потом обе противоборствующие стороны деловито построились, и между ними появилась жидкая цепочка арбитров. Проповедники были одеты в свои обычные белые кимоно. Смотрелись они отрешенно. Марша и Си–Так вышли вперед, пожали друг другу руки, потом обернулись к своим командам и несколько раз хлопнули в ладоши над головой. Обе шеренги последовали их примеру и дружно поприветствовали противников.

Дождавшись свистка арбитра, мы шагнули вперед, к своим кругам. Вот и настало время первой сессии. Напротив меня занял позицию мой первый соперник – рыхлый детина, чуть выше меня ростом. Он не выглядел, как завзятый боец, да и нервничал прилично: хватал ртом воздух, облизывал губы. Снова свистнул судья. Откуда–то сбоку раздался голос Си–Така:

– Пять секунд! Приготовились.

Я «съел» капу, поправил на костяшках накладки. Старый добрый «Забияка», я снова вернулся под твои своды! А потом раздалась трель арбитра, и адреналин нажал в моей голове педаль «газа». Парень прыгнул вперед, а я сначала остался на месте, но потом сразу сымитировал проход в ноги. Детина тут же панически отскочил на исходную, да так, что вылетел за линию арены. Значит, партера ты опасаешься. Хорошо, учтем. Мы, медленно подступая друг к другу, сошлись в центре круга. Он выкинул два размашистых крюка, один из которых слегка задел меня по макушке, я ответил коротким тычком в лицо и сразу

сделал ему «сечку» на левой скуле. Он заморгал и на пару секунд вывалился из боя. В это время я мог его запросто добить, но проявил благородство. Чувак пришел в себя, устыдился собственной нелепости и вдруг провел неожиданный удар ногой в верхний уровень, настолько неожиданный, что я едва его не зевнул. Дальше все было, как на тренировке. Милый мой приятель, любой инструктор тебе скажет: «Никогда, слышишь, никогда не поднимай ногу выше пояса в поединке с подготовленным соперником. Что ты оставил наверху, того ты и лишишься!». Я моментально прихватил его за бедро, лишил равновесия, а потом прошел ему в защиту и врезал локтем в челюсть. Детина тяжело рухнул на спину, беспомощно закрывая лицо руками. Я обозначил добивание, но он не среагировал.

– Похлопай по чему–нибудь! – попросил я соперника через пять секунд, когда тот перестал бессмысленно вращать глазами.

Тот послушно похлопал ладонью себя по груди. Я поискал глазами ближайшего Праведника. Оказалось, что тот стоял в трех шагах за линией и тоже смотрел на меня. Арбитр кивнул, коротко свистнул и сказал:

– Яме.

Дескать, достаточно. У круга меня дожидался Си–Так.

– Хорошо начал, молодец, – похвалил он и пожал мне руку.

А я обернулся, чтобы посмотреть, как там дела у Элки. Наш великан старательно гонял по рингу какого–то юркого парня. Тот уворачивался, не вступая в клинч, но и за пределы круга не выходил. Причем трусом или слабаком он не выглядел, а просто откровенно тянул время и выматывал своего визави.

– Три секунды, – прокричал над моим ухом Си–Так.

Элки рванул вперед, но его мелкий оппонент ловко нырнул навстречу и проскочил у здоровяка между ног. Да еще успел наподдать тому пинок в поясницу прямо из положения лежа.

Все, первая сессия окончилась. Оба стояли на ногах, а это значит, что будет продолжение боя. Элки виновато посмотрел на нас. Я в ответ укоризненно покачал головой. У здоровяка даже шея от стыда стала малиновая.

Напротив рингов у «Доминорума» стояли специальные статисты, у которых была налажена система связи жестами, типа телетайпа, так что мы вскоре знали итоги первой сессии: шестьдесят боев остались за «Доминорумом», сорок два мы слили и тридцать восемь перетекли во второй раунд. У меня появилась возможность перевести дух и поболеть за Элки. Я думал, что здоровяк нашел себе игрушку на все сражение, но до этого дело не дошло. На исходе второй минуты великан вдруг врубил чудовищный форсаж – его движения стали в разы стремительнее.

Противник оказался к такому не готов, а может быть, просто заигрался. Один из фирменных рывков шустрого паренька прервала голень Элки, да так, что паренька просто вынесло за пределы ринга.

– Минимум два ребра минус. Возможно, еще и легкое задето. А ты, приятель, настоящий садист, – подвел я итог его действиям.

Удивительно, но Элки даже не запыхался. Просто стал, как обычно, пунцового цвета, словно чайная роза. Через пару минут Си–Так сообщил нам окончательные итоги второй сессии: восемьдесят девять на пятьдесят один в пользу «Доминорума».

– Если так пойдет дальше, то финальных стеночек не понадобится! – восхитился я.

– Не обольщайся, – охладил меня Си–Так. – Маршины мешки выбыли. Теперь все поменяется.

От нас на следующий раунд потребовалось всего полсотни и еще один человек бойцов. Основная сила клана получила передышку. Через шесть минут вторая сессия окончилась с обескураживающим для нас итогом: сорок четыре поражения против всего семи побед.

– Вот так–то, – поджал губы наш вождь. – Ничего еще не кончилось.

Тем не менее, мы все равно получили преимущество в одного бойца на следующую сессию. Си–Так ткнул в недавнего хореографа:

– Ты отдыхаешь. Не застаивайся, можешь сделать пару глотков воды.

Когда я встал на свою линию, меня там поджидал не соперник, а соперница. Я увидел знакомую безрукавку. Вот она – «Росомаха». Хвала Творцу, что хоть не та самая, которая в заливе пообещала мне нелегкую дальнейшую жизнь с оторванными тестикулами. Неожиданно к девушке подошел судья и заставил показать ногти. Праведник внимательно осмотрел волосы моей соперницы, провел ладонью по безрукавке. Видимо, до этого уже были какие–то прецеденты с дамскими уловками.

– Вас что, перед каждой сессией на медосмотр водят? – крикнул я, чем обратил на себя ее внимание. – А может, ну ее, эту драку? Чего нам делить? Прогуляемся вместе по Платформе, посидим на краешке, ногами в воде поболтаем. Я думаю, что нам столько нужно сказать друг другу!

Губы девушки изогнулись в улыбке. Не отвечая мне, она встала на исходную и выполнила два ритуальных поклона – мне и арбитру. Причем сделала это машинально, автоматически. Боец. Это – боец, у меня не осталось никаких сомнений.

Когда прозвучала команда «на старт», она сразу грамотно

сместилась в правую сторону. Я попытался проверить ее реакцию коротким прямым, но попал только в воздух. Ноги у девчонки работали превосходно, жаль только, что не по профилю. Она постоянно заходила мне за левое плечо так, что моя правая рука оказывалась не у дел. Мне приходилось доворачивать корпус, поэтому я хронически запаздывал, весь поединок проводя вполоборота к своему противнику. А левую руку я использовать не мог, она была занята. Конечно же, мне было известно, чего от нее ожидать – не зря моя левая кисть, как пришитая, торчала в районе пояса. Схватка уже перевалила за половину, а у нас пока ничего не прояснилось. Ну, разве что на мою долю пришлось несколько легких оплеух. «Росомаха» старалась меня раскрыть, я не поддавался. И хотя она тратила больше сил на перемещения, но казалось, что ее это нисколько не заботило – девушка по–прежнему двигалась легко, словно танцевала со мной. Понимая всю бесперспективность затягивания боя, я наконец решился. «Или ты, брат Велчер, сейчас разглядишь в глазах всю Галактику, или…» – прошептал я и сблокировал очередную пощечину левым предплечьем. Ее глаза сузились. Я даже не увидел, а почувствовал, как колено «Росомахи» вылетело мне в пах. И… направил навстречу свое! Это был грязный трюк из регби «сустав на сустав», подлый и травмоопасный прием, но и она проявила себя далеко не ангелом. Раздался треск, тут же перекрытый ее воплем. Девушка лежала на полу, неловко поджав под себя ногу. Из ее глаз катились крупные слезы. Разрыв крестообразных связок – скверная штука. Ее колено через считанные минуты превратится в ватный шарик. К моей противнице подбежали ее подруги. Выражение их лиц недвусмысленно намекало на то, что если бы не турнир, меня бы ждала немедленная кастрация при помощи тупых и ржавых предметов.

Я вышел из круга, обалдело качая головой. Си–Так прочувствованно стиснул мою ладонь:

– Круто, старик! Очень круто!

– Ты полагаешь? Право, жаль уродовать такую красотку.

– Ты вывел из строя второго боевого коня Марши. Если Элки сделает свою работу так же хорошо, то бегемотихе придется самой выйти на ринг. Впервые за пять последних битв! Ребята, я в вас не ошибся.

Мы вдвоем стали подбадривать нашего великана. Тот не просто делал все хорошо – он справлялся отлично. Против него как раз выступала моя знакомая. Та самая яйцерезка с сокрушительным ударом. Что они вдвоем вытворяли на ринге! Это как два самолета столкнулись винтами – воздушный вихрь и мелькание лопастей. Куда девалась вечная заторможенность

Элки? Парень двигался, как смазанное пятно. На каждый удар «Росомахи» следовал жесткий блок и молниеносная контратака. Как только девчонка терпела эти удары! Меня даже захлестнуло сочувствие к ней. Громадина Элки и стройный, хрупкий силуэт девушки. В конце концов, она пропустила очередной тычок в грудь и опустилась на колено, закусив губу. Творец, у нее там, наверное, все отбито до единого лилового синяка! Эх, Элки… Ну, выруби ее, сломай, в конце концов, женщине ногу… или руку, но зачем же так жестоко? Прямо в грудь…

– «Доминорум»! – победный клич наших сторонников просто меня оглушил.

Чего все так орут? Оказалось, была причина. Двадцать три на двадцать один. Наша. Но даже не счет стал поводом для ликования, а то, что у «Росомах» сняли с шахматной доски обоих боевых коней, и до финала остался один единственный поединок. Понятное дело с кем. В круг выплыл победоносный линкор феминисткого флота. Марша и ее четыреста фунтов мужененавистничества. Я схватил вождя за грудки:

– Никому не уступлю эту честь! Си–Так! Ты мой должник, помнишь?

– Никогда не отдавал долги с таким удовольствием, – осклабился мой приятель. – Действуй, Велчер.

Под свист и подбадривающие крики болельщиков, мы прошли на исходные. Марша старалась выглядеть уверенной в своих силах, но периодически швыряла в мою сторону настороженные взгляды. По обе стороны от ринга встали два Праведника.

– Готовы? – прозвучал вопрос одного из арбитров. – Приветствия сопернику.

Мы салютовали друг другу поднятием рук, шум толпы прорезал стартовый свисток и поединок начался. Марша пошла на меня, словно весенний ледоход – медленно, но неотвратимо. Хорошо, что ринг круглый, иначе бы меня быстренько загнали в угол. Я маневрировал, отступал, а Марша методично пресекала мне пути отхода. Через пятнадцать секунд схватки обе моих ноги уже стояли на разделительной линии. Пора было срочно выныривать на свободное пространство. Я выполнил пару откровенно ложных маневров вбок, а потом попытался проскочить у нее прямо под левым локтем. Хорошо, что не полез очертя голову! Откуда у столь неповоротливого человека вдруг такая неожиданная прыть? Она рванула на меня, как ястреб на полевую мышь, и я еле сумел выскользнуть у нее из–под пальцев. Моя майка треснула на груди. Половина ее осталась в маршиных тисках, но я прорвался, чудом избежав нежелательных объятий.

Тактика противницы стала для меня абсолютно понятной. Марша хотела победить своим весом, задушить, придавить, сломать. Как получится! Ее скрюченные пальцы хватали воздух в надежде дотянуться до меня и что–нибудь прихватить на память. Я в ответ наносил легкие удары в нижний уровень, но тщательно избегал ближней дистанции. Признаться, у меня не было ни малейшего плана на контригру. Как же ее свалить? Печень просто не пробить. Нокаутировать в подбородок? В моем распоряжении будет лишь одна попытка.

Я начал раскачивать тело, танцуя боевой маятник. Марша по–прежнему гнула свою линию – наступала с упорством слепого бульдога. Вот она сделала еще один шаг, в ее защите на секунду образовалась брешь, куда устремился метеорит моего кулака. Задумка была неплоха, вот только в последний момент слониха успела отклонить голову, и вместо нижней челюсти я смазал ее по скуле. Ценой ошибки стал клинч. На моей спине сошлись ее огромные руки. Я почувствовал, как мои ноги оторвались от земли. Ударами обоих локтей мне удалось сбить замок ниже, и я начал извиваться, словно червяк, в попытках освободиться от ребродробительных объятий. Удалось наполовину, потому что Марша сумела перецепить захват с туловища на ноги. Теперь я повис вниз головой. Время сессии приближалось к финальному гонгу. Марша уже начала подгибать колени с намерением сделать мой черепной свод идеально плоским, как вдруг остановилась. До великанши дошло, что сама она при этом коснется толстым крупом татами и проиграет.

В таком положении нас и застал судейский свисток: Марша замерла в позе родосского колосса, а я повис на ней, как живой брелок. Праведники дали нам пару минут передохнуть. Со всех сторон ко мне неслись полезные советы – все, как один, бессмысленные. Да и я был не в том состоянии, чтобы хоть что–то слышать и понимать.

Вторую сессию мы начали осторожно. Главная феминистка явно устала – ее легкие работали с шумом, к щекам прилила краска. Я же метался по кругу и жалил противницу хлесткими ударами по ногам. Она сделала несколько неуклюжих попыток меня прихватить, но мне каждый раз удавалось выкручиваться из–под ее разлапистых движений. В игре на нервах прошло более двух минут. Близилась развязка и финальный гонг. В глазах Марши загорелся мрачный огонек какого–то коварного плана. Вот она выполнила несколько ложных замахов и вдруг рванула вперед с мощью атакующего бульдозера. Хвала Творцу, что на фоне немалой накопленной усталости ее движения потеряли резкость, иначе мне бы не поздоровилось. Но перемещалась она

недостаточно быстро, и я сумел уйти с вектора атаки, скручивающим движением отбросил от себя ее растопыренные руки и даже сдвоенным тычком в спину придал Марше дополнительное ускорение. Сместившийся вперед центр тяжести увлек остальное тело великанши за собой, ее массивные шасси попытались быстрыми «топ–топ» настичь ускользающее равновесие, но не успели. Главная женщина Стимония укатилась кубарем на вольные просторы Платформы, попутно намотав на себя нескольких неосторожных болельщиков. Из клубка человеческих тел донесся обиженный вопль Марши:

– Татиайхэнко!!!

Стоявший на самой линии Элки тут же отчеканил расшифровку:

– Уклонение от схватки на встречных курсах. Прием разрешенный, но считается недостойным действием.

Он говорил, словно по подсказке. И вообще, выглядел предельно собранным, мобилизованным, а не слегка заторможенным, как всегда. С чего бы такие перемены? Втянул ноздрями запах крови?

Свисток! Победа!!! Вся человеческая масса сгрудилась возле финальных рингов. Неожиданно на стороне наших противниц появилась группа Праведников с голыми торсами. Их выход сопроводился возмущенным гулом наших приверженцев. Си–Так всплеснул руками:

– Ну, вот. Стоит начать выигрывать… Эй! – обратился он к арбитрам. – Чего не так? Почему вы вмешиваетесь?

– «Диминорум» вывел на арену двух новых «боевых коней». Их участие в битве определило общий перевес «Доминорума». Мы считаем это неспортивным и встаем на сторону слабейшего.

– Назовите хоть одно правило, которое было нарушено!

– Формальных нарушений нет. А следовательно, нет дисквалификации. «Арт Виртут» не был осведомлен о тайном оружии «Доминорума», поэтому допустил стратегический просчет. Бесчестья нет. Есть неравенство шансов, которое мы исправляем.

– Что за «Арт Виртут»? – нахмурился я.

После секундной паузы, Элки сказал:

– «Сила искусства». М–м–м… или «Сила Естества». Так женский клан себя именует, похоже.

– Романтично. Элки, а давно ли ты выучил латынь?

Громила не ответил мне. Он вдруг шагнул вперед через линию финального ринга и поднял вверх руку.

– Я оспариваю решение Праведников. Считаю его пристрастным!

Весь гомон по сторонам мгновенно затих. Если бы над головой вдруг каркнула ворона – это был бы единственный звук, который пронесся бы сейчас над толпой.

– Кто ты такой, что кидаешь нам в лицо обвинения? – грозно проговорил один из арбитров.

– Человек. Кем еще надо быть, чтобы видеть правду? Я взыскую справедливости! И могу ее требовать, как любой рядовой житель Стимония!

– Ты – новичок и не ведаешь, что за правду мы платим собственной кровью.

– Цена не имеет значения. Вы называете правдой свои представления о ней. Они ложные. И это главное!

Сильно сказано. Наверное, у меня сейчас был весьма глупый вид. Элки. Недалекий здоровяк Элки, с вечно розовыми щечками. Как же ты сумел меня провести?

– Твои обвинения бездоказательны. И, следовательно, голословны, – отрезал Праведник и уже повернулся к стоящим рядышком, словно лучшие друзья, Си–Таку и Марше, как Элки вновь развернул его новым возгласом:

– Я принимаю ваши правила. И тоже готов заплатить кровью за собственную правду.

– Заплатишь в финальном раунде.

– Нет!!! Я один выйду на ринг против пяти Праведников. И докажу всем, на чьей стороне справедливость.

Главный арбитр гневно упер в бока кулаки:

– Если ты выдержишь хотя бы одну сессию против пяти бойцов нашего клана, то заслужишь право быть услышанным!

– А если одержу победу, то заслужу право возглавить ваш клан? Так? Или твоя правда имеет границы в виде благоразумия?

Арбитр усмехнулся:

– Ну–у–у, если ты сможешь превзойти пятерых лучших из нас, то тебе и впрямь должно встать во главе Праведников. Да будет так. Только не слишком на это рассчитывай, чтобы не разочаровываться потом.

Си–Так встретился со мной взглядом и, как бы признавая очевидное, сказал:

– Спятил. Парень окончательно спятил. Слышишь, Элки, ты главное, держись на ногах и отступай. В такой драке сбежать – значит, сохранить себе здоровье. Тебя никто не осудит.

– Благодарю.

Громила сделал несколько вращательных движений руками для разминки и отошел за линию ринга. Праведники, растянутые полукругом, заняли свои места на другой стороне. Сигнал к началу! К всеобщему удивлению, Элки сразу перешел в нападение. Он не пробежал, а пролетел несколько шагов к ближайшему сопернику, потом вдруг резко сменил направление, одновременно выбрасывая первый удар. Второй боец, который сам изготовился к атаке и совершенно не ожидал встречного выпада, получил прямой сдвоенный в лицо. Сила тычка была такова, что парня просто вышвырнуло с ринга, причем уже в бессознательном состоянии. Одновременно с ловкостью танцора великан выкинул вбок ногу. Огромная деталь прилетела точно в грудь центральному поборнику справедливости, и в противостоянии «Элки – Праведники» счет стал 2–0. Наш соратник при этом на секунду остался балансировать на одной ноге, и в нее, опорную, врезался третий противник. По всем законам физики и анатомии, Элки должен был опрокинуться на спину. Но вместо этого его соперник отлетел от сустава гиганта, словно от каменного забора. И как раз под опускавшуюся сверху колотушку кулака. Прошло не более десяти секунд с начала схватки, а Элки уже остался один против всего двух оппонентов. Зато теперь они не испытывали иллюзий насчет своего визави и оба были настороже. Не зная, что поделать с этой боевой машиной, они сосредоточили свои усилия на том, чтобы не попасться под его удары. Еще полминуты такая тактика их спасала, а потом Элки сумел прыжком тигра настичь одну из жертв. Он просто вцепился Праведнику в бедро, подмял под себя. Я почти физически почувствовал, как ломается у того неестественно подогнутая нога. Последний правдолюбец взмыл над загривком Элки с занесенным для хлесткого удара локтем. Если бы я успел, то зажмурился бы – настолько страшно выглядел приготовленный рауш. Но вдруг навстречу Праведнику вынесся жестко поставленный кулак. Он вошел тому точно в горло. Тело

парня дернулось в воздухе и переломилось пополам в пояснице.

Когда Элки выбросил вверх в триумфальном салюте руки, ответом ему был оглушительный рев всего живого и двуногого на Платформе. Орали и мужчины, и женщины, без разделения на половые признаки. Если бы в эту минуту Элки пришло в голову сместить Маршу или Си–Така, он мог сделать это одним движением пальца. Сейчас он был героем минуты, кумиром толпы. Но здоровяк точно знал, чего хочет:

– Слушайте все! Сегодня не будет финального боя. Представители обоих сообществ строятся в колонну по одному и по очереди берут летательные комплекты и жезлы власти из кучи. Никакой сутолоки! Первым начинает «Доминорум». Что, Марша? Ты хочешь возразить?

Какая мощь звучала в его голосе. Харизма, запредельная уверенность в собственных силах. Перед нами стоял не человек, а полубог в зените своих сверхспособностей. Речь его лилась плавно, глубоко проникая в уши и души людей. Мнение Марши насчет того, что саламандрины не позволят нарушать обычаи, на фоне блистательного Элки выглядело нелепым чириканьем воробья. Не отвечая атаманше, великан, раздвигая плечами человеческие волны, направился к рептилиям. За ним следовало все и вся. Едва он приблизился к строю охраны, двойная цепь саламандринов разомкнулась. Слышали ли они его слова или нет? Неизвестно. Но ящеры признали Элки. Перестроением они подтвердили его полномочия. Если и существовал потолок авторитета одного над всеми, то великан только что пробил его новым достижением. Изумленный вздох прошелестел над народом Стимония.

Кто–то прикоснулся к моей руке, и я порывисто обернулся. Позади стоял Си–Так. Вождь словно прибавил за минуту десяток лет возраста.

– Эх, Велчер–Велчер… Какую бомбу ты принес с собой в наш равновесный мир? – печально сказал он.

Я с горечью ответил:

– Знать бы самому!

Но кое–что прояснилось. Наверняка среди толпы присутствовало немало отставных военных. Они куда смотрели? Неужели не заметили то, что привыкли наблюдать, да и ощущать каждый день воинской службы? Или помешал стереотип под названием: «Да такого просто не может быть!» Какая изощренная ложь. Победить в битве за правду с помощью банального подлога.

Я еле дождался своей очереди на раздаче технической атрибутики. Вытащил из кучи одинаковых поясов один, который попался под руку, забросил на сгиб локтя ремень летательного

ранца, и им же прижал к телу странную резную палку – Жезл Власти. Прибарахлившись, стал терпеливо проталкиваться из толпы на свободное место.

Когда мне удалось вылезти на свободу, я нацепил на себя ранец, щелкнул тугой застежкой пояса. Ко мне подбежал Си–Так:

– Куда собрался, Велчер? Сегодня вечер нашей победы, а ты немало для нее сделал. Будет праздник, – попытался остановить меня лидер «Доминорума».

– Извини, вождь, но мне срочно нужно на «Туррис».

– Что–то случилось?

– Да.

Си–Так кивнул.

– Передай Эрике, что я буду завтра. Не хочу дышать на свою птичку перегаром.

Я ответил, что передам и нажал на кнопку «Старт». Мне приходилось раньше иметь дело с такими штуковинами. Как–то на базе переформирования нас целый месяц мурыжили испытаниями индивидуальных леталок, вроде той, что сейчас торчала за моими плечами, но потом в командовании справедливо решили, что потери от ошибок и столкновений бойцов при выполнении маневров превышают все разумные пределы, и персональные движки быстренько убрали с передовой. После того, как мое тело зависло в десяти футах над Платформой, я подрегулировал мощь ускорителей, попробовал плавность системы торможения, а потом включил форсаж и пошел на бреющем над поверхностью. Мои глаза впились в перспективу – мне совсем не улыбалось намотаться на одну из многочисленных стимонийских веревок.

На подлете к «Туррису» я свечой ушел в небо. Сторожи возле подъемника тыкали в мою сторону изумленными пальцами. На площадке для наблюдения одиноко сидела Эрика и вглядывалась вдаль. Я помахал ей рукой, осторожно снижаясь с прицелом на костровую поляну. Две фигурки наклонились друг к другу. Розовая лысина и короткая черная стрижка, как всегда аккуратно уложенная. Эти двое так были увлечены разговором, что никого вокруг не замечали. Я так удачно приземлился, что угодил ногой в котелок с настоем трав, благо не слишком горячим. Лазарь и Беата отпрянули при моем появлении, как два нашкодивших гимназиста. О чем они так доверительно шептались? Какие–то секреты? Оба придали своим физиономиям невинно–отсутствующее выражение. А старик даже похвалил мое снаряжение:

– Отличная у тебя глиссада, Велчер. Но надо чуть–чуть поработать над посадкой.

Я рывком скинул с плеч ранец и навис всей массой над ними:

– Вы что вытворяете?! Проповедники, чтоб вас!!!

Беата скромнехонько одернула короткую тунику на круглых коленках и поинтересовалась:

– О чем это ты?

– О чем?! Думаешь, я не знаю, как работает боевой офицерский набор имплантов? Скорость, сила… Сверхчеловек, да и только! Кому вы хотели втереть очки? Мне?! У него встроенный процессор! Стимоний закрыт для электроники, это знают все! Никаких коммуникаторов, даже питомцы отрубаются. Нас, демонов из бывших военных, полгода катали по клиникам, чтобы извлечь все электронные штучки. Стоит забыть хоть одну и система иммунитета сожрет тебя заживо. Никому и в голову не придет, что тут, в Стимонии, может выжить человек с работающим нейроцентром! А он есть! Это – Элки!

– Ты бредишь, Велчер, – с неприязнью в голосе бросила Беата.

– Неужели? Хорошо, я немедленно доложу свои соображения Си–Таку. Очень хочу посмотреть на его реакцию!

– Стой! Погоди! Куда ты собрался? Погоди, я прошу! Даже, если я гипотетически с тобой согласилась… Дальше что? Ты пойдешь и сдашь человека, с которым делил хлеб и тяготы похода? Так ты понимаешь братство и взаимовыручку? Так ты понимаешь свою задачу, проводник? Испортить миссию, за которую ты отвечаешь?

Словом «проводник» она ожгла меня, словно кнутом. Мне только что снова показали мое место. Без малого минуту мы молчали, потом уже совсем тихо я спросил:

–Да кто вы такие? Почему присвоили себе право залезать людям в голову и душу?

Беата холодным блеском глаз встретила мой взгляд:

– Мы несем людям Слово. Слово «Кодекса». Мы посланы, чтобы вразумлять. Тот, кто пройдет Лавакрон, не должен сюда вернуться. Ты наверняка все давно понял, ты же – не идиот! И чего вдруг тебе пришло в голову начать ломать здесь комедию с бурной истерикой?

Лазарь успокаивающе поднял руку:

– Дорогой Велчер, я все тебе объясню. Только не здесь. Ниже.

– Значит, в Прайде был Яри. В Стиме останется Элки. В Инфиделити вы тоже кого–то внедрили. А ты сама, Беата? Где твое место? В Сарварии? Или в пустыне Атернума?

– Нет, Велчер. Остальная группа пойдет вглубь до самого Эпрона. Больше мы никого не оставляем.

Линия Слика. Заплыв в глубину

Получив внезапный моральный свинг от Беаты, я, как ни странно, пришел в себя. И чего мне вздумалось так встрять в местные проблемы, когда сам пребываю по уши в дурно пахнущем веществе? Нет, не сижу, а двигаюсь без определенной цели и направления и впереди прогнозирую серьезное понижение уровня почвы. Хватит! Определить, куда ветер дует, и двигать отсюда – такая у меня теперь позиция. Но уже через минуту мои мысли свернулись в клубок на одеяле возле упругого тела моей нынешней подружки. Девушка вела себя со мной так, словно страдала раздвоением личности. Холодная и ироничная днем, неистовая и требовательная ночью. К этому невозможно было привыкнуть. Я просыпался с мечтательной улыбкой на губах, которая тут же скисала от ее первого отстраненного взгляда.

В Стиме, меж тем, начали твориться чудные дела. Преображение Элки застало этот замкнутый мирок врасплох. После драки он увел за собой побежденных арбитров и пропал вместе с ними на несколько дней. Си–Так за это время похудел настолько, что одежда висела на нем, как на гардеробной вешалке. Народ бурлил в недоумении. На фоне оглушительного разгрома Праведников потерялись даже прелестные электронные игрушки, коими теперь наводнили Стимоний. Нет, люди активно их осваивали, парочка особенно рьяных авантюристов даже умудрилась свернуть себе шеи при помощи глупой головы и летательного ранца, но все напряженно ждали новостей. И сенсация пришла. Наутро четвертых суток смуты и безвластия озеро облетела весть: клан Праведников расформирован, должности третейских судей упразднены. Из осколков его структуры возродилась новая формация – сообщество Просветленных. Туда свободно записывали всех желающих – и мужчин, и женщин, пол не имел значения. Жить по «Кодексу» – вот что являлось смыслом существования для истинного Просветленного. Кто же нес робким страждущим светлые ростки истины? Нетрудно догадаться. Но я уже перестал чему–либо удивляться в Лавакроне. Мужик с лицом убийцы начинает проповедовать, лысый грешник оказывается философом, громила с гантелями вместо кулаков становится духовным пастырем. Удивляла лишь та готовность, с которой коренные стимонийцы примкнули к новым знаменам. Клан «Доминорум» мгновенно понес жестокие потери в составе, монолитный строй феминисток тоже изрядно поредел. Си–Таку и Марше впору было начинать думать о мезальянсе.

Что оставалось мне? Правильно, срочно взять узлы и готовиться к переходу в Атернум, попутно осваивая доставшиеся

на поле брани гаджеты. Внутренний голос подсказывал, что эти штуки мне еще понадобятся.

С такими мыслями я в который раз перетряхнул свою новую чудо–амуницию. Жаль, что я не силен в технике. Сколько не ощупывали мои пальцы ранец, но так и не смогли отыскать на нем сменные блоки питания. Не от воздуха же он работает? Будем уповать на то, что для моих авиарейсов его энергии достанет, а заодно – летать не слишком быстро и высоко над поверхностью. Остальным жителям Стима предстояло на собственной шкуре выяснить, смогут ли они схватиться пальцами за воздух, когда на очередном вираже их ранец вдруг закашляет и скажет «бай–бай». Я попытался по этому поводу предостеречь Си–Така, но без толку. Бравый вождь в ответ мрачно буркнул, что у него и без летательных рюкзаков проблем предостаточно.

Жезлы Власти оказались прелюбопытным бескровным орудием боя. Внешне это была круглая палка из прочного пластика, на которую сверху нахлобучили аналогичных свойств страусиное яйцо. Чтобы штуковина смотрелась изящно, на центральный штырь надели резную бронзовую оплетку, а овальный набалдашник покрыли зеркальной краской и утыкали сотней мелких искусственных жемчужин. Получился этакий королевский скипетр с некоторыми признаками боевой булавы. Эффект его военного применения походил на удар сжатым воздухом. В районе рукояти у жезла имелась плавная регулировка заряда. На максимальном уровне человека сносило шагов на десять, не меньше. Если при этом за спиной у него находилось, к примеру, дерево, то бедолаге оставалось только посочувствовать.

Ударный разряд вылетал из палицы при условии, что на противнике в этот момент был застегнут пояс с экраном из летательного набора. Он одновременно служил приемником импульсов жезла и пультом управления ранца, то есть оба технических новшества по отдельности не работали. Головастые ребята с поверхности неожиданно показали себя примерными гуманистами – без «леталки» человека таким манером можно было запросто скинуть с верхнего острова или со скалы и расшибить насмерть, а ранец все же давал надежду уцелеть. Я бы с удовольствием прихватил один такой жезл в дальнейшее путешествие, но на его стволе была выбита надпись: «Только для Стимония», так что пришлось с сожалением оставить хорошую идею.

Наша маленькая община совсем замкнулась на «Туррисе». Девушки глазели на Стимоний с обзорной площадки, но совсем не горели желанием пускаться в экскурсии по озеру с возможными неприятными знакомствами. Теперь, с

повсеместным появлением летательных ранцев, с ними постоянно дежурил кто–то из нас: либо я, либо Си–Так. Хотя нужда в подъемнике теперь отпала, его охрану так же увеличили вдвое из числа преданных вождю людей. В общем, владения Си–Така чем дальше, тем больше становились похожими на крепость.

Кого он опасался? Ясно кого. Просветленные не только предавались сообща ментальным практикам, да вербовали в свои ряды неофитов. Как–то в паузе между важными духовными делами ими была под корень вырублена колония «молчунов». Работорговцев выковыряли из своих скалистых лазов, словно короедов из трухлявого ствола. Извели всех до единого. Похоже, тут сказалась личная неприязнь – они с самого начала не слишком приглянулись Элки.

Вождь «Доминорума» по–прежнему метался целый день по бригадам в попытках удержать в руках ускользающие властные нити. Без толку. Просветленные уверенно набирали силу. Маленькие островные государства один за другим выходили из–под протекции мужского клана и примыкали к новой вере.

– Что присоветуешь, Велчер? – в отчаянии обратился ко мне Си–Так.

– Хреновые твои дела, дружище, – честно ответил я. – Я говорил с Лазарем, так старик утверждает, что бывших вождей при революциях обычно гасят. Дело не в злости или агрессии. Срабатывает оборотная сторона инстинкта защиты своего племени, который в обществе называют патриотизмом. Как он там выразился… «Лидера, утратившего доверие собственного стада непременно нужно завалить, чтобы у него не было шансов на реставрацию власти. Даже, если лично он не представляет опасности». Лазарь еще привел целый список имен из разных веков, но их я уже запоминать не стал.

– Спасибо, Велчер. Умеешь ты утешать.

– Держи уши торчком, брат. Тебе всего лишь нужно на время убрать с визитной карточки титул. Откажись от хлопотной должности вождя. Уйди в отставку. Тогда ты сразу попадаешь в офсайд.

– А шансов побороться нет?

– Никаких.

– С тобой в качестве «боевого коня» я бы все же попытался. Как насчет задержаться? Поможешь мне разобраться с делами?

– Не могу, Си–Так. Правда, не могу. Старик уже готов разломать свою повязку, и нам пора будет трогаться. У тебя заваруха еще набирает обороты и не скоро закончится. Столько времени у меня нет.

– А на обратном ходу? Если обещаешь вписаться за меня, то я

протяну до твоего возвращения. Точно протяну! Ну как?

– Ох, Си–Так, с моим возвращением много неясного.

И в припадке откровенности я выложил ему все. Подчистую. Вождь раздумчиво почесал затылок и неторопливо заговорил:

– Я расскажу тебе одну историю. Однажды мне пришлось сидеть в «Уачите». Тихий уголок, без крысино–тараканьих забегов по ночам. Там даже бассейн имелся. И вдруг я узнаю, что через неделю меня переводят в «Тахому Зулу Два», что на Гренландии. Обидно было, конечно. Тем более, что переезд грозил растянуться на пару дней. Тюремный поезд, магнитоплан, снова поезд. Охранники на этапе – нервные типы, чуть что – дубинкой по ребрам. Вечно натерпишься от них всякого, пока не заедешь в новый дом. Так вот, я сумел раздобыть схему поезда, а чертеж магнитоплана сделал сам, как сумел. Этапу обычно предшествует «внезапный» шмон. Денька за два. Всю камеру перетряхнут вверх дном в поисках контрабанды и всяких запрещенных нычек. Вот заявляются ко мне гости и находят мои рисунки. Что тут началось! План побега! Смех… Но серьезного они мне предъявить ничего не сумели. Подумаешь, чертеж, подумаешь, схема. Зачем? Техникой интересуюсь, а что, нельзя? Изучаю конструкцию на предмет аварийности. Фобия у меня! Как сказал надзиратель по прозвищу Фурункул, я бросил системе вызов, и система его принимает. Два дня я провел в отдельном купе, под постоянным прицелом камер. Никакого тебе общего, пропахшего потом вагона. Пусть двойные браслеты, зато кормили с ложечки. Никогда так не отдыхал! К чему я все это тебе рассказываю… Система играет против нас и постоянно меняет правила под следующую раздачу. Но на то нам и голова, чтобы наладить собственный шельмеж и вовремя сделать ход. Главное, не быть телком и не ждать, пока в ноздри проденут кольцо. Ты усек, что я имею в виду?

– Я понял, о чем ты толкуешь, Си–Так.

– Ты – неплохой малый, Велчер. Будет обидно, если Система сломает тебе хребет. А может, все–таки соскочишь с пробега и останешься у нас, в Стиме? Тут полно гротов, где можно переждать время. А потом что–нибудь придумаем? «Доминорум» способен многое натворить с таким бойцом в команде. Даже Элки тебя побаивается.

– Спасибо, Си–Так. Но не по мне бросать начатое дело.

– Как знаешь, Велчер, как знаешь.

– Ладно, расскажи лучше, что там у тебя с Эрикой? Не соблазнил девчонку озерными красотами?

– С такими раскладами на моем носу ей будет небезопасно рядом. Да и бесполезное это дело. Эрика торопится на встречу к

своему отцу. Она призналась. Обещала, что, может, придумает в будущем возможность свидеться со мной. Но сама пока не знает, как.

– Веришь ей? Я не силен в семейных делах, но неужели существует такой изверг на свете, который способен бросить родную дочурку в пасть Лавакрону?

– Конечно, верю. Она славная девушка. А насчет семьи… Велчер, мне сдается, что Лазарь прав, и мы совсем утратили это чувство. Может быть, в будущем все поменяется. Человек по природе своей совсем не злое существо.

– И все–то у тебя хорошие и славные, Си–Так. Не пойму что–то… неужели наши тюрьмы воспитывают в людях только доброту?

Си–Так не ответил. Он просто сидел и смотрел вперед. Нос выглядывал из мшистых бакенбардов, словно перископ. Потом вождь поднялся, с хрустом размял плечи и предложил:

– Хватит трепаться. Полетели, покажу тебя переход на Атернум. Мы называем это место – Томбола.

Через полчаса я в нерешительности стоял у клокочущей горловины тоннеля. Потоки воды бились друг о друга и смешивались в неистовой ярости. По камням вокруг непрерывно хлестала жидкая шрапнель. Дальше весь этот бешеный клубок проваливался в скальные недра уровня, но я знал, что там, в глубине, он разделяется на три рукава, два из которых заканчиваются верной смертью тупиков.

– Значит, вот она какая, эта ваша Томбола…

– У саламандринов есть свой проход, более комфортабельный, но нам туда хода нет, – произнес Си–Так, наблюдая за моей реакцией.

– Я знаю. Одному моему приятелю через него доставили зверюгу из Атернума.

– Как думаешь спускаться?

– Не знаю. Жуткое место. Нас в клочья размолотит о валуны на первых же футах. Никакая страховка не поможет. С этой силищей не совладаешь.

Си–Так насмешливо улыбнулся:

– Не буду тебя морочить, друг. Все, что ты видишь – декорация. Мои люди спускались здесь много раз. Да, сначала побросает немного, но потом полная тишь.

– Я слышал, что там, внизу, три коридора.

– Точно. Тебе нужен правый. Не перепутай в потемках. Ныряешь головой вниз. Если не цепляться за стены, воздуха хватает вполне. Потом крепишь шпагат, следующий продевает в него петлю и просто скользит.

Я помялся:

– Через неделю мне нужно будет вернуться. Или около того. Поможешь?

– Каждый второй день мы будем кидать веревку с камнем в правый рукав. Ждем пару часов, потом вытаскиваем, чтобы по ней никто не взобрался. Нам не нужны нежданные гости оттуда. А если попадешь на нечетный день, то подождать придется уже тебе. И так будет, пока я останусь в живых.

Я с благодарностью пожал руку бывшему уголовнику:

– Спасибо, вождь.

– Дружеская услуга. И вот еще что, – голос Си–Така дрогнул. – Береги там мою девочку, Велчер. Доведи ее до места.

– Сделаю. Будь обнадежен.

С рекогносцировки мы вернулись как раз под отключение небосвода. Стоило нам шлепнуться на землю и отстегнуть ранцы, как из темноты выдвинулась огромная фигура Элки. Мы с Си–Таком шарахнулись от великана, в моей руке тихонько засвистел активированный Жезл Власти. Но новоявленный пастырь с готовностью поднял вверх пустые ладони. Он не был вооружен и приветливо улыбался:

– Прослышал, что моя бывшая группа завтра уходит. Вот решил заглянуть, попрощаться. Я скинул девчонкам свежие припасы, они там хлопочут над праздничным угощением.

Мы пожали друг другу руки, словно ничего не случилось. Но я заметил, как Си–Так смотрит на моего бывшего попутчика. Я очень хорошо знаю такой взгляд. Его кидают исподтишка, чтобы решить с какой стороны лучше нанести удар в ухо. Они, как ни в чем не бывало, перебрасывались фразами, а я думал – сколько пройдет времени, прежде чем эти двое вцепятся друг другу в глотки? Союзно им не жить. Поэтому впереди война.

На костровой поляне нас ждал роскошный ужин из крокодильего рагу и вареного водяного картофеля с приправами. Как оказалось, обязанности шеф–повара принял на себя Лазарь, а девушки исполнили роли подручных. Си–Так в честь прощального застолья торжественно извлек из своих запасов пузатую бутыль с мятной настойкой.

– Добрый кубок вина как нельзя кстати перед завтрашней дорогой. Все тревоги уйдут, – важно изрек он, ставя спиртное на низкий обеденный стол.

К общему удивлению, Элки наотрез отказался нарушать спортивный режим. Здоровяк не смог толком объяснить своего воздержания, а покраснел, словно арбузная мякоть. Так и хотелось его успокоить, активированный нейрокомплекс нормально работает и с алкоголем. Уж я–то знаю. Как там по

форме донесения? «Проверено многократно личным наблюдением». Пей, веселись, о плохом не думай! Зато Лазарь не стал отнекиваться. Старик плюнул на остатки наноботов в организме и решительно подставил Си–Таку глубокую кружку. Мы лихо сдвинули чашки и опрокинули в себя сладковатое пойло с послевкусием кайенского перца. Лазарь оценил напиток настолько, что тут же запросил вторую порцию. Бесшабашное поведение старика отлично разрядило напряжение. Все заулыбались, отмякли душой. Но через десяток минут нашего больного обуял демон красноречия. Он стал вещать о роли семьи в обществе, о том, как недальновидное нынешнее правительство попыталось подменить семью групповым сознанием.

– Они просто не понимают, с чем пытаются воевать! – такими словами он заключил свой стартовый тезис.

– Благодари судьбу, что ты в Лавакроне, Лазарь. На поверхности твой коммуникатор сейчас уже раскололся бы от штрафов за грехи. Или могло случиться что–нибудь совсем скверное, – угрюмо бросила Беата.

– А–а–а, мне не привыкать, – отмахнулся старик. – Спрашивается, откуда такая непроходимая глупость? Отвечу, они недооценили роль инстинктов! Возобладала ошибочная точка зрения ряда биохимиков, – тут наш оратор почему–то воинственно воззрился на Беату. – Что человек – всего лишь совокупность продуктов эндокринной системы. Дескать, все наши привычки, склад характера, эмоции – это только гормоны. Ха! Значит, у нас теперь развязаны руки, так решили мы! Ведь мы умеем обращаться с гормонами! У нас половина планеты ходит под внешним контролем ферментов! Встроенные медцентры, вживленные накопители файлов и прочая физиологическая мура. В этом крылась основная ошибка, сограждане. Мы недооценили роль инстинктов. Гормоны – лишь средство, а гомеостаз – собственный контроллер. Не больше. А рулят всем инстинкты. Они отдают приказы на действие, стопроцентно управляют человеком, поскольку, когда включаются базовые инстинкты, рассудочное мышление идет отдыхать. Оно подавляется! И комизм ситуации в том, что у нас практически всегда в работе один или несколько инстинктов. Ха–ха, разве не смешно?

Не знаю, как остальным, а Беате точно было не до смеха. Она сидела, кусая губы. Пальцы побелели на чашке с настойкой, в глазах полыхало гневное пламя.

– Что это означает, осмелюсь спросить? – продолжал разливаться Лазарь. – Мы напрасно ополчились на семью. Вот, что это значит. Нет, идея была благая – подменить социумом первую по значимости общественную ячейку. Глупость!

– Не знаю, о чем ты, Лазарь, – прервал я старика. – Меня воспитало государство. Что в этом плохого?

Си–Так и Элки меня поддержали. Каждый из них оказался выпускником детского интерната. Ребяческие воспоминания до сих пор согревали всем нам душу.

– А вот я жила в семье, – заявила Эрика. – Вы просто не знаете, как это здорово – расти рядом с родителями. Всегда есть тот, кто даст верный совет, пожалеет. Мы даже сейчас очень близки с отцом. И оба с трудом переживаем разлуку.

Разъяренный взгляд Беаты теперь переместился на подружку. Казалось, что брюнетка с трудом удерживается от того, чтобы встать и запечатать рот Эрики чем–нибудь, не пропускающим звуки. А наша белокурая красавица словно унеслась в страну грез. Она игриво посмотрела на своего мужчину, потом мечтательно закрыла глаза:

– Эх, если бы можно было…

– Эрика!!! Мы уже обсуждали эту тему!

Слова Беаты падали, будто каменные ядра. Даже Си–Так поежился, а Эрика, так и вовсе испуганно втянула голову в плечи. Только Лазарь ничего не заметил и подвел итог своему странному монологу:

– В общем, нам опять нужна семья. Без нее разрушается цепочка: личность – семья – общество – патриотизм. Вот и приходится вводить жуткого супердоминанта, возрождать предрассудки. А почему? Нет выхода.

Теперь все мои догадки и выводы встали на свое место. Супердоминант – Лавакрон, надо полагать. Прояснились и личности моей группы. Все до единой. Оставались лишь сомнения в конечном пункте экспедиции. Я пока не знал, что именно там скрывается, хотя предположения уже имелись.

Лазарь выдал свой спич, а потом у него кончился заряд и старик начал нести всякую чушь, из которой мы вообще ничего не поняли. Его пьяное сознание извлекло из внутреннего банка данных никому не нужную груду специальных терминов и понятий. Кончилось дело тем, что между бессвязными фразами он остекленел взглядом и впал в тяжелый алкогольный ступор. Мы вдвоем с Элки оттащили философа на его спальное место, а когда вернулись, то застали на поляне мою нынешнюю подружку в полном одиночестве. Эрика и Си–Так успели удалиться в свое гнездышко. Последняя ночь вдвоем. Как и у нас с Беатой. Стеснительный здоровяк немедленно почувствовал себя третьим лишним.

– Мне э–э–это… пора мне. Я пойду. Полечу, то есть, – смущенно пробормотал он, разом превращаясь в прежнего Элки.

– Пойдем, провожу тебя, – вызвался я.

Беата стрельнула в нас тревожным взглядом, потом сгребла груду грязной посуды и направилась к рукомойнику.

– Помочь завтра с переходом? – предложил Элки.

Я его почти не видел в темноте, зато отлично чувствовал его неловкость.

– Не надо. Люди Си–Така прикроют нас.

– Все неурядицы скоро кончатся, – миролюбиво протянул здоровяк. – В Стиме настанет мир и покой.

– Погоди, он, вроде как, задумывался для другого. Тренировки, выживание и все такое?

– Нет, ну это мы сохраним, конечно.

Я нащупал в темноте могучее плечо Элки и положил на него свою, тоже далеко не слабую руку:

– Дружище, я понимаю для чего ты здесь…

– Ты не думай, Велчер, намерения у меня самые благие…

– Ага. Ими обычно кое–что выстилают. На самом деле, мне плевать на твои намерения. Обещай мне, Элки, что с Си–Таком ничего не случится.

– С чего вдруг такая любовь к бывшему заключенному?

– Он неплохо с нами обошелся.

– С Эрикой тоже?

– Она не возражает, почему ты против?

– Да я так, к слову…

– Элки, ты не тронешь Си–Така. Хорошо? Потому что я собираюсь вернуться, Элки. И если окажется, что Си–Така нет в живых, то я найду тебя. И тогда даже двадцать цепных просветленных псов тебе не помогут.

Гигант решил показать зубы:

– Твои угрозы меня не пугают. Подумай лучше о себе, Велчер. А Си–Так… Пусть живет. Он мне не мешает.

– Будем считать, что мы поняли друг друга, – я протянул здоровяку руку. – Полегче с режимами нейроимпланта. «Тиски» случайно не вруби.

Его ладонь дрогнула, но потом очень деликатно сжала мою.

На самом деле прошли почти сутки, прежде чем наша группа выступила в поход. Сначала старик маялся похмельным синдромом, а потом мы с Беатой решили, что выдвигаться будем ночью. Атернум – настоящая сковорода, райское место для любителей вытапливать из тела лишний жирок. Мы задумали пройти по темноте максимальное расстояние, продневать светлую часть суток под тентом и завершить марш–бросок до перехода в Сарварий следующей ночью. Си–Так по–братски обеспечил нас всем необходимым – сменной одеждой, термозащитной палаткой.

И оружием. Каждый из нас получил по стимонийскому мачете. Широколезвийному, тяжелому. Таким хорошо разрубать толстые ветви и ключицы. Эрика и Беата с сожалением запаковали серые рубища Прайда в герметичные мешки. Сразу по прибытию в Атернум им предстояло сменить на них нынешние кокетливые туники, чтобы не провоцировать местных жителей.

– Они в Атернуме, в основном, смирные, – имея в виду тамошних грешников, успокоил нас вождь. – Мои люди спускались туда трижды, и ни разу на них никто не напал. Но, – Си–Так покосился на девушек. – Всякое может случиться. Почувствуете угрозу – бейте на опережение.

– Не переживай. За нами дело не встанет, – пообещал я.

Но самым бесценным подарком оказались четыре «Коллара». Где Си–Так раздобыл тактические шлемы, хитрован, понятное дело не сознался, но выручил он нас крепко. Разом отдал все долги. Из «Колларов» извлекли всю электронику, но зато нашим головам теперь ничего не угрожало в каменной теснине тоннеля.

Мы стояли у разверстого колодца, вдыхая водяные пары. Студеное жерло Томболы пугало даже меня, а Эрика вовсе стучала зубами от страха и испуганно жалась к своему мужчине. Си–Так наклонился и что–то с улыбкой прошептал ей на ухо. Блондинка решительно сжала губы и отрицательно помотала головой.

Трое дюжих парней из Доминорума придерживали трос. Его конец навязали на продолговатый булыжник, который, в свою очередь, обернули вокруг массивного валуна. Я в сотый раз зачем–то подергал шпагат.

– Всем без исключения говорю «до скорого!» – с этими словами я захлебнулся воздухом и отчаянно бросился в провал.

Если кому случалось быть кубиком льда в шейкере бармена–эквилибриста, то он меня поймет. Потом вокруг стало тихо и спокойно, словно я плыл в невесомости. Мои руки шустро перехватывали узлы на веревке, губы заперли на замок кислород в легких. Подтягиваться по ней не имело смысла – там, внизу, трос не был привязан. Внезапно я ощутил рывок страховочной бечевы. В первую секунду испугался, но потом вспомнил, что мы с Си–Таком условились провериться на середине пути. Быстро нащупал карабин на пояснице и послал наверх один ответный сигнал. Вместе с шумом кислородного голодания в уши быстро вплывал нарастающий гул слива. Еще пара секунд – и я выпал в ночь Атернума.

– За заслуги перед человечеством, за неоценимый вклад в развитие цивилизации…, – внутри Моллоя зазвенела давно

натянутая нить. – Орден «Достояние Земли» вручается…, – диктор замер в эффектной цезуре. – Главе тринадцатого Департамента… Соламентису! Прошу лауреата подняться на сцену!

Соламентис. Новое индивидуальное имя взамен родовому. Над лицом Соламентиса поработал целый штат пластических стилистов. Его узко посаженные глаза теперь смотрели на мир более пронзительно, даже устрашающе. Образ мыслителя–аскета дополняли худые скулы и бледность.

Моллой оглянулся на Лори.

– Удачи, – одними губами прошептала девушка.

Со всех сторон послышалось хлопанье складных сидений кресел – зал вставал. Вся Ассамблея приветствовала героя. В молчании. Величайшая дань его свершению. Молчание выражает почтение. И вдруг с силой, отбивая ладошки, зааплодировала Тониа, сидевшая в двух рядах позади. Ее хлопки подхватила команда специалистов Лавакрона, к которой присоединились чиновники тринадцатого Департамента, и на сцену Моллой вступил уже под оглушительные овации. Нет, не Моллой. Соламентис. Все, без исключения, медиаканалы Земли вели прямую трансляцию церемонии. Сотни миллионов ее граждан в эту минуту наблюдали сейчас это бесстрастное волевое лицо. Лицо гения, лицо величайшего мыслителя планеты. Они видели на нем печать напряжения, тень тревоги за жизнь и судьбу каждого жителя планеты и еще многое из того, что могли придумать себе сами. А Моллой видел темный зал, полный незнакомых людей, улыбающиеся красные губы Тониа и белое холодное лицо Лори.

Во время дружеских поздравлений коллег к нему протиснулся Ольсен. Толстяк вложил в руку Моллоя влажную ладошку и, мурлыкающе проглатывая слога, заговорил:

– Искренне рад за вас, Соламентис. Популярность, признание…, э–э–э, блестящее окружение. Я даже вам немного завидую.

– Кого вы имеете в виду под «блестящим окружением»? – резко переспросил Моллой.

– Ничего, ничего, – затараторил Ольсен. – Просто говорю, что дух захватывает даже от произношения этих слов. А вы так молоды! И так преуспели!

Что ты знаешь об этом, мышь со слипшимися редкими волосенками? Как говорил тогда Полди при первом собеседовании: «Дайте человеку все, и через год вы обнаружите глубоко несчастное существо?». Моллой вдруг представил себя в гондоле воздушного шара под проливным дождем. Он сидит и в

отчаянном исступлении перепиливает последние стропы, что соединяют корзину и наполненную гелием оболочку. Прежние идеалы. Щелк! Друзья. Щелк! Имя. Родовое имя. Ниточка к прошлому. Щелк. Осталось всего несколько. А может быть, одна.

– Ждите нашу делегацию на следующей неделе. Мы хотим посмотреть на закладку новых котлованов… э–э–э… проверить.

– Да–да, я все устрою, – Моллой небрежно похлопал толстяка по спине и устремился навстречу Зельдену.

Сухой властелин силовых структур улыбнулся одними уголками губ и до хруста костяшек стиснул его руку. Так, что Моллой почувствовал боль. Он с удивлением посмотрел на Зельдена, подобное проявление чувств было не свойственно ветерану–чиновнику. Какую мысль или эмоцию пожелал выразить старик своим жестовым посланием?

– Ты еще больше похудел, но выглядишь отлично.

– Спасибо.

– Больше двух лет без отпуска. Пора подумать об отдыхе. Не дожидайся, пока Эйхбаум посадит тебя на принудительное лечение, как трудоголика.

– Знаете, Зельден, я не могу остановиться.

– Ну–ну, не надо преувеличивать.

– Мне иногда кажется, что если я остановлюсь, то вместе с этим остановится мое сердце.

Зельден дружески тронул его предплечье:

– Тем более, тебе нужен отпуск, Соламентис.

И внезапно почти неслышно добавил:

– Потерпи, сынок, совсем немного осталось.

– Что? Простите…, – дернулся Моллой, но глава Департамента Безопасности уже отходил в сторону.

Линия Слика. Небольшой урок на тему древних предрассудков

Вы пробовали рыть глубокую яму в пустыне? Прекрасное занятие для тех, кому важен процесс, а не результат. Место определить не составило труда. В указанный час световая розетта дисциплинировано мигнула нужным огоньком, и мы поставили внизу вешку.

Предыдущая ночь прошла спокойно, но утомительно. После того, как девчонки и Лазарь катапультировались через «медные трубы» Томболы, мы, ритмично постукивая клыками от холода, распотрошили герметично упакованные узлы, достали сухую одежду и немедленно в нее нырнули. Хвала Творцу, при спуске на этот раз обошлось без травм. Жерло оказалось жутким только с

виду. Убедившись, что руки и ноги у всех целы, я повел команду внутрь Атернума. Впереди было несколько часов дороги. Свой путь мы подсвечивали парой карманных фонариков еще из прайдовских запасов.

Довольно быстро пришлось делать привал. Наши ботинки вязли в песке, да и движение по барханам вверх–вниз стремительно высасывало из тел энергию. Хорошо еще, что мы догадались выступить ночью. Днем, на палящем зное, нам пришлось бы совсем туго. Казалось, что вокруг не было ни души. Или это ветер укрыл все сторонние звуки своим свистом. К утру мы совсем выдохлись. Я выбрал местечко у подножия одной из сопок и быстро поставил палатку. Все забрались внутрь, застегнутая «молния» отгородила от нас четвертый уровень теплоизоляционной стеной, и через несколько минут народ провалился в изнуренный сон.

День принес ломоту в мышцах и одуряющую жару. Фильтры палатки работали на максимуме, но по нашим лицам все равно катились капельки пота. Я выбрался наружу. Сами того не желая, мы разбили лагерь на дне небольшой котловины. С барханов лениво текли струйки рассыпчатого песка, на их гребнях танцевали маленькие вихри. Я поднялся на ближайший холм, чтобы осмотреться. Вокруг меня тут же собралось несколько миллионов всяких мух и мошек, так что пришлось срочно захлопывать забрало «Коллара». На соседнем кургане копошилось несколько фигур, закутанных в белые бурнусы. При моем появлении на их горизонте, люди бросили свое занятие и пустились наутек. Вот так вот, без попыток познакомиться. Нет, я не собирался их задерживать, но все равно такое поведение выглядело очень странным. По низкому небосводу Атернума неотвратимо ползла розетта прожекторов в черном облаке насекомых. Я на глаз прикинул ее курс и кубарем спустился с холма.

– Быстро укладываемся. Светило пройдет от нас в полумиле. Я хочу еще сегодня найти точку перехода в Сарварий, поэтому поторапливайтесь.

Ну и отвратное же местечко – этот уровень! Какие же нужно свершить преступления, чтобы сюда угодить? Зной хватал нас за пересохшие горла, песок противно скрипел на зубах, но оказалось, что это просто тепленький ветерок, по сравнению с температурой прямо под гроздью осветителей. Там было настоящее пекло. В глазах сразу появились черные порхающие птицы.

– Так, девчонки, слушаем меня. И ты, конечно, Лазарь, как без тебя. Раскидывайте палатку и забивайтесь в нее, словно

грызуны в норку. Я сам установлю метку перехода. Когда жара спадет, идите за розеттой, ищите меня и колышек. Растянитесь пошире, чтобы не проскочить мимо. Не хочется разделяться, но местные и вправду смирные. Не соврал Си–Так.

Я, как чувствовал, чем дело кончится. Помню, как брел за светилом, преодолевая тошноту и слабость. Несколько раз падал, но потом снова поднимался, иногда даже полз на коленках. Мир вокруг кружился вместе с моей головой – иногда быстро, иногда медленно. В полубреду я растянул пергаментные губы, когда свет вокруг из желтого стал голубым. Вспышка. Еще серия вспышек. Мои руки, словно острогу, подняли колышек ориентира, и я рухнул, вонзая его острие в тело Атернума. Потом все кости моего организма стали резиновыми, а забрало шлема почему–то проскребло по песку. Бело–желтая каша, растекшаяся по визору – вот последнее, что запечатлели мои глаза.

Я очнулся от теплой струйки воды, которую Беата лила прямо мне на лицо. Рядом стояла Эрика и плакала навзрыд. Лазаря не было в поле зрения, но именно его руки поддерживали сейчас мою голову. Наверху рвалось и трепыхалось полотнище нашего тента.

– Лежи, Велчер, не шевелись. Пришлось вколоть тебе сразу две порции наноботов. Тепловой удар, – пояснила Беата, кладя ладошку мне на лоб.

– Я успел поставить метку.

– Мы видели. Не нужно разговаривать. Пей. Тебе сейчас необходимо много жидкости.

Сердце стучало так, будто вот–вот разорвется артериальными брызгами. В голове слышались чьи–то чужие голоса, сознание снова поплыло по своим галлюцинаторским делам.

Но наноботы очень эффективно работают против тепловых ударов. Вновь я очнулся глубокой ночью, уже полный сил и энергии. Справа свернулась калачиком Эрика. Беата лежала дальше, обнимая нашу хрупкую блондиночку за плечи, а Лазарь устроился у входа, словно старый, но исправно несущий службу сторожевой пес. Когда я тихонько перешагивал через его тело, Беата зашевелилась:

– Велчер! Ты куда?

– Пройдусь немного. Не переживай, я в порядке.

Пространство Атернума освещали ночью тысячи мелких фонариков. Часть из них парила в воздухе, придавая пустынному пейзажу сказочный вид. Сегодня наша палатка стояла на самом гребне бархана. С этой точки можно было рассмотреть несколько отблесков костров или очагов, у которых, верно, грелись местные жители. Я заметил одинокую тень, что безмолвно скользила над

песком в сотне шагов от меня.

– Эй! – крикнул я.

Ветер унес мои слова за собой, но тень тут же метнулась из зоны видимости и пропала во мраке. Почему они такие пугливые? В любом случае, не стоит рисковать, прошлой ночью мы и так положились на судьбу, не выставив часовых. Я поудобнее устроился перед шатром, поджав под себя ноги, и стал коротать свою добровольную ночную вахту, вспоминая и размышляя.

Что произошло в Прайде за две недели? Стоит ли на месте Велчерон, помирились ли Тенгир с Гэгэном, справляется ли Набуяг с хозяйством?

Беата. Ее отношение ко мне читалось ясно – никаких взаимных обязательств. Девушке хотелось меня получить, и она меня получила. Физическая разрядка с одновременным броском самого древнего на свете эмоционального лассо от Старейшего сообщества Великой, но приятной Мышеловки. Получить удовольствие, а заодно укрепить связь проводника группы с ее составом. И, хоть мне не по душе была такая циничная политика, я все равно пошел у нее на поводу. Стали ли мои чувства к Беате сильнее? Нет, конечно, нет! Проклятье. Пожалуй, что да. Пусть она стерва, но ее чары частично сработали, может, даже сильнее, чем я хотел себе признаться. И нет–нет, но мой взгляд в последнее время стал дольше необходимого задерживаться на ее ладной фигурке. Как эффектно выглядела она даже в блеклой одежде грешницы, когда повесила на пояс стимонийский тесак! Горечь стыда начала прожигать мне кишки. Все фарс, все не по–настоящему, мы оба врем – и я, и она!

– Все. Отступись! Отстань от меня! – это я совести. – Разве у нас с Беатой заключен официальный контракт? Да, Лавакрон, да, тут невозможны браки, но даже будь такое реальным, где уверенность, что Беата со мной не ради защиты? Не ради преимуществ, которые можно извлечь от любовной связи с проводником и демоном Прайда?

Совесть немедленно парировала аргументом, что, если даже бедная девушка пошла на такую уловку, то не ее нужно осуждать, а мерзавца Велчера, который тут же этим беззастенчиво воспользовался. В компании совести я провел остаток ночи. Мы отрабатывали приемы защиты и нападения. Я отбивался яростно, но где–то внутри понимал, что последнее слово все равно останется за ней. Так и получилось.

За моей спиной кто–то закопошился. Вслед за треском застежки тента из палатки с полузакрытыми глазами выполз Лазарь. Старик явно собрался по нужде. Ничего не поделаешь, возраст. Не обращая на меня никакого внимания, он сонными

шагами отошел на несколько футов в сторону, путаясь в складках рубища, сделал свое дело и застыл в задумчивости. Потом опять стал рыться в своих карманах. К моему немалому удивлению, Лазарь извлек оттуда блеснувший янтарным дисплеем коммуникатор и принялся тыкать пальцем в экран.

– Бесполезно, – вполголоса произнес я. – Связи нет.

Он не то всхлипнул, но то подвыл от ужаса, после чего сиганул от меня в сторону. Его ноги запутались в полах одеяния, чем окончательно вышли из повиновения своему хозяину. Старик совсем неподобающе чертыхнулся, когда покатился вниз по склону бархана. Пришлось лучом фонарика проложить ему обратную дорогу. Через десяток секунд его неловкая фигура, живописно покрытая песком, осторожными шажками вновь подступила к тенту.

– Ты чего шарахаешься?

– Велчер, ну нельзя же так пугать. У меня чуть сердце не лопнуло!

– С чего бы?

– От неожиданности.

– Ну–ка, дай взглянуть на твой приборчик!

У Лазаря глаза стали круглые, как у мышкующей совы. Коммуникатор он быстро сунул за спину.

– Чего ты? В моем мешке штуки две таких валяется. Ни один не работает. Дай посмотреть!

Старик молчал. Рука его по–прежнему находилась в районе пятой точки, сжимая драгоценный для него гаджет. Забавный. С того самого момента, как эта штука съездила меня по ноге на стимонийском водопаде, я знал про коммуникатор. И все время думал, откуда и зачем?

– Посмотрите на него! Как ощетинился, разве только шерсть на загривке дыбом не стала. Не бойся, я не стану у тебя его отбирать. Эх, Лазарь… Ничего не хочешь мне рассказать?

Но бедолага только стоял с глупым видом и упрямо сопел. Я махнул на него рукой и демонстративно отвернулся. Через несколько секунд за спиной вновь скрипнула молния палатки.

Утром, когда мы преломили хлеб пищевых рационов, состоялся краткий военный совет. Одна сторона, в лице Беаты и Эрики, горячо настаивала на немедленных раскопках под вешкой, я предлагал еще раз выверить точку, потому что не хотел зазря месить песок, а Лазарь хранил настороженный нейтралитет. Меня удивила ожесточенность нашего златокудрого цветка, обычно Эрика находилась в стороне от прений, но сегодня приняла в них самое активное участие. И вообще, они с Беатой не раз обменивались многозначительными взглядами. Победа осталась

за мной. К чему эта суета? В наших фляжках оставалось достаточно воды, мы до краев наполнили свои резервуары возле Томболы, так зачем напрасные усилия? И я оказался прав. Когда розетта вновь подмигнула нам васильковым глазом, вешку пришлось перенести на несколько шагов в сторону. Что это означало бы, начни мы работу? Полдня бестолкового каторжного труда!

Я хотел дождаться, пока жара спадет, но девчонки настаивали на немедленном старте раскопок. Мы надели на руки матерчатые рукавицы и начали сообща разгребать песок по центру холма. В самый разгар наших усилий, примерно между седьмым и восьмым потами, Беата, которая сидела на коленках и отбрасывала отвал за двуруким экскаватором велчерного типа, вдруг скинула варежки и указала мне поперек лба:

– К нам гости!

Я выпрямился и увидел парочку живых объектов, наблюдать которых вблизи мне вовсе не хотелось. Это были саламандрины. Две рептилии со шкурой серо–желтого цвета степенно подходили к нашей палатке. Этакий небрежный камуфляж для пустынного пейзажа. Неудивительно, что мы раньше их не заметили. Ящеры–охранники поравнялись с нами. Один, более коренастый и с устрашающим шрамом на морде, деловито заглянул в палатку, а когда ничего не нашел, присоединился к своему товарищу. Тот флегматично совершил обход по кругу наших раскопок и остановился за спиной Эрики.

– Роете, значит? – определил он.

– Да. Мы не промахнулись с местом? – я сразу поднял флажок ответа, показывая, что здесь нужно иметь дело со мной.

– Нет. В самый раз. А кто вы такие?

Пришлось, как следует, наморщить лоб, чтобы вспомнить данную мне инструкцию. Сработает или нет?

– Постановление сорок четыре, прим. двадцать.

Теперь эстафета памяти перешла к саламандрину, но тот не стал затруднять себя копанием в формулярах:

– И чего там?

– Осмотр с принуждением вплоть до самого низа. Новое постановление «Кодекса» Метрополии. Я – демон Прайда, сопровождающий. Эти трое – мои подопечные. В инструкции сказано, что к вам можно обратиться за помощью…

Саламандрины переглянулись, выдержали паузу и оглушительно расхохотались. Беата нахмурилась, ее рука выразительно пробежала по бедру к ножнам мачете.

– Я тебе говорил! – воскликнула коренастая ящерица.

– Теперь верю! – задыхаясь от смеха, просипела вторая, та,

что была повыше.

Когда приступ веселья утих, этот же саламандрин прояснил ситуацию:

– Когда этот указ вышел, мы заключили пари на пять упаковок пива, что желающих посмотреть на Эпрон не найдется до скончания века. Девчонки! – он говорил в общем числе, но обращался к сидевшей рядом Эрике. – Кто вас надоумил на такое?

– Нам не пришлось выбирать, – глухо ответила блондинка.

Ящер грозно посмотрел в мою сторону. Я развел руками – не моя, дескать, инициатива.

– Плюньте вы на это дело. Оставайтесь лучше у нас. В углу уровня есть скалы, а внутри несколько гротов. Там все устроено, как в настоящем отеле. Давайте закрутим вечеринку. Танцы, пиво, все путем!

– Извини, но им не до этого, – сурово отпарировал я. – Такой метод наказания был принудительно предписан всей компании. Избегать взыскания – значит, усугублять его. Ни одна вечеринка не стоит дополнительных трех месяцев в Лавакроне.

Саламандрин понимающе покачал головой, но потом оживился:

– А на обратной дороге? Когда вам уже зачтется экскурсия? Обещайте, что задержитесь в наших краях на денек! Мы подготовим обширную программу развлечений! – он наклонился и заговорщицки подмигнул Эрике.

Девушка бросила на меня панический взгляд. Я солидно выпятил губу:

– На обратном пути – другое дело. Тогда можно. Кстати, с возвращением у нас проблемы. Меня проинструктировали, что можно обратиться за помощью к вам, саламандринам Атернума и Сарвария. Как нам открыть проход?

– Не проблема, приятель! Мы и так раз в три дня устраиваем вентиляцию подвала. Подвалом мы называем Сарварий. Но для вас можем это делать это ежедневно. На закате, в шесть часов тоннель будет активирован. Сколько времени понадобится, чтобы вернуться?

– Я думал, вы мне это скажете…

– Хм…, – высокий саламандрин с сомнением взглянул на товарища. – Сарварий большой. Два дня туда, столько же обратно… В Эпроне надолго вы не задержитесь. Стало быть, еще сутки. Решено, через пять дней начинаем вас поджидать. Договорились?

– Договорились, – милостиво согласился я.

– Отлично! Давайте, мы поможем вам с раскопками. Нечего

хрупким девушкам сбивать свои нежные ладошки!

– Нет–нет, – запротестовал я. – Это входит в их программу принуждения.

Саламандрин даже отступил на шаг для пущей убедительности. Он ничуть не желает вмешиваться в политику «Кодекса».

– Хорошо–хорошо, тогда не будем вас задерживать, – боясь спугнуть удачу, быстро проговорила ящерица.

Охранник тронул своего напарника за плечо.

– Теперь мы удаляемся. Работайте спокойно. Местные вас не потревожат.

– Мы уже заметили, что они тут смирные. Почему, кстати? Все, кого удавалось увидеть, с нашим приближением пускались наутек. Или вы берете только тех, кто слегка не в себе?

– Шутишь? – удивился саламандрин– Ах да, ты не в теме! Сейчас объясню. Вот как у вас в Прайде происходит угнетение грешников кроме их принудительных выгулов через три яруса?

– По–разному. В основном это наша, демонская, задача. В ходу, по большей части, физические методы.

– Ага. А у нас свой способ – изоляция и одиночество. За каждый акт общения грешник получает взыскания. Любишь поболтать? Один разговор или приближение продляет пребывание в Лавакроне на месяц. Один дурак за день умудрился заработать языком себе пожизненное заключение. Совсем из ума выжил. Мы передали его в Эпрон, как безнадежного.

– Наверное, это жестоко, – вырвалось у Эрики.

Саламандрин с ухмылкой посмотрел на красавицу.

– Пургатор – изолятор предварительного заключения с судом вкупе. Инфиделити и Прайд – два вида тюрем. Стимоний – свободное поселение. Атернум и Сарварий – карцеры. Эпрон – психушка. Эх, жаль, что ты не наша! С твоим острым язычком мы бы долго не расстались.

– Почему Эпрон – психушка? – я поспешил перевести разговор на другую тему.

Саламандрины переглянулись и снова дружно расхохотались.

– А вот это, ребята, вам придется выяснить самим!

– Понятно.

Уже собираясь отчаливать, коренастая ящерица на секунду наклонилась ко мне и поинтересовалась:

– А что, такие вот прогулки в Прайде теперь входят в моду? Часто здесь будут проходить группы?

– Постоянно. Замучаетесь ворота открывать, – поспешил я успокоить любителя вечеринок.

Саламандрин от избытка чувств хлопнул в ладоши:

– Вот здорово! А то скука у нас жуткая!

Когда они скрылись за соседним барханом, Эрика спросила:

– И как ты будешь с ними на обратной дороге? Тебе ведь придется…

Вдруг она замолчала, поняв, что едва не проговорилась. Лазарь и Беата подчеркнуто сосредоточенно ковыряли песок. Ладно, ребята, чего уж там… Я давно раскусил тему, что вы не собираетесь возвращаться назад. Нет, но какие молодцы! Понимают, что подставляют своего проводника, и ухом не ведут. Вот она – вытяжка человеческой благодарности в чистом виде. Зеленого цвета и запаха отвратного. А с саламандринами я договорюсь. Скажу, все вопросы к охране Эпрона. Они оставили группу у себя. Разбирайтесь, коль пожелаете.

Страшен мглистый лик Сарвария, жутки проступающие в нем тени. Тут поневоле заговоришь языком легенд. И будешь разговаривать очень тихо, а лучше про себя, потому что малейший звук тут же подхватывает многоголосое эхо, начинает перекидываться им, визжать и хохотать.

Едва мы ступили на сырую глинистую почву, как из темноты на нас напал Дессикант. Даже у меня, который многое повидал в своей жизни, перехватило дыхание от его вида. Морда жуткая. Представьте себе африканского слона с отрубленной головой. При этом живого и весьма дееспособного. Края страшной раны зарубцевались, обросли длинными складками кожи, но в середине до сих пор виднелись осколки костей, покрытые белесым гнойным налетом. Красавец выпрыгнул прямо в свет моего фонаря и принялся выплясывать джигу. Я выхватил мачете, но пока размахивался, он исчез из виду. Через несколько секунд огромная туша пронеслась за моей спиной. Просто пробежала рядом. Вернулась и остановилась в нескольких шагах, омерзительно чем–то хлюпая. Мой ручной прожектор опять нашел страшилище своим лучом. Дессикант немедленно смотался. Чтобы снова появиться, но уже с другой стороны. Я выругался, сорвал с плеч торбу и выдернул из нее свой прайдовский топорик. За все путешествие мне не приходилось им пользоваться, но эта мерзость меня совсем доконала. Я метнул оружие в темноту, прямо на чавканье и хлюпанье. Раздался звук, словно кто–то ударил палкой о металлический столб. Через секунду нам заложило уши утробным ревом, который стал очень быстро удаляться.

Я обернулся к группе. Эрика лежала на руках Беаты в полной отключке. Ушла в астрал без крика. Рядом суетился Лазарь, пытаясь прикрепить к девушке анализатор аптечки. Я отстранил

старика, быстро ввел нужный код, после чего инжектор щелкнул короткой дозой лекарства в плечо нашей красотке. Та немедленно ожила.

– Где он?! Кто это? Ой, какой ужас!

– Вообще–то, Дессиканты не опасны, – нравоучительно произнес Лазарь и поясняюще прибавил. – Слышал от кого–то… На них не нужно обращать внимания. Он появится, побегает вокруг, а потом просто будет сидеть в нескольких шагах и все.

– Что ты ей ввел? – подозрительно спросила меня Беата.

– Обычный транквилизатор. Код помню еще с армии, у новобранцев тоже бывают приступы паники. Ничего страшного. Будет небольшая слабость, но скоро пройдет. А что? У нее повышенная восприимчивость к фармакоагентам?

Беата не ответила мне, поскольку помогала Эрике встать.

– Как ты, малышка?

– Нормально. Только все кружится.

Эрика покачнулась и села на землю.

– Давайте сегодня никуда не пойдем, – предложил Лазать. – К этому миру нужно привыкнуть. Мы просто разожжем костер и будем греться у очага, а когда освоимся – тронемся в дорогу.

Моя строгая подружка вопросительно воззрилась на меня. Я кивнул и принялся распаковывать вещи. Лагерь мы обустроили за полчаса (долго копались по причине темноты), разожгли костер, поставили греться воду. После чего все собрались вокруг огня. Четыре маленьких человека в незнакомом, чуждом мире.

Беата поворошила палкой угли, хотя особой нужды в этом не было. Струйка алых искр потянулась вверх и растворилась в воздухе. В ее жесте было что–то импульсивное, даже инстинктивное, от предков. Наверное, миллион лет назад какая–нибудь древняя женщина так же выполняла эти движения, чтобы осветить свою пещеру или отогнать от жилища злых духов. Такой душевный расклад поневоле настроил меня на философский лад:

– Гляжу на эту возню с Лавакроном и не могу отделаться от чувства, будто рядом работает непонятная мне, но совершенно конкретная мысль. Зачем они создали это семиэтажное шапито? Неужели только для того, чтобы пугать взрослых мальчиков и девочек? Такие средства, такие усилия! Кто–то плохо себя ведет? Так существуют же полицейские силы! Закон, в конце концов. А тут… Нет, тут что–то другое…

Лазарь ощерился улыбкой старого аллигатора:

– Если ли тут мысль? Есть и еще какая! Скажу больше, она абсолютно верная. Нет, не правильная, а верная, потому что правильными назвать их идеи не повернется мой язык.

– Ну–ка, ну–ка, старик. Разгрызи–ка для меня этот мосол.

Лазарь важно выпятил подбородок:

– Начинать придется с истоков…

– Ты начни, а дальше посмотрим.

– Хорошо, Велчер. Представь, что ты находишься в центре одного из наших мегаполисов. Что видишь вокруг?

Я поскреб пальцами загривок:

– Вокруг? Здания, дороги, людей. Цивилизацию, словом.

– О! – старик значительно поднял указательный палец с черным от грязи ногтем. – Цивилизацию. А теперь попробуй описать это слово, как процесс. Не в виде определения, а как действие.

– Хм. Ну, это создание городов, технический прогресс, научные открытия…

Глаза Беаты блеснули в пламени костра:

– Хрена с два! – бросила она и выдала такое затейливое ругательство, что я восхищенно почмокал губами. – Процесс оцивилизовывания человека не имеет ничего общего с наукой. Он больше похож на ванну с мазутом, в которой пытаются отмыть больного хроническим поносом.

– Именно, – с готовностью подтвердил Лазарь. – Немного притянуто за уши…

– Хватит умничать, вы, двое! Объясните нормально! – я уже собирался разозлиться, но тут кутавшаяся в одеяло Эрика завозилась сбоку, встала на колени и подползла к костру.

Девушка вытянула свои озябшие ноги к углям, а сама доверчиво ткнулась головой мне в плечо. Я невольно расслабил мышцы и принял позу, чтобы ей было удобнее дремать. Беата, которая наблюдала за своей подружкой с видом строгой воспитательницы, кинула на меня благодарный взгляд. Я сделал Лазарю приглашающий жест: «толкуй, мол, дальше».

– Здание любой цивилизации из чего–то состоит. Даже строительство огромных пирамид начинали с одного единственного обтесанного камня. Что в нашем случае является кирпичом?

– Э–э–э…

– Человек, – почти ласково подсказала мне Беата.

– Человек, – подхватил я.

– Ага. Кто есть человек?

– Ну, это просто! Биологический вид. Теплокровное животное.

– Животное? – быстро переспросил Лазарь. – А кто или что управляет животным?

– Инстинкты, – гордясь, ответил я.

– Та–а–ак. – щурясь от удовольствия, протянул старикан. – А

человеком?

– Мозг. Тьфу, ум, то есть.

– А инстинкты?

– Тоже, но на то мы и люди, чтобы слушать голос разума…

– Если бы, – скептически хмыкнула Беата. – Как были зверьми, так и остались.

Во тьме раздалось знакомое топанье. Дессикант прибыл. Тварюшка нарезала в темноте пару кругов, потом, как и предсказывал старик, устроилась неподалеку от костра, фыркая и всячески обращая на себя внимание. Я потянулся за топориком, который подобрал после предыдущего броска.

– Не надо, – попросила Эрика. – Не обижай его. Он же ничего плохого не делает.

Я положил топор на согнутые колени. На всякий случай.

Лазарь, не отвечая на мою последнюю реплику, подвел вывод:

– Итак, мы пришли к тому, что человек – биологический вид, с присущей ему инстинктивной базой, но обладающий рассудочным мышлением. Верно? Отлично. Тем более что так, в общем–то, и считают все ученые Земли. Про инстинкты мы тоже забывать не будем. На всякий случай давай их перечислим…

– Дыхание…, – предложил я, невольно прислушиваясь к чавкающим звукам из темноты.

– Оставь в покое безусловные рефлексы.

– Ммм… Обоняние…

– Велчер, просил же!

– Размножение! – радостно воскликнул я.

– Принимается.

Беата улыбнулась особой «женской» улыбкой, от которой у меня по шкуре пробежали мурашки, и даже Эрика хихикнула на плече.

– Охота.

– Ага, пищевой инстинкт.

– Выживания, – дальше дело у меня пошло легче.

– Засчитано, назовем его инстинктом самосохранения.

– Что же еще… Агрессия! Нет, не то… Стадный инстинкт! Вот! Много раз про него слышал. Мы – животные стадные.

– Замечательно. Насчет стадного инстинкта все не так однозначно, но он нам пригодится. Агрессия, между прочим, тоже принимается. Ее еще называют лидерским инстинктом. Это желание занять в племени максимально высокую должность. Остался, пожалуй, еще один… Помогайте Велчеру!

Через минуту напряженного размышления Лазарь сжалился над нами:

– Родительский инстинкт. Он в современном обществе

заглушен, неудивительно, что вы о нем не вспомнили. Кровные узы и родственные связи, мягко говоря, государством не поощряются. Еще бы – оно, государство, само претендует на то, чтобы стать для всех заменой семьи. Ну да ладно, не будем на этом останавливаться, вернемся к нашему человеку. Он слез с пальмы, научился управляться с камнем и палкой, начал объединяться в общины, племена. Вот представьте, что мы четверо – маленькое племя. Прежде всего, нам нужно выбрать себе вождя. Им, без сомнения, станет Велчер.

– Спасибо, – с чувством поблагодарил я.

Эрика прыснула со смеху.

– Не стоит благодарностей, – невозмутимо ответил Лазарь. – Ты – самый сильный из нас, а стало быть, лучше всех способен защитить племя от врагов и добыть больше всех еды. Ум тоже был важен, но на тот момент сила всегда брала над ним верх. Ни один силач не потерпел бы ситуацию, когда над ним командовал бы какой–нибудь хлюпик, а рядом без дела валялся каменный топор. Велчеру достаются лучшие куски и обе самки нашего племени твои.

– Слыхали? – начальственно прикрикнул я на девушек.

Беата показала мне язык, а Эрика, наоборот, обняла и по–кошачьи замурлыкала. Все рассмеялись. Лазарь хитро прищурил один глаз:

– Такая ситуация. Я добыл вкусные коренья, но Беата – молодая и сильная женщина, пришла и отобрала их, а вдобавок еще и накостыляла мне по спине первобытной палкой–копалкой. Твои действия, вождь?

– Отберу их у Беаты и съем сам. Нечего наглеть.

Девушка вытаращила глаза и сердито погрозила мне кулачком.

– Это понятно. А что со мной?

– Иди, ищи новые. Мне они пришлись по вкусу.

– Э–э–э, вождь Велчер, предвижу, что у тебя скоро не останется подданных. Подумай, зачем мне такое племя, если у меня отбирают еду и бьют? Я сбегу при первом удобном случае. В том и особенности должности вожака – следить за тем, чтобы подданные не лупцевали друг друга, не воровали, не грабили. Ты можешь все, на то ты и вождь. Но если в твоей общине будет подобное беззаконие, то она быстро развалится. Потеряется сам смысл нахождения вместе.

– Беата, ты будешь наказана. Верни коренья Лазарю.

– Не могу. Ты их уже сожрал.

– Вот черт, верно. Я и забыл.

Старик откашлялся, собираясь произнести нечто важное:

– На самом деле, именно инстинкты заставили Беату отобрать у меня еду. Конкретно, пищевой и лидерский. Почему она должна голодать, когда можно отобрать пищу у более слабого? Но тут появляется проблема – если все будут драться, то кто станет охотиться? Если слабые постоянно будут получать тумаки, то у них исчезнет все желание добывать пищу для племени.

– Решено, – я хлопнул ладонью по колену. – С этого момента только я имею право наказывать и распределять рационы. А если кто покусится на мою должность, то я сыграю каменным топором на его ребрах, как на ксилофоне!

– Браво, Велчер! Ты – отличный материал для вожака. И с тех пор у нас установилось процветание. К нам со всех сторон стали стекаться желающие получить защиту и кров. Забот у тебя прибавилось, вождь.

Я подумал, что именно такая штуковина произошла в Велчероне. Вот дьявольщина! Я всегда подозревал, что мы недалеко ушли от первобытного человека, а сегодня получил этому научное обоснование! Стоило отобрать у людей уютные квартиры и кухонные машины, как они в момент скатились в палеолит. А Лазарь продолжал расплетать узел древних отношений:

– И вот нас уже несколько десятков человек. К поводам для стычек прибавился еще один – распределение самок.

– Фу! – фыркнула Эрика. – Как грубо!

– Милая девушка, данная проблема одна из самых важных. Посмотрите, что творят олени в период гона. Кровь и трупы! Лев в прайде живет превосходно до первых признаков старости. Потом его смещают. Очень часто с ранениями, которые затем могут быть впечатаны в некролог. Бедняге Велчеру придется отрастить дополнительные пары ушей и глаз, чтобы успевать отмахиваться от претендентов. Борьба за еду, самок, власть. Справиться с одним буяном – никаких проблем. Обуздать пару десятков потенциальных воров и убийц – трудная задача. Да еще постоянно пресекать поползновения новоявленных лидеров. Кошмар! Велчер, что будем делать?

Я задумался.

– Картинка получается скверная. Не люблю отступать, но тут… А не свалить ли мне подобру–поздорову с парочкой проверенных подружек? Выжить в такой мясорубке будет сложновато.

– Вот! Очень сложно! Абсолютно правильно! И поэтому, Велчер, тебе нужен защитник!

– Завести ручного мамонта?

– Достаточно креативно, но есть выход проще. Нужно придумать высшее существо, которое постоянно бдит и не дает спуску нарушителям законов племени! Еще лучше – сделать тебя его ставленником или сыном, но до этого еще нужно додуматься. И не обойтись без посторонней помощи. Поэтому появляется он.

– Кто? Бог? – удивился я.

– Нет. Шаман. В племени вводится новая штатная единица – шаман. А для чего?

– Ну–у–у… чтобы общаться с духами, предсказывать погоду…

– Хи–хи! – Лазарь засмеялся, прикрывая рот ладонью. – Вспомни, для чего вообще мы выдумали высшее существо?

– Защищать вождя. Меня, то есть.

– В частности. А в общем, чтобы нейтрализовать инстинкты, которые толкали твоих соплеменников на ссоры и поножовщину. Именно они заставляли людей конфликтовать. Пища, женщины, привилегии. Пищевой, сексуальный, лидерский инстинкты. Человеческое общество нестабильно по своей сути. Его удерживает от распада лишь один единственный фактор. И имя ему – религия. Важность ее невозможно преуменьшить. Она призвана, чтобы ввести новую правящую единицу – Бога, который бдит, когда вождь отдыхает, который сурово накажет любого, кто попробует вести себя не по правилам племени. В истории нашей планеты не существовало культур без основательной религии. Высшие создания незаменимы для того, чтобы подавлять животные инстинкты рядовых граждан. И ни для чего иного. Они дали людям законы, нормы поведения, надежду на вечное существование. Прописали эти заповеди в священных книгах, сначала устных, потом письменных. За каждым шагом истории человечества незримой тенью следовала религия. Мы не способны находиться в едином социуме без нее. Адепты религий – первые психологи на Земле, они врачуют души, направляют их на путь истинный. Какой этот путь? Хе–хе. Путь, где человек не убивает, не ворует. Путь разума, путь законов и обычаев. Но не путь, на который человека толкает его животное начало.

– То есть…, – начал я и умолк.

Беата кивнула с улыбкой, Лазарь беспомощно развел руками: «А я, мол, тут при чем?»

– Что вы тут мне втираете? Во все века существовали атеисты!

– Очень низкий процент.

– А эпоха коммунизма?

– Большинство народа все равно не переставало верить. В остальном государственная машина изо всех сил старалась подменить Высшее существо жесткими тоталитарными методами

и утопическими прогнозами про построение идеального мира. Но как же тяжело ей при этом было! Еще бы, очередная система управления массами отвергла своего самого верного и лучшего помощника. И, как доказательство моих слов, при первом же удобном случае состоялся возврат к правильному построению социума.

Я аккуратно перераспределил свои суставы, так, чтобы правое плечо перестало затекать. Эрика чуть отстранилась, потом опять прильнула к моему боку. Лазарь умолк, Беата тоже не произнесла ни слова.

– Ладно, старик, считай, что ты растолковал мне все про божественность. А дьявол? Злой дух? Кто у нас дьявол?

– Он толкает людей на то, чтобы они не боролись со своей животной сутью. Не важно, как это обставлено. Грех. Он притягателен. А почему? Ес–тест–вен–ность. Путь греха – путь следования инстинктам. Поэтому состоялось приравнивание: инстинкт равно грех, равно зло. Все просто.

– Значит, все наши законы, нормы морали…

– Придуманы обществом, как противовес животному поведению. И Бог на страже выполнения этих заповедей.

– Ясно. Соблазны, пороки и прочее запретное веселье. Ну, а с Лавакроном–то что? Почему наше правительство замесило это тесто?

– С течением времени с религией начали накапливаться неприятности. Конкретно, их было три. Первая – все божественные книги писались для тогдашнего времени, с развитием технического прогресса многие части из них утратили свою актуальность и злободневность. Жрецы старательно избегали скользких мест, применяли все свое умение, чтобы вывернуть фразы в нужное и современное русло, но все равно, в целом картина получалась не очень привлекательная. Утомишься перечислять все казусы, что неудивительно – они писались, как инструмент для совершенно конкретной эпохи. Вот скажите, Велчер, почему величайшие мессии древности потратили столько своих сил на просветление тогдашнего темного населения и кинули все, как есть, на несколько тысячелетий? Почему бы им не появиться вновь – ситуация заслуживает их внимания более, чем когда–либо? Они что, бросили нас? Отговорки, что свод законов оставлен, и теперь все идет, как идет – не слишком убедительны. Или их появление, типа одноразового лотерейного билета? Попытка одна, и другой не будет? А почему? Проверка веры? Зачем что–то проверять, когда можно исправить? Нельзя? А почему раньше было можно? Таких вопросов масса, и беда в том, что официальные ответы могут удовлетворить лишь самый

доверчивый и неразвитый ум. Остается слабая надежда на убедительность Армагеддона, как последней окончательной угрозы для человека. И откровенный шантаж бессмертием. Религия стала постепенно откатываться в нижние слои общества, она превратилась в удел и убежище для слабых. А верхи стали существовать, руководствуясь собственными представлениями о добре и зле. И это значит…

– Инстинкты…,– прошептал я.

– Именно. Нет, на виду они демонстрировали примерное соответствие канонам, но само поведение, решения, личная жизнь ставили на них клеймо измененности сознания. Низы послушно внимали нормам, верхи жили, как хотели. Когда в области верования общество начинает делиться на патрициев и плебс – это страшно. Но данная беда – не единственная, которая приключилась с религиями мира. Вторая проблема – многоконфессиональность. Фактор выживания племени превратился в причину, которая начала раздирать общество Земли на сектора. Различные подходы и формы поклонения стали яблоком раздора. Требовалось решить и этот вопрос тоже.

– А третья неприятность?

– Еще не догадался? Все просто, когда устаревает прежняя религия, цивилизация гибнет. Ее сметает новое высшее существо на остриях мечей его почитателей.

Беата оживилась:

– Погодите, Лазарь! В истории случались прецеденты, когда государства в полном составе переходили под новые знамена…

– Что говорит о немалой предусмотрительности их лидеров, не правда ли? Беда в том, что непонятно, откуда последует удар. И наше нынешнее правительство решительно не желает пускать дело на самотек в таком принципиальном вопросе. Нужна новая, тщательно продуманная идеологическая надстройка, которая объединит всех. Ответит на накопившиеся вопросы. А также обеспечит столь актуальное в нынешнем молниеносном цифровом мире оперативное наказание грешников. Ее ваяют сразу в срощенном с государственной системой виде, что абсолютно правильно – во все времена религии обслуживали именно интересы правящего строя. Причем, наши представители власти – люди очень умные, и они изначально запихнули всю чиновничью верхушку в ту же кухонную машину. Теперь грядущим поколениям законников будет неповадно считать себя избранниками богов, они так же подконтрольны управляющему процессору, как и низшие классы. Молодцы, а? Осталось поднастроить режимы и нажать на окончательную кнопку «Пуск». Все закрутится само собой. Какие–то потайные ходы они себе

оставили, не иначе, но в целом – замысел честный.

– Стойте! – воскликнул я. – Лавакрон возводили строители, работала техника. Это – полностью искусственное творение. При чем тут Бог?

Беата хмыкнула и посмотрела на Лазаря:

– Ну, разве он не прелесть?

Историк ответил с грустной улыбкой:

– Что ты знаешь о времени пророков и мессий? И откуда? Из книг? Вот–вот. Нужно, чтобы миновало одно поколение, и все встанет на свои места. Спросите через полсотни лет у молодежи насчет Лавакрона! Вам ответят, что он существовал всегда. Подземный ад войдет в жизнь Земли органично, уравновесит все конфликты. А Раем станет само общество. Идея верная. Неправильная, но верная. Потому что изначальный обман никогда не может быть оправданием высших целей. Хотя именно так и было во все времена.

За разговором я совсем отвлекся от Дессиканта. Тот по–прежнему урчал на своем месте. Мы сидели молча, просто так, растворяясь взглядами в пламени костра, пока нас не сморил сон. И даже уханье монстра никому не помешало.

Утром или тем временем, что заменило нам утро, я решил проверить наши запасы воды и подвел неутешительный итог – вода заканчивалась. Ее даже не хватало на то, чтобы смочить лица после сна. Нужно было срочно искать источник. Вооружившись топориком и с фонарем в руке, я начал медленно описывать круги вокруг лагеря по примеру Дессиканта. Тот отреагировал на мое приближение тем, что с воем немедленно умчался вдаль. Оказалось, что он сидел прямо на маленьком родничке, и если это было не случайно, то у зверушки обнаружилось новое и полезное свойство водоуказчика. Я окликнул Лазаря, и мы вместе наполнили фляги. Когда мы вернулись на бивуак, Беата сидела рядом с Эрикой, гладила девушку по голове и шептала на ухо, видимо, что–то успокаивающее. Внезапно блондинка порывисто вскочила и бросилась от костра.

– Стой! Эрика! Это может быть опасно! – крикнул я.

– Я сейчас… Мне нужно…, – ответила она, но потом ее голос перешел в бульканье.

Нашей блондинке стало плохо. Мы с Лазарем встревоженно переглянулись.

– Нервы? Еда была у всех одинаковая, – спросил я Беату.

Та скривилась, очевидно, досадуя на мою тупость.

– Токсикоз, – отрезала брюнетка.

– О–о–ох! – я в изумлении закрыл рот ладонью. – Это ведь

случается у женщин, когда… Творец Всемогущий! Мы же только что покинули Стимоний!

– И что?

– Так вроде же времени прошло совсем ничего…

– Тоже мне – знаток женской физиологии!

Я хмыкнул:

– Стало быть, через девять месяцев дружище Си–Так станет папашей?

Беата ничего не сказала, но метнула на меня такой взгляд, словно хотела влепить мне пощечину.

– А–а –а ты сама… ммм… как? – задал я очень своевременный и умный вопрос.

– Нормально, – отрезала девушка, порывисто встала и пошла за Эрикой.

– Давай паковать снаряжения, Велчер, – осторожно сказал Лазарь. – Пора нам трогаться с места. Саламандрины говорили, что Сарварий велик.

Наша экспедиция двигалась в колонну по два. Впереди ступали мы со стариком и освещали фонарями путь. Этот уровень оказался настоящим вельдом по части всякой живности. Кого только не выхватывали из мрака наши лучи. Уже знакомых и почти родных нам Дессикантов, персекуторов – собратьев Лунного зайца, а также неведомых чудищ всевозможных расцветок и форм, от просто отталкивающих до крайней степени отвратительных. Но первоначальный испуг быстро прошел даже у Эрики. Теперь–то мы знали, что жуткие монстры не агрессивны, а Дессиканты, так и вовсе являются кем–то, вроде водомерок, только более крупных.

Чтобы как–то убить время и отвлечься на нудном пути по абсолютно пустой и гладкой равнине, я вновь извлек из вчера наш разговор про инстинкты.

– Лазарь, на чем стоит общество и зачем нам Лавакрон, я вроде бы усвоил.

– А понял ли ты самое важное?

– Э–э–э… прости…

– Самое главное заключается в методике воздействия власти на народ. Вожди всегда обращаются к гласу разума, но работать предпочитают с инстинктами. Так надежнее. А как я уже говорил раньше, в ситуации, когда включается инстинкт, рассудочное мышление подавляется начисто. Есть три вида массовой обработки сознания – государственный, религиозный и маркетинговый. И все они давят на педали инстинктов. Очень просто. Список инстинктов мы с тобой уже назвали.

– Ладно, я согласен. Так что же будет с нами? С Лавакроном?

С людьми внутри него и вовне?

– Мир замер. Почему? А сам как считаешь? Не догадался? Зерна посеяны, их всходы вскоре пробьются сквозь толщу скальных пород Лавакрона и проникнут во все уголки Земли. Но этого недостаточно. Мир притих в ожидании того, кто возделает эти чистые и свежие ростки. Все еще не понимаешь? Земля ждет своего нового мессию. И он грядет. Это неизбежно, как закон мироздания. Кто им станет, пока неизвестно. Но скоро он появится, и прежние пьедесталы вздрогнут. Он низвергнет с них старых и ненужных теперь идолов, чтобы высоко поднять над головой факел новой веры. Массовой веры планеты Земля. Общепланетный «Кодекс» на первом этапе скопмилировал все конфессии, а дальше из пепла Лавакрона восстанет здание нового культа. И он, единый, поведет дальше нашу цивилизацию.

– Значит, в преисподнюю поместили пророков новой веры. И один из них вскоре станет мессией. Занятно. А кому чиновники оказывают протекцию? Элки? Или Яри? Кого вы пометили пятнышком и аккуратно опустили в толпу?

– Нет, Велчер. Роль элков, яри и иже с ними сугубо утилитарна. Они – всего лишь массовка и только предвосхищают появление представителя высшего существа. Взрыхляют почву, готовят население. Я, правда, не знаю, кто будет мессией. Время покажет… Все в мире развивается строго по законам. Сначала, как и предсказывали классики политэкономии, произошло слияние государства и капитала. Но это случилось позже, чем превращение бюрократического аппарата в машину эксплуатации, – уточнил Лазарь.

– Ну, это само собой, – покладисто согласился я, не особенно понимая его речи.

– Ты же помнишь, что племена создавались, как общность людей для совместного добывания ресурсов и защиты. Так было задумано, но потом религия обожествила государственную машину, отчего та воспользовалась случаем и мгновенно дегенерировала, – настаивал старик.

– Ни на секунду не упускал этого из виду, – подтвердил я.

– Именно подобным образом получается империализм. Маркс и Энгельс ввели понятие «практики», пытались проповедовать атеизм, но им не достало прозорливости заглянуть дальше всего лишь на одну ступень. Именно на нее сейчас взобралась человеческая раса. И эта ступень – не просто слияние машины культа с аппаратом власти, а полномасштабное внедрение собственной государственной религии. Вот он – высший империализм, венец развития нашей цивилизации.

– А что дальше?

– Дальше все элементарно. Дальше – крышка!

– Как это?

– Очень просто. Надеюсь, что я не стану свидетелем этого момента по причине преклонного возраста.

Милая болтовня двух людей, один из которых вразумляет и параллельно обманывает другого. Девушки брели следом, беседуя о чем–то своем. Наше путешествие длилось уже несколько часов. Дважды мы вставали на привал, тогда наши шаги смолкали, а Сарварий с новой силой закручивал свою вакханалию. Его спиральный лабиринт вел нас к своему центру. Поскольку мы регулярно сбивались на зигзаг, то с раздражающей периодичностью тыкались в мрачные громады боковых стен. Иногда сверху на них с комфортом восседала местная живность. Она светилась в темноте мерзейшими фосфорными рылами и комментировала наши маневры всякими неприличными звуками. Но мы уже перестали бояться ночных страшилок. Даже впечатлительная Эрика теперь сопровождала появление очередного безумного чудища репликами вроде:

– О, глядите! Еще один кошмарик побежал.

Создателя сего парка карикатурного ужаса можно было от души поблагодарить за абсолютно гладкий рельеф почвы. После первого получаса неуверенных шагов, теперь мы ступали твердо, почти не смотря под ноги.

Наше путешествие уже длилось бесконечность или чуть более того, когда впереди забрезжил слабый просвет. Стали видны стены тоннеля, который расширялся и расширялся, пока не выплеснулся на большую площадь, наподобие древнего амфитеатра. Лабиринт стиснул его своими вертикальными сводами, из которых на арену лился бледный голубой свет. Эта конструкция и впрямь походила на архаичный цирк, украшенный веерными проемами и барельефами в виде мифических животных. По контуру сооружения проходила балюстрада с широкими ступеньками вниз, и ее абонировала под зрительские места вся сарварийская нечисть. Дессиканты, персекуторы и прочие твари устроились на них, словно ожившие восточные нэцкэ. Зверушки ворчали и караулили тех, кто был внизу. А внизу, на открытой площадке диаметром не меньше тысячи футов, горели костры, и возле них толпилась немалая народная масса. Человек в пятьсот или около того. Люди жались к огню или бесцельно бродили по площади. Тут мелькали и серые прайдовские рубища, и пестрые наряды свободного Стимония, много было и незнакомых мне одежд.

Когда мы, раздвигая плечами полумеханическую животину, спустились по ступеням цирка, все взгляды обратились на нашу

группу. И девушки, и Лазарь невольно стали жаться к моей спине – настолько неуверенно все себя почувствовали.

Навстречу нам выступил невысокий мужчина в добротном, но слегка потрепанном комбинезоне рабочего.

– Салют, – голосом, лишенным всяких эмоций, он поприветствовал наше появление и застыл, ожидая ответа.

– Салют, – в тон ему ответил я, не зная толком, что говорить дальше.

– Припасы есть? – спросил незнакомец.

– Немного есть. Но на всех недостаточно.

– На всех и не надо. Главное, чтобы вам самим хватило. Следующая кормежка будет только завтра. Воду привозят вместе с едой, но если есть желание прогуляться – неподалеку течет родник.

– Мы видели, когда проходили мимо.

– Угу. Вы – новенькие, так что место ваше будет ближе к Эпрону, – он указал рукой в центр площади. – Там сквозняки и дует, но другие не захотят тесниться, пока не узнают вас получше.

– Понятно.

Пока он выяснял для себя статус новоприбывших, нашу компанию взяла в кольцо плотная толпа людей. Их лица не выражали агрессию или неприязнь. Скорее, безразличие. Но эта колыхающаяся масса все равно слегка действовала на нервы. Я спиной чувствовал, как истерика начинает подкатывать к разумам моих спутников, поэтому старался говорить громким и уверенным голосом

– Собственно, мы здесь проездом. Нам как раз в Эпрон и нужно. Так что, мы вас не стесним.

Народ шарахнулся в стороны, словно я только что сообщил им о своей заразной болезни. Даже с лица местного заправилы на секунду спала маска философского спокойствия:

– В Эпрон? Вам нечего делать в Эпроне, поверьте.

– Они идут вниз… Они предназначены Эпрону… Эпрон… Эпрон…, – прошелестели по толпе испуганные возгласы.

Я решил сыграть на волне всеобщего страха:

– Таково назначение. Мы не можем ослушаться.

– Дайте дорогу падшим! – зычно скомандовал наш безымянный собеседник.

Впереди тут же образовалась просека, будто по снежной целине проехал снегоуборочный грейдер. Я медленно пошел вперед, девчонки и Лазарь не отставали ни на шаг, местный глава следовал рядом.

– А–а– а, за что вас всех сюда? – робко спросила Эрика.

– По–разному. Вообще–то, у нас не принято этим интересоваться. У каждого человека найдется собственный список грехов.

Невинный вопрос нашей нежной блондинки словно сорвал незримый замок, открыл шлюзы, бурлившие под напором давно сдерживаемых чувств.

– Меня сослали из Инфиделити за разврат, – сообщил кто–то сбоку. – Да какой это разврат? Почему…

Но ему не дал договорить низенький мужичонка с горящим взглядом. Он выскочил из толпы и ударил себя в костлявую грудь:

– Пьянство! Ну, какой я пьяница? Зачем они тогда распространяют алкоголь, раз потом берутся судить это, как порок? Где справедливость?!

– Гордыня! – заорал истеричный голос за моей спиной. – Что такое гордыня?! Почему нас не приучали с детства?! Нечестно ставить гордыню наравне с преступлениями!

Люди начали выкрикивать бессвязные фразы, они жаловались нам, словно мы были присланы, чтобы решить все их проблемы. Толпа заколыхалась, ее живые стенки начали сжиматься на нашей группе. Я увидел, что Эрика стоит, зажмурив глаза и закрыв ладонями уши, быстро схватил ее в охапку и толкнул в направлении центра арены:

– Быстро!!! Лазарь, ходу! Беата, не отставать!

Грешники настойчиво хватали меня за рукава плаща, они пригибались, чтобы заглянуть мне в лицо. Надежда, мука, отчаяние – все было написано на их ликах. Я отступал спиной вперед, подняв руки.

– Остановитесь!!! Не усугубляйте наше положение!!! Это могут засчитать, как бунт!!!

Теперь я понял, почему его выбрали главарем. Голос у человека был такой, что он смог перекрыть большинство воплей своим криком. В нем была энергия водяного потока, что сбивает пламя пожара. На площади воцарилась тишина. Толпа медленно расходилась по своим кострам.

– Не все способны это выдержать, – глухо произнес незнакомец. – Поэтому случаются срывы.

– Долго вы тут находитесь? – я почти шептал, боялся, что меня услышат.

– Иногда кажется, что всю жизнь, – усмехнулся он, и от этой усмешки мороз пробрал меня до костей. – Но потом появляются саламандрины и уводят тех, кто исправился. Они могли бы делать это чаще. Здесь одного дня хватит, чтобы потом не забыть его до конца своих дней.

– А как попадают в Эпрон?

– Там в центре есть проход.

– Открытый?

– Конечно. Зачем его запирать?

– Значит, и обратно можно выйти?

Человек с изумлением покрутил головой:

– Рад видеть такой оптимизм.

И видя, что я, нахмурившись, ожидаю пояснений, прибавил:

– Во всяком случае, вы будете первыми, кто оттуда выбрался.

– Погодите. В Сарварии мне говорили, что в Эпрон помещают безнадежных.

– Пока таких не было. И это справедливо. Нельзя лишать человека надежды. Саламандрины оставляют людей на границе Эпрона, но даже под страхом ослушания вниз никто не идет, а охрана никого не принуждает.

Методичка, которую я штудировал в Прайде, не обманула. Переход на седьмой уровень был похож на станцию подземки – поручни, ступени. Здесь гуляли сильные ветры, но воздух не был холодным.

– Желаю вам не задерживаться там дольше необходимого, – глухо сказал староста Сарварии, зябко поежился на сквозняке и пошагал обратно.

Я привычно занял свое место на острие группы. За моей спиной ожесточенно переругивались Беата и Лазарь.

– Это бесчеловечно! – почти кричала моя подружка.

– Беата, ты видишь издержки становления системы. Постепенно мы все отрегулируем.

– Постепенно?! Ах, постепенно?! Да я дня не смогу прожить спокойно, зная, что здесь мучаются люди! Ладно, Инфиделити, Прайд, Стимоний. Там трудно, но там жизнь. Мы сами попробовали ее на вкус и можем сказать, что это сложная, но пригодная для человека жизнь. А здесь не жизнь, здесь безнадежность! Вы просто сводите людей с ума!

– Беата, не сгущай краски! – теряя терпение, Лазарь повысил голос. – Во–первых, это решено не тобой, во–вторых, ты ничего не знаешь об их преступлениях. В–третьих, общество оставило себе возможность на изоляцию этих социопатов, но, как видишь, не отрекается от них совсем. Здесь свой зачет прегрешений, и они получают второй шанс. А если нужно, то и третий!

В горячности спора они совсем забыли о моем присутствии. Вроде как, я – предмет мебелировки, деревянный, тупой и ни о чем не догадывающийся. Не в моих интересах было их разубеждать. Я дождался, пока страсти улягутся и спросил:

– Наговорились? Теперь мы можем идти дальше?

Вот, что я скажу – нет на свете места, более ужасного, чем Эпрон. Ног своих не видишь, сплошной туман. И дышать тяжело. Словно молоко глотаешь с каждым вздохом. Легкие наполняются этой дрянью, а потом рождается паника – ты начинаешь бояться, что захлебнешься. Хочется бежать, вырваться из липких пут тумана, но бежать некуда.

Сначала переклинило, само собой, наш нежный цветочек – Эрику. Мы держали ее втроем и едва сумели успокоить. Потом у Беаты снесло крышу. Она принялась орать, как резаная, и сквернословить. Пришлось стиснуть зубы и отвесить красотке парочку звонких оплеух. Причем, у меня самого в том момент также наблюдалось устойчивое желание впасть в отчаяние. А как иначе? Мало того, что не осязаешь даже собственного тела, так еще тысячекратное эхо с готовностью вторит каждому звуку. В результате, среди этой йогуртной атмосферы слышится и чудится черт знает что. Ты дергаешься на всякий непонятный шум, к тебе постоянно кто–то подкрадывается, а где–то через полчаса ты начинаешь среди хаоса отражений различать тоскливую мелодию, от которой кровь стынет в жилах. В этот момент приходит понимание, что разум очень близок к помешательству. Хочется броситься на грунт, зажать уши ладонями и кричать изо всех сил, чтобы заглушить ужасную музыку. Устроители Эпрона, конечно, люди с фантазией. Любой, помещенный сюда человек, через месяц с гарантией превратится в овощ. Хотя, нет – он сдохнет гораздо раньше от жажды, потому что сойдет с ума и забудет, что нужно пить в принципе. Вот бы засадить сюда Архитектора Лавакрона, эту тварь, этого бездушного садиста! И понаблюдать, как он лишается рассудка!

Мы снова брели в непонятном направлении. Мышцы ныли тупой усталостью. Привалы не приносили облегчения, потому что все уже были на пределе моральных сил. И к тому же мы абсолютно потеряли все ориентиры. Заблудились. Как там было сказано в путеводителе? «Определите направление местности, в котором она идет «под уклон». И строго его придерживайтесь. Примерно через час вы доберетесь до нужной точки». Какой уклон, жабья печень! Тут человеку непонятно, куда он ставит ногу!

Пожалуй, из нас только Лазарь каким–то чудом остался спокойным. Он бодренько сел на карачки и в таком виде отполз на пять шагов. Подал голос, чем слегка всех развеселил. Потом повторил свой маневр в разные стороны от нашей растерянной

троицы и таким образом сумел определить вектор дальнейшего пути. Я сделал вид, что занят состоянием девчонок, так что старикан полностью принял на себя бразды управления экспедицией.

Мы продвигались очень медленно. Лазарь топал впереди и даже попробовал затянуть шутливые куплеты, но я велел ему заткнуться. Постепенно туман становился более зыбким. Стала видна земля, наши ботинки ей же перепачканные. Мы явно приближались к чему–то.

– Творец всемогущий! Долго еще? – простонала Эрика.

– Потерпи, моя девочка. Скоро уже конец.

Еще через десяток минут атмосфера впереди немного прояснилась. Туман словно вычерпали ложкой. Образовался свободный проем, дорога. Уклон сначала превратился в ровную горизонтальную поверхность, а потом местность понемногу стала возвышаться. Пелена расступилась еще больше. Теперь обзора хватало на полсотни шагов.

Внезапно Беата остановилась.

– Все, Велчер. Дальше мы сами, – она подошла и нежно чмокнула меня в щеку. – Спасибо тебе. Попрощайся с остальными, потом мы немного поговорим наедине.

– Конечно, – подтвердил я.

Только беседа у нас пойдет совсем не о чувствах, моя куколка.

Из глаз Эрики брызнули слезинки, когда она прильнула к моей груди. Щека у меня сразу стала мокрой. Лазарь медленно и торжественно положил свои руки на мои плечи и заглянул в глаза, словно мудрый наставник:

– Я надеюсь, что ты многое понял, Велчер. Это знание в тебе… ему будет нужен выход. Справишься с ролью пророка, Велчер? У нас еще полно вакансий!

– Пророка? Благодарю покорно. Куда мне тягаться с Элки.

– Напрасно, мой друг, ты так враждебен. В тебе сейчас говорит бунтарь. Как вам удается вместе ужиться, а? Замысел власти, как бы он не выглядел – благо для нашей цивилизации.

– Да понял я все про насквозь гнилую систему. И про то, что так было с начала времен. Хватит об этом. Знаете, что я скажу напоследок? Хрен вам всем, – проникновенно заявил я. – Ребята, так дело не пойдет. Меня настолько долго держали за болвана, что мне захотелось всерьез обидеться. Да–да, Беата, не строй удивленные глазки. Про наши душевные дела мы, конечно, потолкуем, но после. А пока, давайте, ведите меня на восьмой уровень или куда вы там стремитесь!

Их сейчас стоило запечатлеть для детского учебника. Я так и

представил картинку, которую воспитательница показывает малышам со словами:

– Дети, никогда не стойте с таким глупым видом.

Наконец Беата вздохнула:

– Ах, Велчер…

– К черту Велчера! Мое имя – Константин Слик, и я желаю знать, что скрыто под дном Лавакрона. Думаете, что я до сих пор не понял, что, по крайней мере, двое из вас – ученые и причастны ко всему этому безумию? Вы считаете, что я не понял ваши пикировки и полунамеки? Для вас военные – это люди без мозгов, да? Один – не то философ, не то историк, вторая имеет отношение к биохимии. А Эрика – просто чья–то дочка, попавшая в плохую компанию по вине своего ненормального папаши. Ради чего стоило тащить свои задницы через все семь кругов, где опасности были на каждом шагу? Это – не увеселительная прогулка.

– Этолог, – спокойно сказал Лазарь.

– Чего?

– Не историк или философ. Этолог.

– С коммуникатором в кармане. Ага, я с самого стимонийского водопада догадался, что ты старик с двойным дном. Пророки эти еще, чтоб их! Возможно, что вы компания законная, я не спорю. Но вот никак не возьму в толк, из–за чего нам всем устроили это приключение? Неужели только из–за пресловутого Кодекса? Я уж и покровителя вашего спрашивал, но он только хвостом вильнул вместо ответа…

– Покровителя? – недоуменно нахмурилась Беата.

Лазарь сделал ей жест – потом, мол, все объясню.

– Велчер, с законностью не все просто.

– Догадался и насчет законности! У вас ничего не просто, если речь идет о том, чтобы ближнего обвести вокруг пальца!

Слово вдруг взяла наша белокурая куколка.

– По–моему, Велчер заслуживает ответов на вопросы. С первого момента нашего знакомства в Прайде, он только и делал, что рисковал ради нас своей жизнью.

– А когда не мог рисковать, то договаривался! Ты же мастер договариваться, Велчер? – насмешливо возразила Беата. – Как и сейчас!

Эрика упрямо тряхнула волосами:

– Я ни о чем не жалею! Ни о чем! И ты, Беата, как ты можешь? Сама же признавалась мне, что Велчер тебе очень нравится, и если бы была возможность…

– Эри, заткнись! – несмотря на яростную вспышку, я впервые увидел свою брюнетку настолько растерянной и даже

беззащитной. Она опустила голову:

– Пока не получается… Ради его же блага…

– К черту! – взметнулся Лазарь. – Чем мы рискуем? Отошлют обратно? Меня?! Того, кто все это придумал?!

Теперь уже я опешил, да так, что едва не раскрыл рот. Лазарь?! Не может быть! Этот старикан?!

– Ты – Архитектор, – прошептал я, не веря своим словам.

– Точнее будет, Проектировщик. У Лавакрона другой Архитектор, и он носит свой титул по праву. Это я должен гордиться, что могу назвать его своим учеником. Он поистине великий человек.

Пауза осознания повисла между нами. Во время нее Эрика решительно встала рядом со мной и стиснула ладошкой мою жесткую кисть. Это был ультиматум. Беата вздохнула:

– Ладно, идем. Только смотри! Как бы любопытство не сгубило кошку.

– Я могу взять ответственность на себя, – предложил Лазарь.

– Ах, перестаньте! Отвечать придется вместе. Прости, Велчер, если можешь. Ты мне не поверишь, но будь я одна…

– Ни слова больше, – мягко сказал я.

Мне уже удалось хорошенько узнать ее темперамент. Эту тигрицу нельзя заставлять. Еще секунда, и с ее губ могли сорваться слова, за которые она сначала бы возненавидела себя, а потом меня.

На следующих пятидесяти шагах туман словно ожил. Он перестал ластиться к нашим ботинкам, он начал пытаться их сгрызть. Белые протуберанцы неожиданно выстреливали вверх, их струи обдавали наши лица влажным горячим паром. Вихри закручивали волосы девушек, трепали их в разные стороны. Еще через несколько футов в грудь нам ударили плотные воздушные потоки, которые буквально отбрасывали наши тела назад. Чтобы как–то продвинуться вперед, нам пришлось взяться за руки и пригнуться к самой земле. Очередной пушистый туманный зверь чуть не утащил с собой Лазаря – я едва успел прихватить старика за плечи, но при этом сам упал на колени. Рядом, как кегли, свалились Беата и Эрика. Они прилипли к поверхности Эпрона, вцепились в нее ногтями, их рты лихорадочно пытались хватать бурлящий воздух, щеки раздулись, словно бейсбольные мячи.

– Нам не пройти! – закричала мне Беата в самое ухо.

– На коленках поползем! Гуськом! Я – первый, вы – за мной! Встали!

За пять минут мы продвинулись на считанные метры, но потом напор ветра начал ослабевать. Ползти стало легче. Смерч напоследок немного потрепал нас по холкам и потом, урча,

убрался восвояси. Выдохшийся народ повалились на землю. Перед нами лежала вогнутая ложбина идеальной формы, словно грунт вдавили гигантской ложкой.

– Еще рывок! Не киснуть! – я буквально стал хватать спутников за вороты одежды и кидать вперед.

Мы преодолели последние футы на пути неизвестно к чему, после чего все окончательно упали без сил. Девчонки лежали на спинах, раскинув руки, а Лазарь сидел на пятой точке с малиновым от напряжения лицом. Я стоял перед ними, словно в поклоне, упираясь ладонями в колени, и тоже тяжело дышал.

– Интересно, что бы вы тут делали без меня? Весьма холодный прием, а, Лазарь?

– Что–то они переборщили, – прохрипел старик.

Словно реагируя на его слова, с потолка Эпрона ударил вниз яркий желтый луч. Мы на несколько секунд буквально ослепли, но уши одновременно фиксировали механический гул, а тело ощущало вибрацию почвы. Когда пейзаж вокруг вновь набрал цвета и контрастность, я увидел то, что и предполагал увидеть – центральная часть «ложки» вместе с грунтом уехала вниз, и перед нами обнажился черный прямоугольный проход. Оттуда выступила пятерка солдат в полной боевой снаряге: бронежилеты «Энивелоп», винтовки «Спайрон», тактические шлемы. Чем–то родным повеяло на меня от этих фигур, несмотря на то, что стволы «Спайронов» быстро разобрали нашу компанию на вероятные мишени.

Лазарь заполошился под прицелом:

– Мы – первая группа лазаритов. Нас ждали!

Один из военных (судя по всему, старший наряда), быстро закатал рукав, на котором обнаружился браслет сканера–идентификатора. Он шагнул к Старику и направил считывающее устройство ему в лицо. Подтверждающе кивнул:

– Добро пожаловать. Теперь ваша очередь, женщины.

Беата прошла сканирование и указала на меня пальцем:

– На этого человека у нас нет допуска. Он – наш товарищ и проводник.

Начальник караула быстро проверил мою физиономию на фотогеничность, после чего рявкнул:

– Это один из демонов Прайда!

Пять штурмовых винтовок мгновенно поймали меня на мушку. В наше оружие вмонтирована специальная интеллектуальная система самовзвода, такая ушлая, что фактически она в состоянии уловить нервный импульс на решение и самостоятельно спустить курок. Выигрываются доли секунды. Зеленые индикаторы, что зажглись на цевье каждой из

винтовок, по сути, были для меня загоревшимся сигналом светофора при переходе в лучший мир. Беата метнулась между мной и патрулем, растопырив руки:

– Не смейте!!! Без него у нас не было бы и полшанса в пути сюда! Этот демон – бывший военный, он такой же, как вы.

Командир смены ответил спокойно, без нервов:

– Да будь он хоть сам Будда Гаутама, это ничего не меняет. Есть четкие инструкции. Сожалею, брат, – последние слова предназначались мне.

– Стойте. Я требую личного вмешательства коменданта Дильмуна. И имею на это полное право! Вызывайте его сюда, – Лазарь встал рядом с Беатой, секундой позже компанию ему составила Эрика.

Теперь они втроем стояли между мной и остроконечными кусочками свинца. Дильмун, значит. Что–то знакомое, но оно явно не стоит того, чтобы получить пулю за такую интересную информацию. Ситуация предстала в ином свете.

– Может мне быстренько отвалить, и вопрос решится? – предложил я.

Командир наряда отрицательно покачал головой:

– Проблема в том, что ты уже здесь.

– Понятно.

Он заколебался. Качнул головой в сторону Беаты:

– Она говорит правду?

Я гордо выпрямился:

– Учебно-тренировочная база «Форекон».

– Солидное заведение.

– Еще бы! А те, кто не проходит к нам, обычно попадают в «Боевые ошейники»!

Вся пятерка бывших десантников рассмеялась. Начальник караула прищурился:

– Как определил?

– Есть приметы…

Хочешь сохранить инкогнито – меньше свети военными наколками. Только слепой не разглядел бы татуировку «Джеронимо» на его запястье. Старший патруля медленно опустил ствол винтовки, остальные тут же скопировали действия командира. Тихий свист «Спайронов» сообщил, что оружие снято с боевого взвода.

– Ладно, уважаемый гражданин, мы идем навстречу просьбе вашей группы. Только придется тебе самому навестить коменданта. Он не добрая фея, чтобы прилетать по вызову. Один из моих людей проводит тебя, – короткий условный жест, и рядом с Лазарем выросла фигура десантника. – Девушки тоже могут

пройти. А мы пока побудем тут, с вашим другом.

– Нет. Мы останемся с Велчером, – быстро сказала Беата.

Любопытная со стороны, наверное, была картинка. Прямо на земле сидел небритый мужик в потрепанном сером плаще, а рядом с ним устроились две молодых красотки, и каждая положила свою ладошку ему на плечо, словно хотела оградить или защитить. Бойцы, что стояли поодаль, периодически бросали на нас изумленные взгляды.

Лазарь вернулся почти через час в компании неизвестного мне субъекта в строгом темно–синем костюме. Они появились из прохода, на ходу продолжая затеянную, видно, не сейчас перепалку:

– Рими! Не успел ты появиться, как начались неприятности. Для чего создаются правила? Чтобы их нарушать? Тебе, как никому другому это известно!

Рими – это наш Лазарь, между прочим, обращение прозвучало именно к нему. Вот так и всплывают настоящие имена тех, с кем полтора месяца делил хлеб Лавакрона.

– Процесс выхода не отработан, мы будем не раз вносить в него изменения. Тот риск, которому добровольно подвергли себя первопроходцы…

– Какие изменения?! – взорвался «костюм». – Нам плевать на утечку по уровням! График ротации грешников и переменного состава служащих такой, что любая информация будет размыта. Мы все предусмотрели! И вдруг ты начинаешь посвящать в нее посторонних демонов!

– Я имею права! Дополнительные права! Мне виднее!

– Кто бы с тобой сейчас разговаривал, не будь твоего особого статуса, – проворчал комендант Дильмуна.

Они как раз поравнялись с нашей сидячей забастовкой. Чиновник улыбнулся Беате и ласково потрепал Эрику по розовой щечке со словами:

– Тебя заждались.

После чего его внимание обратилось на меня. Он с вымученным вздохом произнес:

– Здравствуйте, Велчер, или как вас там.

– И вам здравствуйте. Имя ваше мне неизвестно, поэтому будете «как вас там» без Велчера.

Он гневно сверкнул взглядом, потом усмехнулся:

– Рими успел меня просветить насчет вашего характера. Надеюсь, вы сможете обуздать свой темперамент в Дильмуне. Иначе и у вас, и у нас будут с этим неприятности.

Бормоча поучительные нотации, он взял меня за руку, а второй отстегнул с пояса квадратный черный прибор, похожий на

коммуникатор. Чиновник приложил его к моему запястью и стал что–то вводить на дисплей, который засветился на другой стороне пластикового прямоугольника.

Беата облегченно улыбнулась и, чтобы успокоить меня, погладила ладошкой по плечу. «Все нормально, мол. Не трепыхайся». Раздался легкий щелчок, и мне в кожу впились не меньше сотни маленьких иголочек. Я дернулся, но у «костюма» оказалась крепкая хватка. Через секунду он выпрямился и удовлетворенно произнес:

– Готово. Метка поставлена. Добро пожаловать в Дильмун, Велчер.

– Спасибо. Хотя пока не знаю за что.

– Ваш покровитель все вам объяснит, – комендант снова бросил на Лазаря (или уже Рими?) служебно–недовольный взгляд и, всем видом выражая свою чрезвычайную занятость, отчалил.

Старшина караула щелкнул своим опознавателем прямо мне в интерфейс и подвел итог разборке:

– Допуск на вход акцептован.

Десантники расступились, пропуская нас вперед. Теперь они стали само радушие. Я с некоторым волнением делал шаги в неизвестность. Что откроется там, через несколько пролетов широкого и темного коридора? Увиденное потрясло меня до глубины души, пробило токами гусиной кожи каждую клеточку моего тела. Это была необозримых размеров пещера, настолько большая, что казалась бесконечной. Вдали ее заливал яркий и почти солнечный свет, а прямо перед нами целое пространство было погружено во тьму. И в этой темноте к верху вздымались тысячи подсвеченных изнутри колонн. Мы стояли на чем–то вроде смотровой площадки, и отсюда ясно видели их содержимое. Сама Земля, ее природа находилась внутри прозрачных колб. Голубые и бирюзовые воды, малахитовые джунгли, серые папоротники и ослепительно белые северные снега. Это был стеклянный лес, разноцветный частокол. Сколько их? Без счета.

– Ты бывал в штаб–квартире Департамента Рая? – тихо спросила Беата, которая замерла рядом, прижимаясь к моему плечу.

– Нет. Откуда?

– Если бы ты там побывал, то сейчас сразу бы узнал сооружение. Само здание Департамента Рая выполнено, как миниатюрная модель того, что в настоящий момент находится перед нами. Такое послание поколениям оставили строители Лавакрона. Тот комплекс запрещено сносить или менять его облик. Принят специальный закон. Может быть, в будущем

найдется логик, кто сумеет прочесть архитектурную записку и догадается, что скрывается под Эпроном.

– Зачем? – как эхо отозвался я.

Сзади подошли десантники. Дверь, ведущая на седьмой уровень начала смыкаться, но потом остановилась.

– Вам нужно еще какое–то время? – тактично поинтересовался старший.

– Да. Вы можете дать нам двадцать минут? Мы хотим еще раз попрощаться с Лавакроном, прежде чем закроются ворота. Все–таки провели там немало…, – попросил Лазарь.

– Хорошо, мы вернемся через полчаса. Устроит?

Получив утвердительный ответ, охрана удалилась по стальному переходу куда–то вбок. Наверное, пошли в караулку. Чего им с нами торчать? Все равно ни одна живая душа не сможет преодолеть воздушные вихри без их ведома.

– Зачем это все? – повторил я.

– Человек меняет планету. И сам внутренне страшится своих реформ. К чему они приведут? Ты видишь хранилище всех биоценозов Земли в первозданном виде. Исторический платиновый метр. Точка отсчета и ориентир на прошлое. Возможность все восстановить, – пояснил Лазарь.

– Сколько их?

– Не знаю. Их число постоянно увеличивается пропорционально тому, что мы меняем на поверхности.

– Спятить можно от таких дел, – признался я.

– Мы живем во времена глобальных изменений. Когда–то и армии не будет, – предположила Беата.

– В моих планах сыграть в ящик прежде, чем это произойдет.

– Не переживай, Велчер. Хоть ты и не ученый, но здесь найдутся возможности продолжить твою военную карьеру. Тем более, – Лазарь подмигнул и скосил хитрый глаз на Беату. – У тебя будет прекрасный ассистент, который поможет побыстрее ассимилироваться в Дильмуне.

– В Дильмуне? – тупо переспросил я.

– Ну да, Дильмуне. Это – Рай, аналог Эдема в шумерской мифологии. Ты своего добился. Демона Велчера больше нет, его место занял человек с полностью стертой из файлов планеты биографией. Теперь ты – один из нас. А перед тобой твоя новая обитель до скончания дней.

– Стоп, ребята. Мы так не договаривались, – я решительно остановил поток ласкового красноречия старика. – Я хотел узнать про ваши загадки, и вы мне их открыли. Благодарю за честность, тем более, что про восьмой круг ада я уже и сам догадался. Но чтобы стать его гражданином. Нет, про Дильмун у нас договора

не было.

Мечтательное выражение Беаты сменила грустная пелена в глазах:

– Велчер… неужели ты хочешь…, – прошептала она и закусила губу.

Клянусь, у меня сердце едва не разорвалось от ее печального вида.

– Запереться здесь на веки вечные я не согласен. Пока, по крайней мере. У меня есть еще незаконченные дела в Лавакроне.

– Велчер! – с упреком протянул Лазарь. – Я думал, что ты все понял. У тебя есть допуск на вход, но не на выход. Скажу больше, его ни у кого нет. Это попросту невозможно.

– Дьявольщина, – мои ногти впились в ладони. – Как же мне хочется сейчас на все плюнуть! А Велчерон? Там на меня рассчитывают! А Си–Так? Я обещал ему свою помощь. Ваш ухарь Элки непременно перережет нашему приятелю глотку, а я не могу такого допустить! Бросить всех? Да кто я после этого? – у меня в голосе звенело отчаяние, но благодарный взгляд прекрасных глаз Эрики поддержал падающую башню моей решимости.

Беата закрыла лицо ладонями и отвернулась к поручню. Будь я проклят, если наша стальная девочка сейчас не плакала, да мне и самому невыносимо захотелось разрыдаться вместе с ней. Но я знал, что стоит мне сдаться и переступить порог Дильмуна, и я уже никогда не буду прежним. Я отращу бороду, как у Си–Така, потому что не смогу смотреть в зеркало во время бритья. Мне будет стыдно глядеть в глаза своему отражению.

– Охрана тебя не отпустит, – терпеливо продолжил увещевания Лазарь.

– К черту! – теперь уже мое природное упрямство пришло на помощь подгибающей колени решимости. – Зови патруль! Джеронимо!!!

На этот призыв всегда откликались и неважно, где он звучал – около барной стойки или в бирманских болотах. Не прошло и пяти секунд, как по металлическому парапету загрохотали тяжелые армейские ботинки.

– Братья, оказывается, что мне нет хода назад. Вот незадача. А у меня в Прайде осталась пара дружков, таких же, как вы, тоже из «Боевых ошейников». Парни будут иметь большие проблемы, если я не вернусь. Ну что? Пристрелите меня? Если я развернусь и пойду подсобить своим?

Десантники переглянулись.

– Я же говорил, что с этими инструкторами вечные проблемы, – подал насмешливый голос один из бойцов.

Начкар снял черную перчатку без напальчников и задумчиво

потер переносицу:

– Хм…, допустим, что ты не пересек порога Дильмуна, а включил заднюю передачу и растворился в эпроновском тумане. Должны ли мы открыть огонь? Нет, поскольку у тебя действующий допуск. Пытаться задержать тебя? Тоже нет, потому что мы не полиция, мы охрана Дильмуна. Какой вывод? Да, приятель, похоже, что ты можешь спокойно сваливать, если твоя группа подтвердит нашу версию. Даллас, сумеешь затереть видео с камер?

– Нет вопросов, капрал.

– Рими, вы подтверждаете, что проводник отказался воспользоваться допуском и не стал пересекать границу Дильмуна?

– Да.

– Тогда, удачи тебя, парень. Жаль, что ты не остаешься, – посетовал командир. – Мы с ребятами уже собрались пригласить тебя сегодня на пиво, поболтать, вспомнить службу.

– Слушай, а если мне задержаться на пару дней? Можно? Смыть лавакроновскую грязь и все такое.

– Ты давай не наглей, а?

– Инструктора баз, они такие, – вставил ехидное замечание тот же десантник.

– Мне бы еще пять минут, чтобы попрощаться, – попросил я.

– Хорошо. Ребята, давайте отойдем на пару шагов, дадим людям место!

Вот и настал момент, когда мы оказались с Беатой друг перед другом, глаза в глаза. По всем канонам медиасериальных сцен, мы должны были попрощаться с ней напоследок, вслед за Эрикой и Лазарем, но красотка в силу своего темперамента, проявила инициативу. Ее губы были поджаты в немом укоре, глаза уже высохли и теперь метали негодующие дротики. Мне же на ум пришли какие–то казенные и затасканные слова, совсем ненужные:

– Прости. Я и вправду должен вернуться.

Зато ответ Беаты отличился оригинальностью:

– Ты – осел, Велчер. Это понятно. Знала же, с кем связывалась! – выдохнула она, как бы обижаясь на саму себя.

Я неуклюже привлек девушку к себе. Она послушно положила голову мне на плечо, потом отстранилась и сказала строго:

– Ладно. Я подожду. Только не очень долго. Ты понял меня, Велчер? Не очень долго!

Ее руки обхватили мою шею, и Беата неожиданно подарила мне долгий и горячий поцелуй. Стоявшие в стороне десантники прокомментировали наши объятия протяжным свистом. Моя

подружка порывисто повернулась и пошла к винтовой лестнице вниз. Когда ее ножка зависла над первой ступенькой, ко мне полетел небрежный прощальный жест. В него Беата вложила свою досаду на то, что ее мужчина повел себя, как последний остолоп, но одновременно плавное движение изящной кисти сулило обещание будущего.

Эрика звонко чмокнула меня в колючую щеку.

– Спасибо, Велчер. Позаботься о Си–Таке, – шепнули ее губы.

– Тебе тоже заранее спасибо. За Беату, – многозначительно сказал я.

– Договорились, – крепкое пожатие скрепило наш союз.

– Ничего не передать ему?

Эрика лукаво улыбнулась.

– Передай, что я буду помнить.

– И все?

– И… скажи, что я буду думать. Хорошо думать. Это все.

Ко мне бочком протиснулся Лазарь. Задушевно просунул под мой локоть свою ладонь и повел ко входу в Дильмун. Старик обратился к охране с вопросом:

– Ничего, если мы немного прогуляемся вдвоем?

Командир наряда взглядом показал, как он относится к нашей затянувшейся процедуре расставания, но словами превозмог себя и ответил:

– Ладно. Только уговор: если у вас опять что–то поменяется то, клянусь, что тут будет два трупа.

Мы снова вышли на эпроновскую ложбину. Туман, что стлался за ее пределами, теперь не выглядел жутким монстром. Я смотрел на него, как на бутафорские рождественские фонарики, все казалось не настоящим, не взаправдашним.

– Пусть Лавакрон, пусть «Кодекс», новые Боги и новые мессии. Но это что?! Зачем вы затеяли Дильмун, скажи мне, Лазарь или Рими, я уже даже не знаю, как тебя называть!

– Привилегии. Всю историю цивилизации чернь боролась за свои права, а власть – за привилегии. И вот теперь они создали идеальную машину, которая оцифровала все вокруг. Чувства, эмоции, даже мысли. В последнюю очередь она должна оцифровать их самих, ее создателей, потому что процесс уже запущен. Лавакрон – черная дыра планеты и единственный тоннель к спасению.

– Лазарь, у тебя дурацкая привычка во время разговора с человеком все равно беседовать с самим собой! Ты хочешь мне сказать, что вы прошли по всем кругам, рискуя жизнью, чтобы проложить тропу для остальных, таких же? Какая–то нелепица.

– В Лавакроне не действуют законы. Система теряет нас из

виду навсегда. Даже крематории тут свои. Кто–то должен был начать. Все из нашей группы – добровольцы. Даже Эрика. Только я зашел в преисподнюю чуть раньше. Хотел познакомиться со своим детищем поближе.

– А те, кто уже здесь, в Дильмуне? Они как сюда попали?

– Пока не заработала новая система, оставались лазейки. Но парадокс в том, что создатели машины управления цивилизацией, те, кто отвечает за запуск процесса, сами тоже хотят укрыться от ее всевидящего ока. Предупреждение – введение «Кодекса» по всей Земле, финальная отмашка – отвод саламандринов из Лавакрона и всемогущество демонов. Это точка невозврата. Теперь оставшимся разработчикам из числа посвященных придется последовать нашим путем. Не перекрыт только он. Народу будет немного, несколько сотен человек.

– И что теперь вам остается? Сидеть тут, в подземелье, пока не выпадут коренные зубы, и наблюдать эти разноцветные пробирки? Унылая перспектива, хоть и красивая.

– Ты опять ничего не понял. Лавакрон не случайно расположили на берегу моря. С восьмого уровня есть тоннель наружу. Знаешь, куда он выходит? Эх, Велчер… Национальный заповедник Земли. Самую большую нетронутую зону на планете. Несколько тысяч квадратных миль потерянного пространства. Даже небо закрыли над ним, даже орбиты спутников пересмотрели ради чистоты эксперимента невмешательства. В центре давно насыпаны искусственные острова с комфортабельными коттеджами.

– Проклятье! Я что–то припоминаю… Ага! Был проект о создании территорий – заповедников биосферы. Помню, что возмущался им еще на военной службе. Вот, значит, оно как…

– Это и есть настоящий Рай.

– То есть – Земля – это на самом деле ад, ваш Дильмун – истинный Рай, а что же тогда Лавакрон?

– Полагаю – Чистилище.

– А мы, стало быть – демоны, что совращают род людской. Я так всегда и думал. А этот Дильмун… Престарелые чиновники и заслуженные деятели скачут там теперь в юбках из пальмовых листьев? Умора! Снабжения же нет никакого! Максимум, фотопреобразователи.

– Не без них. Ветрогенераторы тоже есть. Но только на всякий случай. Не забывай, что Лавакрон не только преисподняя, он еще производственный и энергетический агломерат. Конечно, мы немного присосались к нему.

– Пон–нятно…

– Страх. Мы все боимся Лавакрона и того, что за ним

последует. Никогда еще человечество не проводило столь глобального эксперимента с собственным сознанием. Моя любимая фраза: страх всегда идет по наивысшим расценкам. Ее часто повторял один из моих учеников. У меня их было двое. Первый – парень не без способностей, ему пришлось сыграть очень не простую роль в подготовке второго. А второй – настоящий талант, твердый, как алмаз. С устойчивой кристаллической решеткой. Мы вели беднягу во тьме неведения к уготованной роли. Но я в нем не сомневаюсь. Ты даже не представляешь, что выпало на его долю. Были опасения относительно его кандидатуры, но я лично пролоббировал ее выбор. Пришлось ради этого разыграть одну маленькую сценку. Даже слегка стыдно за нее…

– Это случайно не тот тощий тип, что давал мне инструкции, когда я был в Прайде?

– Именно он. И вам еще предстоит общаться. При случае, пожалуйста, передай ему: «Проектировщик верит в тебя. Крепись». Не забудешь? И пожалуйста, относись к этому парню снисходительно, ведь он взвалил на себя непосильный для обычного смертного груз.

– Хорошо. Передам, – я дружески хлопнул старика по плечу. – Ушлые вы типы, однако.

– Прощай, Велчер.

– Прощай, Лазарь. Я еще навещу всех вас в Дильмуне. Увидишь.

Мы обнялись напоследок, и я зашагал в направлении туманных гейзеров. В голове путались мысли и эмоции.

Когда читаешь о деяниях великих революционеров, то приходишь к выводу, что вся их жизнь состояла из борьбы. Странно. У меня она всегда состояла из завтраков, обедов и ужинов. Я растворился в демонском бытие, Лавакрон поглотил мои помыслы. Но все время капитан Слик где-то внутри осознавал, что Система – мой истинный враг. И когда она сделала мне щедрое предложение перейти под свои знамена, дух бунтаря вскипел в моей крови пузырьками адреналина. Кто-то скажет – дурак, потому что отказался от прелестей Беаты и перспектив счастливой жизни. Но я верю, что поступаю правильно. Ибо Система подставилась, раскрыла мне свое незащищенное брюхо. Мессия грядет, и Лавакрон есть наковальня, что выкует будущего посланника Божьего. И я обязательно в этом поучаствую, а заодно решу проблемы Си-Така и моих друзей в Прайде. Ради такого шанса я рисковал, терпел зной третьего круга и смирял свой дух перед несправедливостью Системы. Я ждал, я верил, что мое

время придет. И вот это случилось. Я пойду до конца, чего бы мне не стоил подобный выбор. Потому, что я – капитан Константин Слик и это – мой манифест.

Линия Моллоя. Послесловие

Личный коптер Архитектора Лавакрона был похож на яйцо. А по цвету напоминал золотой слиток. «Гутта Соул». «Кусочек Солнца». Так Моллой назвал его. Он уже поставил ногу на трап, когда услышал за спиной оклик. Это Тониа спускалась по винтовой лестнице на летную площадку и махала ему рукой. Креолка двигалась с завораживающей кошачьей грацией. Охранник, что стоял рядом, не мог отвести от нее глаз. Горячий ветер от турбин разметал ее прическу, и девушка со смехом прижала волосы ладошками. Она добежала до Моллоя и повисла у него на шее. Смущенным движением Архитектор обнял свою подружку. Теперь Тониа работала в Департаменте Транспорта, и они могли не скрывать своих отношений. А перевод пришлось оформлять, когда бывшая помощница окончательно перебралась в апартаменты Моллоя. Это произошла сразу после того, как оттуда съехала Лори. В один вечер он открыл дверь дома и не увидел бонсаев. И сразу все понял.

– Возвращайся скорее. Тебя сегодня ждет особенный вечер, – прошептали теплые губы Тониа. Ее острые зубки игриво куснули его мочку уха.

Моллой покосился на охранника, но тот ничего не слышал. Шум винтов заглушал слова.

– Так вернешься сегодня? – требовательно спросила креолка.

– Да, – Архитектор поцеловал девушку и торопливо шагнул в геликоптер.

– Летим к шестому котловану, – приказал он пилоту.

Герметичные двери убрали все звуки. Легкое стрекотанье винтов лишь едва пробивалось сквозь обшивку. Коптер дрогнул и стал мягко набирать высоту.

Через полчаса они были на месте. Моллой увидел свежую рану. Ножевой удар, что снова проткнул тело планеты. Комья земли, как капли коричневой крови. И нанес его он, Архитектор. Марионетка в чужих руках? Кто, как не он просчитал проект новых подземелий? И сделал это безупречно. Теперь Моллой знал свою высокую цену.

Прайд – плюс 140% территории. Стимоний и Инфиделити – плюс 70%. Пургатор – плюс 960%. Первый круг будет трудиться на всю планету. И станет наращивать и наращивать обороты. Рай наверху и Ад в глубине. Религия, словно покрывало с

многозначительными и таинственными рисунками. Эти символы на полотне взывают, они ждут толкований пророков.

Архитектор поправил наушник и сказал пилоту:

– Разблокируй люк, я хочу посмотреть на западную стену.

– Хорошо. Но будьте осторожны. Воспользуйтесь страховочным тросом.

– Непременно.

Порыв ветра едва не отбросил его внутрь, когда Моллой отодвинул в сторону дверь. Пол под ногами вибрировал, словно биение пульса. Архитектор заглянул за край и увидел бездну. Тоска по чему–то очень важному, но утраченному сжала его сердце стальными холодными пальцами. Тело жило, оно получало питательные вещества, наслаждалось всеми человеческими радостями. Как случилось, что он не чувствует в себе человека? Когда он потерял его? Остался только мозг, бездушный, расчетливый. Он дергал организм за веревки нервов, но сам уже был давно мертв, мертвее этих скальных пород, что сверкали внизу. Они манили его к себе, говорили: «Ты наш! Твое место здесь!» Левиафан страстно хотел воссоединиться со своим создателем. Моллой закрыл глаза, его пальцы на дверной ручке разжались. Ему вдруг стало легко, все страхи ушли, как ушла тяжесть, свинцом наливавшая мысли уже много дней к ряду.

Когда через минуту пилот обернулся, он увидел распахнутую гермодверь коптера и пустой коридор.

Вечером в просторных и пустых апартаментах Архитектора вдруг замигал экран информационной панели. Все помещение было погружено во мрак – сенсоры движения спали, они не зафиксировали в комнатах ни одного живого человека. Зато ожил экран компьютера. И развернулся входящим сообщением:

«Мой дорогой ученик! Прости за непосильную ношу, что я взвалил на твои плечи. Но ты выдержишь, у меня нет в этом никаких сомнений. С той нашей встречи в пабе «Лестница вверх» я понял, что в тебе достанет твердости ни на йоту не отступить от плана, а твое врожденное сострадание позволит сделать этот план чуть менее ужасным. Во все века философы рассуждали о несовершенстве царств человеческих. Но не в государственных формациях скрывалось зерно несовершенства. Несовершенны мы, люди. Новая система уже запущена, она электронным пастырем будет направлять грядущие поколения и не позволит им свернуть с намеченного пути. Она учтет все несовершенства рода человеческого, ответит на все тайные помыслы и реализует веру в сверхъестественное. Но мы, ее создатели, сами страшимся монстра, что был пробужден нами к жизни. Поэтому и осталась

последняя тайная калитка – вход на 8–й уровень. Там сосредоточены все знания Земли, ее научный потенциал. Пройдя чистилище, мы отмываемся от следящего ока Системы и вступаем на нижний ярус чистыми. Все мастодонты, все ископаемые мамонты старого мира скоро последуют этой дорогой. Зельден, Эйхбаум и прочие. Они проберутся сквозь ад, чтобы возродиться в новой личности. Так же, как библейский Лазарь. Это символично. Если совсем будет невмоготу – замыкающим лазарем сможешь стать ты, Архитектор. Вместе с несколькими людьми, которые тебе дороги. Или ты волен остаться, чтобы проследить как развивается наше детище. Выбор остается за тобой. Возможно, мы увидимся здесь, на 8–м круге ада, последнем осколке прежней цивилизации Земли. Остаюсь твоим другом и учителем, с почтением и признательностью,

Проектировщик».